
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1956
Издательство «ПРАВДА»

По путевке комсомола приехали в Донбасс, на шахту имени Абакумова, бывшие моряки Черноморского пароходства, комсомольцы Георгий Дементенко и Анатолий Таранюк.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: ПОРТРЕТ ИВАНА ФРАНКО.

Художник В. САВИН.

ОГОНЁК

№ 35 (1524) 26 АВГУСТА 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

С производства—в вуз

Через несколько дней распахнутся двери всех учебных заведений. Школьники, учащиеся техникумов и студенты займут свои места в классах и аудиториях. Впервые начнутся занятия в 285 школах-интернатах.

Судя по цифрам прошлого года, около 50 миллионов советских людей — каждый четвертый! — где-нибудь учились. Более 30 миллионов было школьников, около 2 миллионов человек обучались в средних специальных заведениях, почти 1 миллион 900 тысяч насчитывалось студентов. А сколько учащихся получали или совершенствовали на всевозможных курсах свои профессиональные знания! В нынешнем году эти цифры значительно возрастут: уже начато осуществление всеобщего среднего образования.

Четыре миллиона специалистов будет подготовлено за период шестой пятилетки. Это почти столько же, сколько получила наша страна за два предыдущих пятилетия.

В университеты и институты поступает не только молодежь, получившая в этом году аттестаты зрелости. Успешно выдержали приемные испытания многие молодые люди, потрудившиеся после школы на заводах и фабриках, побывавшие в рядах армии и флота. Их особенно охотно принимают в высшие учебные заведения. Обогащенные трудовым и житейским опытом, эти студенты с наибольшей пользой воспримут знания, которыми вооружит их высшая школа. Вернувшись на производство с дипломом, такие специалисты помогут нашему народному хозяйству еще быстрее шагать вперед, овладевать новыми высотами техники.

На снимке: декан строительного факультета Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева И. А. Трифонов поздравляет с поступлением в вуз Евгения Зуйко. По окончании школы он служил в армии, а затем несколько лет работал электросварщиком.

Фото Я. Рюмкина.

АЛТАЙ УБИРАЕТ

Раздельная уборка в совхозе «Краснодарский».

Поначалу Алтай напоминает Кубань: те же просторы ровнейших степей, те же синие горы на горизонте... Только на Кубани кажутся пестрее поля. А здесь едешь двести, триста, пятьсот километров — и все хлеб, хлеб, хлеб, да еще редкие березнячки, «околки», как зовут их местные люди, да еще зеленые массивы кукурузы.

Но главное — хлеб! Здесь сплошные массивы по пять, шесть, семь и более тысяч гектаров. И ни межи, ни перелеска... Ведь вот как роскошно они выглядят, эти миллионы гектаров, распаханные на стороне алтайской!

А урожай! После позапрошлого года алтайцев трудно удивить хорошим хлебом. Урожаем 1954 года многие колхозники кормятся и по сей день, а говорят о нем, как о событии, невиданном в Сибири. Но и этот, нынешний, урожай даже осторожными знатоками оценивается как выдающийся. Едешь от комбайна к комбайну, осведомляешься:

— Хлопцы, как намолот?

А в ответ слышится строгое, деловитое:

— Что намолоты? Сто двадцать, полтораста, сто семьдесят пудов... Намолоты как намолоты.

Привыкает алтайский народ к урожаю!

И не зря после первых намолотов край так щедро уточнил свое обязательство: не 300, как обещали недавно, а 350 миллионов пудов положат алтайцы в закрома государству — на сто с лишним миллионов пудов больше, чем в урожайнейшем 1954 году.

Но трудна уборка! На станциях и полустанках края сутками дежурят нетерпеливые механики и директора МТС, ждут подхода комбайнов и жаток. Машины чуть ли не с марша врубаются в хлеба. А по проводам все несется: «Комбайнов, комбайнов, еще комбайнов!» Пусть же комбайнеры юга, железнодорожники и комбайностроители не забывают об этой тревоге алтайцев... Каждая машина, в срок поступившая на Алтай,— это еще и еще пуды сбереженного хлеба...

Трудна страда! По ночам долго не гаснут огни в вагончиках, конторах, райкомах партии... Нельзя рисковать таким урожаем! Вот почему так зол сейчас народ к людям неповоротливым, безруким, что еще встречаются в колхозах и МТС Алтая. Вот почему так накалены речи на совещаниях и радиопереключках. Нельзя рисковать таким урожаем, он достается не каждый год! И, может, поэтому столь ревностно ухватились лучшие люди Алтая за раздельную уборку. Стариннейший русский метод уборки обновленным вернулся на поля вместе с могучей техникой. Радуются комбайнеры: хедеры не вязнут в перестоявших, поросших травой хлебах, не забиваются сырой, непрожеванной массой барабаны комбайнов. Скошенный хлеб отлично сохраняется и подсыхает в валках, сорняки перегорают под жарким солнцем, комбайны с подборщиками идут споро, легко, не перегружаясь, и уже не услышишь ни на токах, ни на элеваторах привычного хныкания: «Опять сырое зерно! Куда его девать? Как хранить?» Нет, там, где убирают раздельно, голоса лаборанток звучат весело: «Влажность нормальная, ссыпайте, пожалуйста!»

А кого не встретишь сейчас на полевых станах! Разговоришься вечером после страдного дня где-нибудь у вагончика или палатки,— сколько же тут разных людей! Московские студенты, краснодарские швейницы, демобилизованные солдаты из-под Челябинска, ленинградцы, туляки, барнаульцы... А поезда с народом все прибывают. Богатство народное — урожай — вырос! Так не общее ли это дело — убрать его до последнего зернышка!

Г. РАДОВ

Фото М. Савина.

Старейший комбайнер Алейской МТС Петр Васильевич Седышев с дочерью Галиной — десятиклассницей, впервые ставшей к штурвалу комбайна.

ТРУЖЕНИКИ СТАВРОПОЛЬЯ СДЕРЖАЛИ СЛОВО

Колхозники и колхозницы, рабочие и работницы МТС и совхозов, специалисты сельского хозяйства Ставропольского края сдержали свое слово и досрочно, 6 августа, выполнили государственный план хлебозаготовок в количестве 70 миллионов пудов, а к 18 августа колхозы и совхозы края сверх плана сдали и продали 25 миллионов пудов колосовых культур. Ценнейшей продовольственной культуры — пшеницы — сдано 83 миллиона пудов.

Сверхплановая сдача хлеба государству в счет 100 миллионов пудов продолжается.

На снимке: бригадир колхоза имени Кагановича, Благодарненского района, Ставропольского края, И. Д. Шейкин и агроном Л. Б. Стахурлова отбирают образцы семян для контрольно-семенной лаборатории.

Фото О. Пожарского.

Ко Дню шахтера

В КРАЮ ДОНЕЦКОМ

Вл. РУДИМ

Фото О. Кнорринга.

По донецкой дороге, мимо шахтерских огородов и палисадников с ромашками и розами, громыхали два грузовика. В кузовах сидели на дощатых перекладинах веселые ребята, на борту виднелись слова, написанные размашисто мелом: «Мы едем на шахту по путевкам комсомола».

Горняки-старожилы провожали их теплыми взглядами, одобрительно восклицали:

— Оце хлопци як треба!

На машинах этого не слышали. Парни пели песню, давнишнюю хорошую песню:

> На работу жаркую,
> На дела хорошие
> Вышел в степь донецкую
> Парень молодой...

Степь донецкая!.. Вот она лежит перед нами, то ровная, то холмистая, в мареве августовского зноя, шелестит кукурузой, улыбается яркожелтыми близнецами-подсолнухами... И, куда ни посмотри, всюду видны терриконы — сизые, дымящиеся, молчаливо-мудрые, как египетские пирамиды.

Больше ста лет прошло с тех пор, как появились они в этом краю, пересекаемом прохладным Донцом, и с каждым годом их становится все больше: вступают в строй шахта за шахтой, геологи открывают новые месторождения «солнечного камня».

Все больше угля требует страна от Донбасса, и вот на подмогу заслуженной шахтерской гвардии поднялась молодежь, откликнувшаяся горячим сердцем на призыв партии и правительства.

...Грузовики остановились возле светлого здания комбината шахты имени инженера Абакумова треста «Рутченковуголь». Из кабины высунулась вихрастая голова шофера:

— Прыбулы. Выгружайся!

Пока длилась несложная, но шумная разгрузка, к шоферу подошел местный парень с чемоданчиком:

— Доставишь в город, к вокзалу?

Шофер насторожился:

— Тикаешь обратно?

— Та нет, отпуск получил.

— Ну, тогда лезь в кузов.

...Началась горняцкая жизнь новоселов Донбасса. Быстро разместились в общежитии — просторном двухэтажном каменном доме, окруженном тополями и акациями, поставили на паспорта знаменательную — донецкую — прописку, выбрали специальности и начали заниматься в учебном пункте. Тут же узнали: занятия рассчитаны на десять дней, потом каждый получит назначение в бригаду и будет два месяца трудиться под руководством опытного горняка. В течение трех месяцев все получают тарифную ставку, а потом переходят на самостоятельную работу.

Кладовщик выдает новенькую шахтерку, резиновые сапоги и каску. Кое-кто постукивает по каскам, проверяя их прочность.

— Крепкая, не беспокойся! Не износится, пока шахта будет существовать.

— А на сколько лет в шахте угля хватит?

— На сто!

А потом самое волнующее: первый спуск вниз. Стремительно падает клеть в полумраке бетонного ствола, среди шума и брызг грунтовых вод. Несколько часов, проведенных в штреках и лавах, открывают тебе столько нового! Здесь трудятся крепкие и умелые люди, они водят быстрые электропоезда, груженные углем, совершают маневры, как на железнодорожном узле, управляют врубовыми машинами, транспортерами, взрывают мощные пласты угля, качают его на-гора.

Да, по-шахтерски говорят «качать уголь». И многое у горняков называется по-своему. Новички узнали, что такое «грудь забоя», что «тормозок» — это завтрак, который берут шахтеры в лаву, что «почтальоны» — это те, кто разносит взрывчатку в сумках, что «палить» — это значит взрывать пласт и что бригадир выделяет каждому навалоотбойщику свой угольный «пай», который нужно «перекачать» лопатой на транспортер.

Под землей приветствуют друг друга не «добрым днем» или «добрым утром» — здесь никогда не бывает утра, дня или вечера,— а простым «здравствуйте». Так и поздоровались комсомольцы, встретившись с Артемом Ульяновичем Карпенко. Артем Ульянович — в прошлом моряк Тихоокеанского флота, а теперь опытный начальник участка, на котором непрерывно растут и добыча угля и заработки горняков.

— План у вас большой? — спросил кто-то.

— Почему «у вас»? Надо уже привыкать говорить «у нас», — ответил Карпенко, дружески положив руку на плечо парня. — План большой, а сверх плана шахта взяла обязательство дать в 1956 году десять тысяч тонн угля!

* * *

Навалоотбойщик Дмитрий Горбачев ведет переписку с многочисленной родней, живущей на Брянщине: силится она «перетянуть» Дмитрия к себе, а никак не получается. У них, мол, там свой дом, все вместе — четверо братьев, трое сестер, работа полегче, чем на шахте.

— Не-е, обратно я уже не поеду, — категорически говорит навалоотбойщик. — Жизнь шахтерская мне по душе, укоренился я тут — и все!

Дмитрий Горбачев — молодой донбассовец. И он не жалеет, что попал сюда: есть в шахтерской профессии что-то такое, что влечет, как, скажем, море влечет матроса. И уж если душа приняла горняцкую службу, — не оторвешь ее, душу свою, от уголька. Добывать уголь — дело трудное, а Дмитрия всегда тянуло к делам, на которых можно силы свои испытать по-настоящему. В армии служил — был пограничником, потом поработал немного в леспромхозе и подался на «абакумовку».

Сейчас на шахте четверо Горбачевых — это только начало. Дмитрий ведь не только «отбивается» от брянских родственников, но и, в свою очередь, ведет атаку: братьев агитирует ехать в Донбасс. «Перетяну!..»

Так зачинателями «горняцких династий» становятся уже не пожилые шахтеры, как прежде, а молодые, приехавшие в Донбасс по зову партии и правительства. Но и старые «династии» не оскудевают, все время пополняются. На окраине четко распланированного шахтерского поселка с асфальтированными улицами отдельный новый дом занимает «династия» Александра Ивановича Майорова — потомственного шахтера. В этом «малолитражном доме», как говорит Александр Иванович, живет его сын Станислав — студент горного техникума, проходящий сейчас практику на шахте, зять Николай Петров — навалоотбойщик. Лишь недавно отбыл в армию второй сын Майорова — навалоотбойщик Виктор.

* * *

Они прибыли сюда почти одновременно по комсомольским путевкам из Киевской и Полтавской областей. Поселились в одном общежитии, рядом спали, рядом работали.

Коллективно купленный будильник поднимал их на рассвете с постелей, и они торопились в лаву — Андрей Устименко, Андрей Супрун и Петр Щербатый.

Петру не очень понравилось на новом месте, начал он «бегать по профессиям». «Плохо дело», — подумал Устименко о своем товарище и решил потолковать с ним начистоту. Встретились на скамейке в молодом парке, крупно поговорили.

— Щербатый ты шахтер, — не выдержал, вспылил Андрей, и хотя спохватился, но было уже поздно: Петр повернулся и ушел, ни слова не сказав в ответ.

Однако Устименко стал замечать, что Щербатый работает все лучше, навалоотбойщики о нем начали хорошо отзываться, и вот наступил день, когда на доске почета появился портрет Петра.

— Обоих Андреев опередил, — вот тебе и «щербатый шахтер»!

Потом началась история с Андреем Супруном. Он вдруг пристрастился к горилке (деньги-то появились крупные!), стал прогуливать. И тогда в многотиражке появилось письмо Петра. Он стыдил товарища: «Слушай, Андрей, как это случилось, что ты нарушил слово друга, обманул меня, родных своих обманул?..»

Подтянулся Супрун, жизнь трех друзей потекла как будто нормально. Вскоре Петр получил отпуск, уехал и... не вернулся обратно. И в приказе по шахте записали: уволен за прогул.

В тот день встретился Андрей Устименко с Александром Ивановичем Майоровым, рассказал ему о случившемся.

— Значит, не привился к шахтерской жизни, это бывает, — спокойно ответил Майоров. — Мы о таких не печалимся. Зато тот, кто остается, крепким человеком делается, такого согнуть так же трудно, как и рудничную стойку. Нам очень нужны люди, да не всякие!

Мы вспомнили эти слова старо-

По приглашению Президента Финляндской Республики У. К. Кекконена в Хельсинки прибыл с визитом Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов и сопровождающие его лица.

На снимке: встреча **К. Е.** Ворошилова на главном вокзале города Хельсинки.

Фото Н. Петрова.

Из коллекции французских музеев

В залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве открылась выставка картин французских живописцев XIX века из собраний художественных музеев Франции.

На снимке: в одном из залов выставки французской живописи XIX века.

Фото М. Озерского.

го горняка еще раз, когда были в кабинете начальника шахты Андрея Терентьевича Кравцова. Перед ним стоял посетитель лет двадцати пяти, в распахнутом вороте рубахи «красовался» вытатуированный орел, а на медной цепочке висело нечто вроде медальона. Присмотревшись, мы увидели, что это пятнадцатикопеечная монета. Парень просился, чтоб его приняли на работу. А он, оказывается, уволен на другой шахте за прогул.

— Нет, таких орлов нам не нужно, — категорически отрезал Кравцов, — мы принимаем других птиц, которые работящие!

— Как же мне быть?

— А так: возвращайся туда, где прогулял, и проси, чтоб тебе позволили загладить свою вину.

Когда «орел» ушел, мы высказали предположение, что он может двинуться еще на какую-нибудь шахту, а там, глядишь, и устроится.

Андрей Терентьевич улыбнулся:

— Не выйдет. Шахтерское дело не каждому доверишь. У нас ведь, как на фронте: оплошность или халатность одного может дорого стоить.

На «угольном фронте» особенно опасно быть разгильдяем и нарушать дисциплину. Здесь, как у солдат, лежат наготове специальные противогазы-самоспасатели, в штреках выдолблены ниши, где можно укрыться, если, скажем, сорвется вагонетка, устроены запасные выходы. И хотя нужды в них не было, тем не менее «порох всегда должен быть сухим».

Парни с комсомольскими путевками видели, как своенравная порода вдруг начинала давить в вентиляционном штреке на стойки — а каждая толщиной с ногу слона,— и они ломались, как спички. Но тут же появились крепильщики, ставили новое крепление и веско выговаривали породе:

— Врешь, этим нас не возьмешь!..

И все идет нормально, все, как надо. И если шахтер иногда действительно разволнуется, так только тогда, когда перестанут подавать порожняк или транспортер не во-время остановится. В такую минуту все — от навалоотбойщика до диспетчера — раздраженно спрашивают:

— Почему перестали качать уголь?

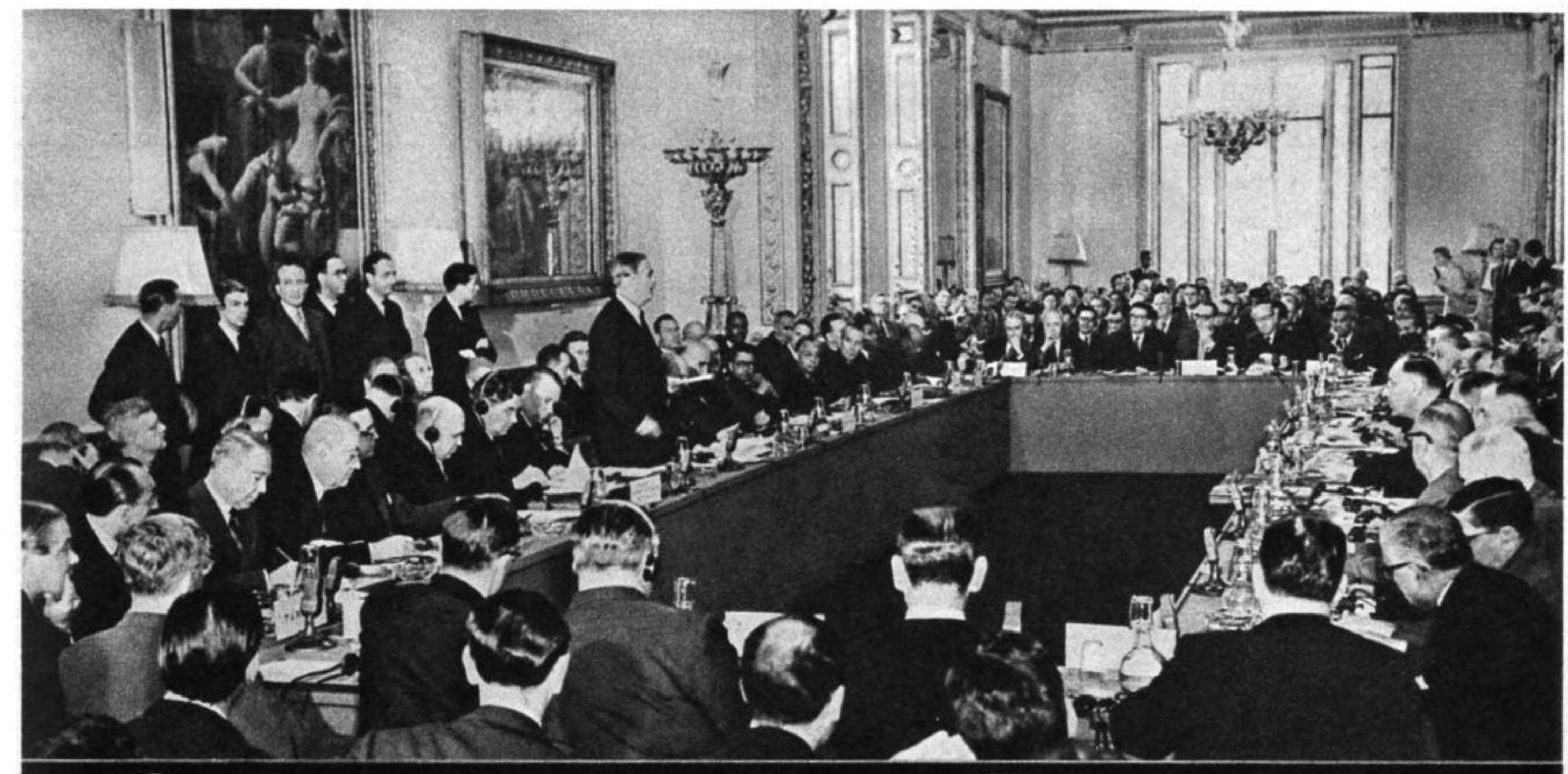
Скоро начнут «качать уголек» и новоселы шахты имени Абакумова и вместе с закаленной горняцкой гвардией будут погашать «угольный должок» стране, который числится за Донбассом. А пока молодежь обосновывается в краю сизых терриконов основательно, обзаводится семьями. Андрей Устименко нашел здесь не только «главную профессию» своей жизни, но и верную спутницу: он женился на вагонщице Шуре; вчерашний воин Матвей Трофимов тоже недавно приехал в Донбасс, выбрал себе новую профессию лесогона и тоже женился. Его подругой стала Маруся Скачкова — комсомолка, взрывник. Обе молодые шахтерские семьи получили комнаты, отметили шумное, по-горняцки щедрое новоселье.

За два месяца на шахту прибыло сто девять молодых рабочих, а ушло, точнее, сбежало, шесть. Значит, в степи донецкие едет хорошее пополнение!

Президент Республики Индонезии СУКАРНО.

К приезду в СССР.

Совещание в Лондоне

Общий вид совещания.
Фото В. Егорова (ТАСС).

В центре Лондона расположена старинная резиденция английских королей. Названия площадей и улиц остались здесь с древнейших времен: Посольское подворье, Конюший двор. На одной из них стоит закопченное трехэтажное здание — Ланкастер-хауз. Это здание стало местом Лондонского совещания некоторых держав, посвященного суэцкой проблеме.

Кое-кто настойчиво пытался превратить это совещание в международную конференцию. На самом деле это было именно совещание. На нем не представлены многие страны, заинтересованные в судоходстве по Суэцкому каналу. В нем не участвовал Египет, суверенным владением которого является канал. Поэтому участники совещания могли лишь в предварительном порядке обменяться мнениями по вопросам, связанным со свободой судоходства по каналу.

Заседания начинались около трех часов дня. По широкой мраморной лестнице участники совещания поднимались в зал, носящий название «Большой галереи». Здесь, за столами, расставленными четырехугольником, под картинами старинных мастеров, развешанными по стенам, происходили заседания.

Каждый день в газетах появлялся длинный список приемов, визитов, завтраков, переговоров отдельных делегаций друг с другом. Дело будущих историков — разобраться в деталях этих встреч. Однако главное ясно уже сегодня: если одни делегации использовали свое пребывание в Лондоне для того, чтобы искать пути для решения проблем, связанных со свободой судоходства по Суэцкому каналу на основе уважения интересов и суверенных прав всех народов, то другие пытались превратить это совещание в орудие нажима на Египет, с тем чтобы заставить его поступиться своим суверенитетом.

Делегация Советского Союза защищала в Лондоне дело смягчения международной напряженности, отстаивала интересы народов бывших колониальных стран, ныне борющихся за упрочение своей национальной независимости. Были и другие делегации в Лондоне — как, например, индийская, индонезийская, цейлонская,— которые отстаивали те же цели, что и Советский Союз.

В дни совещания в Лондон прибыли представители бывшей компании Суэцкого канала во главе с президентом компании Шарль-Ру. Они пытались влиять на ход совещания и добиться отмены национализации компании. В некоторых кругах Лондона они нашли немало сочувствующих. Силы реакции, которые настаивали на проведении так называемой «жесткой» политики в отношении Египта, были рады возможности использовать их услуги для нанесения ущерба судоходству по каналу.

Однако эти круги столкнулись с сопротивлением английской общественности, которая настойчиво выражает надежду, что суэцкий вопрос будет решен мирным путем, на началах, приемлемых для всех заинтересованных сторон.

Сила мирового общественного мнения, которое недвусмысленно высказалось за справедливое решение суэцкого вопроса, сыграла значительную роль в ходе Лондонского совещания.

В. НЕКРАСОВ

Лондон.

Против произвола реакции

Вместе с трудящимися всего мира миллионы немцев гневно протестуют против полицейских расправ, которые обрушились на Коммунистическую партию Германии после антинародного приговора «конституционного» суда в Карлсруэ. «Защищайте партию рабочего класса — КПГ!» — этот клич несется по всей немецкой земле — от Одера до Рейна. Тысячи трудящихся Германии собираются на митинги и демонстрации протеста против произвола боннских властей, пытающихся возродить худшие образцы нацистской тирании.

На снимках:

Митинг протеста в Берлине. С речью выступает главный редактор органа компартии Франции «Юманите» товарищ Андре Стиль. ←

Демонстрация протеста трудящихся Гамбурга. Надпись на плакате: «Запрещение КПГ несет войну, разрушение и смерть!» →

ПЕВЕЦ ПРАВДЫ И СВОБОДЫ

Среди славных художников слова, чье творчество неотделимо от жизни народной, имя великого писателя Украины Ивана Яковлевича Франко стоит в первом ряду могучих поборников свободы и справедливости.

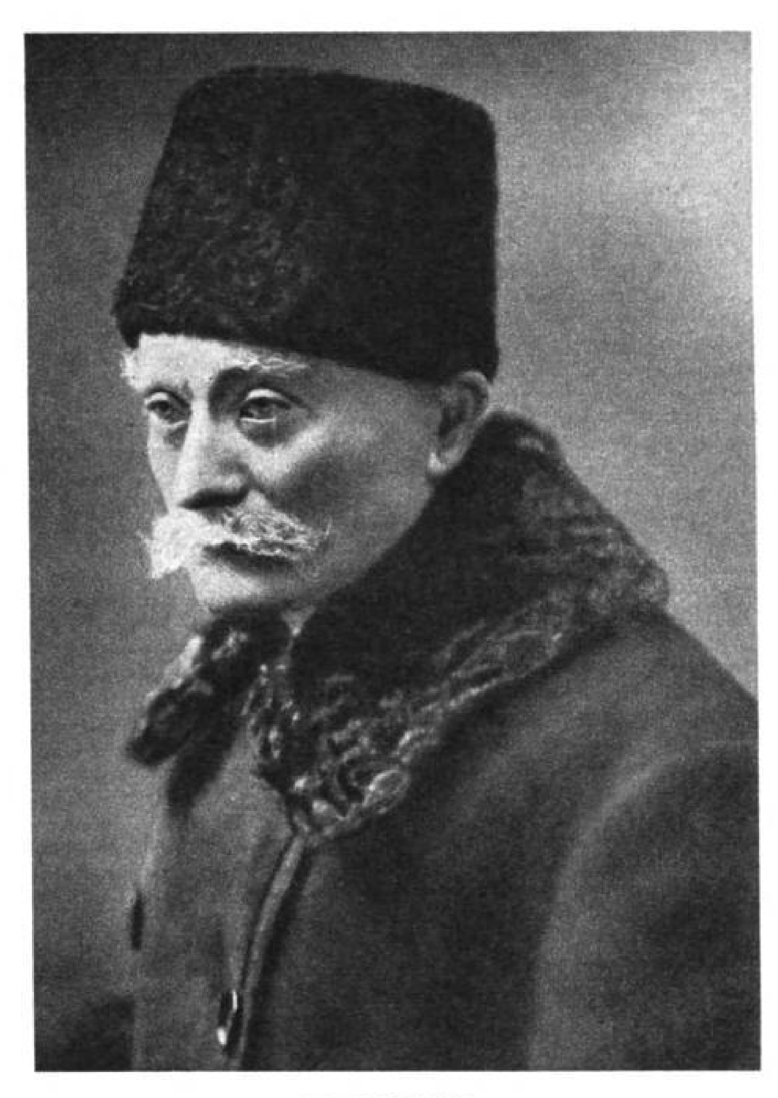
Сама жизнь писателя, его дерзания и взлеты, сила его немеркнущего таланта показывают, чего может достигнуть художник, связав свою судьбу безраздельно с судьбою народа, отдавая Родине, как верный ее сын, всего себя.

К сожалению, жизнь писателя, его труд, его борьба еще мало изучены. Но вот уже много десятилетий книги Франко: романы и повести, стихи и поэмы, драмы и публицистика — все его многообразное и волнующее творчество служит человечеству в справедливой борьбе за лучшее будущее, в борьбе с темными силами произвола, в борьбе за мир.

Творчество Ивана Франко составило эпоху в украинской литературе и с новой силой продолжило дело, начатое гениальным Тарасом Шевченко.

...Сто лет тому назад, 27 августа 1856 года, в селе Нагуевичи, Дрогобычского уезда, в Западной Украине, в семье сельского кузнеца родился будущий великий писатель.

Детство свое Иван Франко ярко и правдиво описал в замечательных рассказах «Маленький Мирон», «Карандаш», «Горчичное зерно». В них не только черты автобиографии писателя, но и живая, убедительная картина жизни и быта западноукраинского села, прозябавшего в условиях лоскутной Австро-Венгерской империи под двойным гнетом — «своих» и чужих панов-помещиков.

ИВАН ФРАНКО.

Начав печататься в львовском студенческом журнале «Друг», Франко сразу проявил социальную устремленность своей музы.

Нет, не беспредметные вздохи и стенания волновали сердце молодого поэта! Не изысканные, безжизненные образы влекли его! Правда, и только правда звала его музу, или, вернее, правда была его музой. Вот почему простые и незатейливые слова его стихов, рассказов пришлись не по вкусу декадентам-критикам, вызвали настороженное отношение старших коллег, искавших убежище от жизни в замысловатых «райских» садах поэзии.

Разве мог Иван Франко, с детских лет познавший жизнь простых людей, их горе и нужду, разве мог он писать о них неправду? Нет! Не такое сердце было у писателя.

Через два года после его поступления в Львовский университет деятельностью Ивана Франко заинтересовалась полиция. Вскоре молодого писателя сажают в тюрьму, где он находился более девяти месяцев. Эта мера, по мнению жандармов, профилактическая, она должна образумить «мужицкого поэта», как уже презрительно называют Франко националисты-литераторы. Но полиция ничего не достигла. Франко крепко стоит на своем. Его не согнуть ни тюрьмой, ни преследованиями или иными мерами, применяемыми против него. После выхода из тюрьмы с еще большим рвением он включается в рабочее движение Галиции. Писатель входит в состав «Рабочего комитета» и становится редактором польской рабочей газеты «Труд». Он жадно изучает быт рабочих, условия их труда, ведет активную работу в кружках, пропагандирует идеи Маркса и составляет популярный учебник на основе трудов Маркса, Чернышевского, Милля.

В своей брошюре «Чего хотят галицкие рабочие», опубликованной в 1881 году, Франко пишет:

«В скором времени можем надеяться, что и у нас в Галиции будет создана явно «громада рабочая», состоящая из рабочих украинских, польских, еврейских и всяких других народностей, проживающих в городах и селах».

Интересно, что один из пунктов программы «громады рабочей» гласил: «Чтоб вся земля с лесами и пастбищами, реками и озерами принадлежала тем обществам, которые на ней работают, а также чтобы все фабрики и заводы принадлежали тем рабочим, которые на них работают».

Мужественный голос Ивана Франко набирал силу. Он зазвучал особенно четко и призывно в первом большом сборнике стихотворений писателя — «Вершины и низины».

Боритесь же! Смелей! Для всей земли
Путь правды расчищайте!..

В этих словах был уже горячий зов сердца поэта. Не прикрывая свои мысли никакими туманными словоизлияниями, как это делали многие его современники, Иван Франко заявлял откровенно и смело:

Придется стать за правду твердо:
Все вровень, и к плечу плечо,
Придется нам с врагом сразиться,
И кровь рекою потечет.

Да, путь к свободе и правде труден! Поэт не желал скрывать этого от своих читателей. Он ясно видел победу народа, верил в нее и поэтому твердо провозгласил:

Встанет мать родная Украина
В счастьи беспредельном...
Сгинут грани, те, что разделяли
Братьев меж собою,
Мать обнимет всех детей любимых
Теплою рукою...

Слова писателя оказались вещими. Они могли родиться в устах человека, преданного народу, глубоко понимавшего жизнь народа и горевшего одним стремлением — бороться за счастье народа.

И так от книги к книге росло мастерство писателя, крепло мужество борца-революционера, непримиримого ко всяким отступникам и отступничеству. Эта его непримиримость, верность делу трудящихся, подлинное чувство интернационализма, чувство дружбы народов снискали ему любовь и уважение в сердцах миллионов трудящихся. К нему, как к старшему собрату по перу и учителю, приезжали Михаил Коцюбинский и Леся Украинка... К нему, как к неиссякаемому роднику, обращались сотни и тысячи молодых смелых борцов за правду. Его уже знала не только Западная, но и вся Украина. Его голос наполнял сердца мужественных патриотов верой и отвагой.

Неутомимым тружеником был Иван Франко. Двадцать томов его произведений, изданных к столетнему юбилею, охватывают самые значительные произведения писателя.

Его проза: повести «Борислав смеется», «Боа-констриктор» («Удав») — имеет неоценимое значение для нашей литературы. Рабочий человек и его труд, его светлая совесть и чистое сердце — и рядом эксплуататор, враг-капиталист, присосавшийся к телу пролетария, пьющий из него все жизненные соки, пользующийся его трудом... Все это показано правдиво и ярко, убедительно и запоминается надолго. Иван Франко сквозь мрак видел свет правды, путь к ее торжеству.

Михаил Коцюбинский, характеризуя творчество Ивана Франко, писал: «Реалист в лучшем смысле этого слова, Франко в своих прозаических произведениях любит останавливаться на двух темах: 1) борьба капитала с трудом и обстановка этой борьбы; 2) пробуждение человеческого чувства у людей, которые кажутся совсем погибшими».

Интерес к этой последней теме говорит нам о том, что у Франко есть великая вера в людей».

Вера Ивана Франко в человека была огромна. Она помогала ему преодолевать многие тяжкие невзгоды, выпавшие на его долю, долю борца; она вдохновляла писателя на тот труд, который сокрушает все преграды, и даже

Иван Франко с женой Ольгой Хоружинской.

когда тяжелый недуг сковал его тело, дух Франко оставался непоколебимым, свободным и крепким. Он никогда не жаловался на свои личные беды и не опускал головы. Таким знали его современники, которым выпало счастье работать вместе с ним, таким он предстает перед нами в своих книгах, обогативших культуру нашего народа, ставших в советскую эпоху достоянием всех народов советской Родины.

Франко ненавидел тех, кто старался усыпить в людях чувство гражданского долга, он писал страстно и горячо:

Не бойтесь, коль порою стоны
Сквозь песни строй до вас дойдут:
Сердец страдавших миллионы
В той песне дружным боем бьют.

Диапазон творчества Франко огромен. Он интересовался не только современностью, но и историей. Образцом исторического романа остается и до наших дней его книга «Захар Беркут», посвященная борьбе Карпатской Руси с монгольским нашествием в XIII веке. Хочется тут процитировать слова Ивана Франко: «Повесть историческая — это не история... Писатель пользуется историческими фактами только в своих собственных художественных целях, для воплощения определенной идеи в определенных, живых, типичных персонажах».

В «Захаре Беркуте» Иван Франко стремился воссоздать картины будущего трудового общества. Повесть перекликается с идеалами русской революционной демократии шестидесятых годов.

Среди драматических произведений Ивана Франко особое место занимает широко известная драма «Украденное счастье».

В основе личного несчастья, неудачи во многих случаях лежит классовая, социальная причина — таков неумолимый закон жизни. Вывод этот напрашивается по прочтении драмы. Необычайно ярко выписаны в ней характеры действующих лиц, никаких прикрас, одна правда, суровая, подчас жестокая, но правда. Появившись в 1893 году, пьеса поразила всех своим твердым стремлением указать обществу причину многих зол для человека, закованного в рабские цепи капиталистического общества. И снова Иван Франко смело и в полный голос звал к борьбе вопреки тем, кто пытался усыпить простого человека, примирить его с действительностью, толкая в объятия церкви, заменяя ему подлинную борьбу грезами о каком-то будущем благе.

Спустя два года после появления «Украденного счастья» Иван Франко опубликовал драму-сказку «Сон князя Святослава». В ней он воспевает преданность родине, патриотизм, борьбу за единство Руси.

Могли ли подобные идеи, верность делу рабочего человека, призыв к борьбе, примирить Франко с теми, кто проповедовал, что все должно быть по-своему мирно и тихо?.. Конечно, нет. Франко, гонимый австро-венгерскими жандармами, подвергался травле и со стороны украинских националистов. Были попытки склонить Франко на иной путь. Ответ на подобные попытки — гневные слова писателя:

Какой я декадент? Я сын народа,
Который рвется к солнцу из берлог,
Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода,
Я сам — мужик, пролог, не эпилог.

Пламенный патриот, Иван Франко все творчество свое посвятил отчизне, народу. Идеи научного социализма, с которыми он был хорошо знаком, традиции Тараса Шевченко, тесная связь с народом всей Украины, от берегов Черного моря до Карпатских вершин, а не одной Галиции, как утверждали приверженцы австрийского оккупационного режима,— все это придало творчеству Франко особую силу и размах. Этим нужно объяснить его огромное влияние на таких классиков украинской литературы, как Коцюбинский и Стефаник, Леся Украинка и Кобылянская, Черемшина и Мартович.

Непримиримость Ивана Франко к национализму и национальной ограниченности была кристально чиста. Подлинный интернационалист, писатель воплотил во многих своих произведениях идею дружбы народов, единства интересов угнетенных масс.

С радостью отмечал Франко в одной из статей, написанной им на русском языке: «Мужики-депутаты начали с крайней резкостью выступать против помещиков, а в добавку всего после нескольких заседаний мужики-украинцы и мужики-поляки соединились в один тесный «мужицкий клуб» для общей борьбы с панством».

О своем отношении к правам нации на свободу и независимость Иван Франко писал однажды так: «Нация, которая во имя будь то государственных или иных интересов душит и останавливает в свободном развитии другую нацию,— копает могилу сама себе и тому государству, которому будто должен служить подобный гнет».

В дни, когда мы отмечаем столетие со дня рождения великого украинского писателя, взоры невольно обращаются к Украине, которой отдал свой талант, свое сердце Иван Франко. И все, что сделано потомками великого писателя, не есть ли лучший памятник ему?! Ведь об этом мечтал он, начиная свой путь писателя, и этому отдал все свои силы!

Решение Всемирного Совета Мира о праздновании юбилея Ивана Франко является ярким признанием правильности и честности того пути, которым шел писатель.

Народ Украины по-братски признателен деятелям движения за мир за проявленное уважение к труду великого украинского классика, который понимал, как и лучшие представители других народов, что самым заветным чаянием простого человека, любящего свой народ и свою Родину, был и остается мир.

Делу мира и поныне служит творчество Ивана Франко, певца правды и свободы народов.

Натан РЫБАК

Киев.

Документы рассказывают...

В условиях полицейского режима австро-венгерской монархии, когда людей преследовали за малейшее проявление любви и интереса ко всему русскому, Иван Франко переводил лучшие произведения русской литературы, выступал со статьями, книгами по русской культуре.

«История освятила имя «Русь»,— писал великий украинский писатель.— Под этим именем наши предки боролись и головы свои клали, это имя и вера в его святость охраняли нас от национальной и моральной погибели...»

АЛЕКСАНДЕР С. ПУШКІН.

ДРАМАТИЧНІ ТВОРИ

В ПЕРЕКЛАДІ З ПЕРЕДМОВОЮ ТА ПОЯСНЕНЯМИ ДР-А ІВАНА ФРАНКА

Сборник пьес Александра Пушкина, изданный во Львове. Перевод, предисловие и комментарии Ивана Франко.

Писання Івана Франка I.

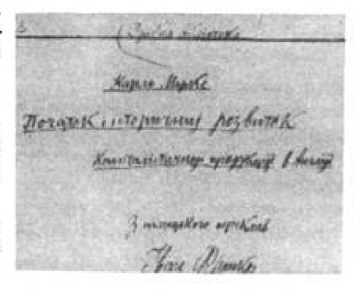
НАРИС ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКО-РУСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ.

ІВАН ФРАНКО

Титульный лист «Очерка истории украинско-русской литературы», изданного Иваном Франко в 1910 году.

* * *

Великий украинский демократ был хорошо знаком с произведениями Маркса, Энгельса.

Рукопись перевода 24-й главы «Капитала» К. Маркса. Перевод Ивана Франко.

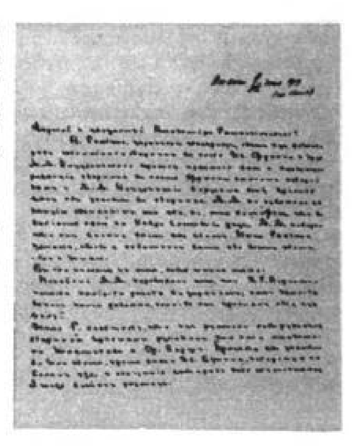
В 1882 году во Львове вышел перевод поэмы Гоголя «Мертвые души», выполненный Иваном Франко. Гоголь, по словам Франко, «великий поэт и гениальнейший писатель русский...»

В то же время, в 80-е годы, Франко печатает свои произведения в журнале «Сьвіт», близком к социалистическим кругам. В журнале регулярно помещались портреты передовых представителей русской и мировой культуры.

СЬВІТ

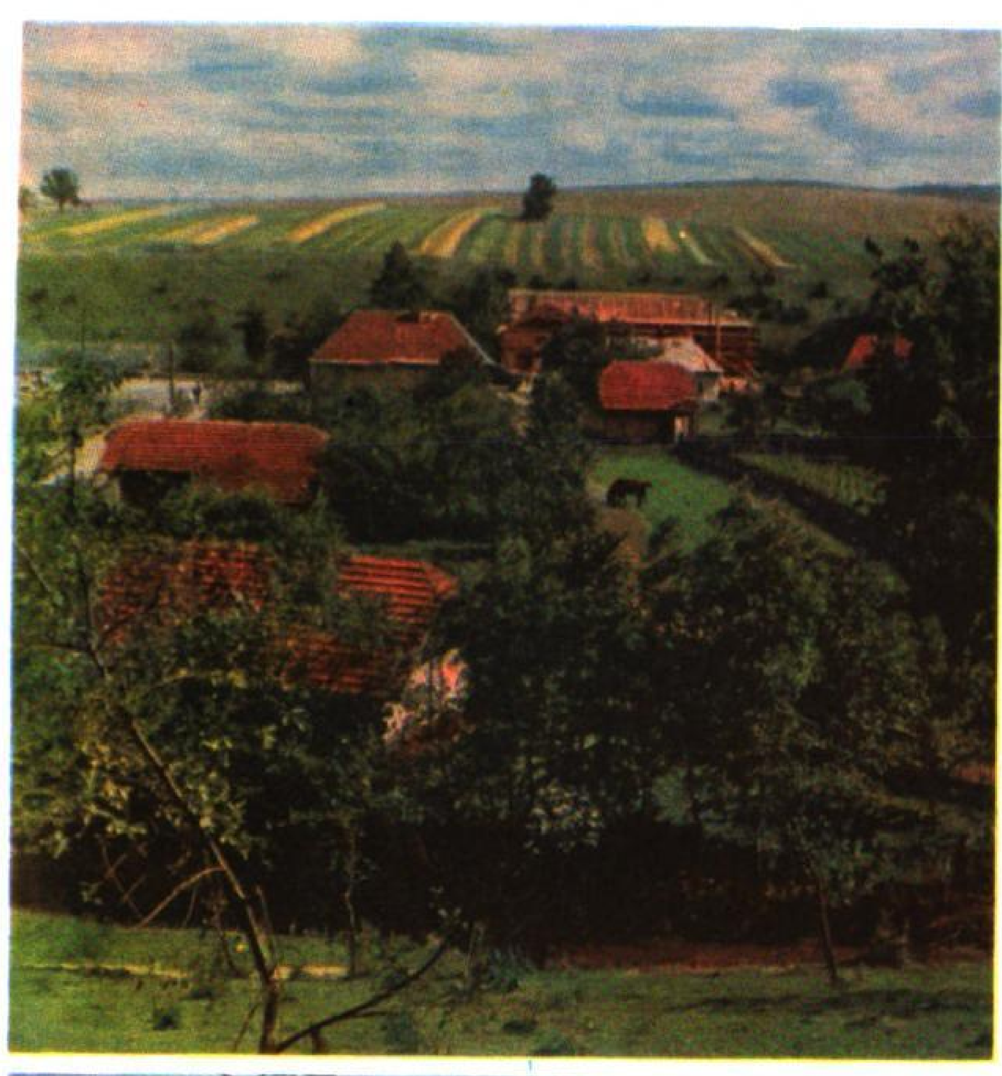
Номер журнала «Сьвіт», где печаталась повесть Ивана Франко «Борислав смеется».

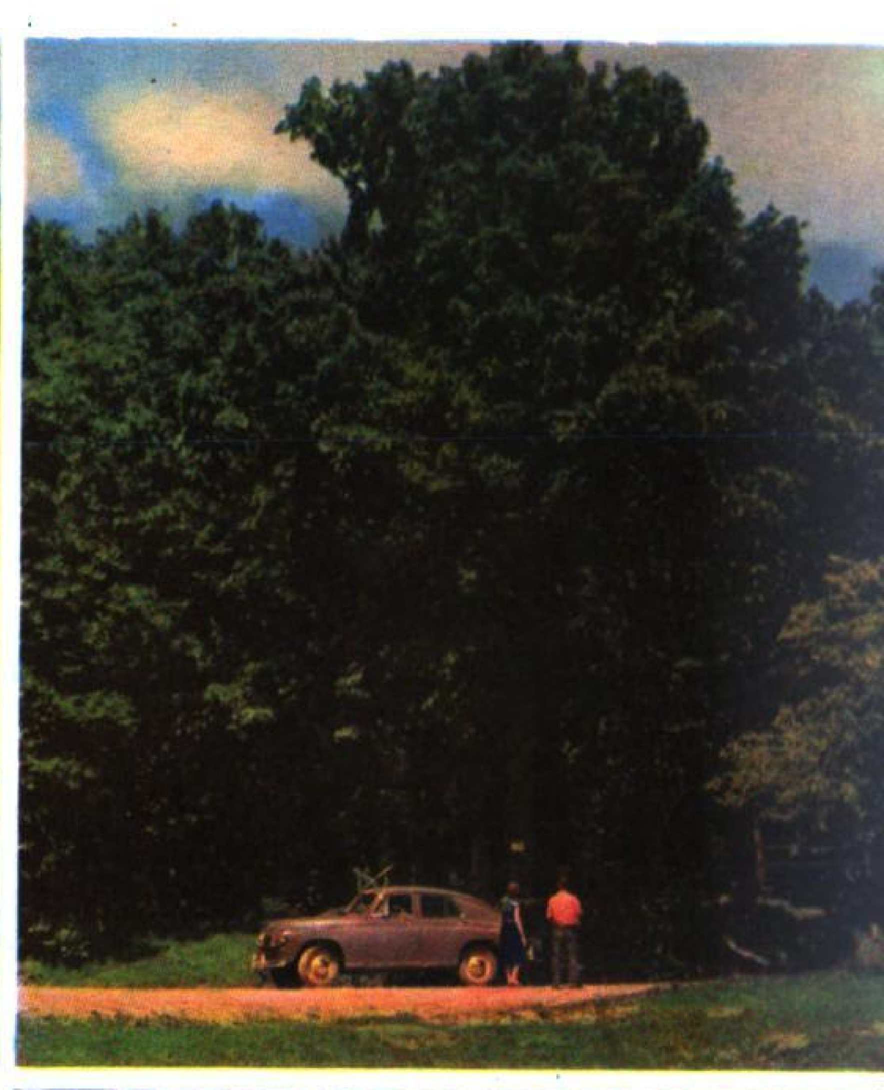

Автограф письма М. Горького к В. Короленко.

Максим Горький,— по выражению Ивана Франко, «один из светочей русского народа»,— знал и любил украинского писателя. М. Горький принял активное участие в сборнике, посвященном 40-летию литературной деятельности Ивана Франко: опубликовал в нем рассказ «Лука Чекин», предложил В. Короленко участвовать в сборнике. Короленко напечатал в нем отрывок из «Нирвана» («Из поездки на пепелище Дунайской Сечи»).

К столетию со дня рождения Ивана Франко

Вверху: Дрогобычская область, Украинской ССР. Село, где родился и жил великий украинский писатель Иван Франко. Сейчас это село названо его именем.

Внизу: Львовский литературно-мемориальный музей Ивана Франко. Экскурсанты осматривают кабинет писателя.

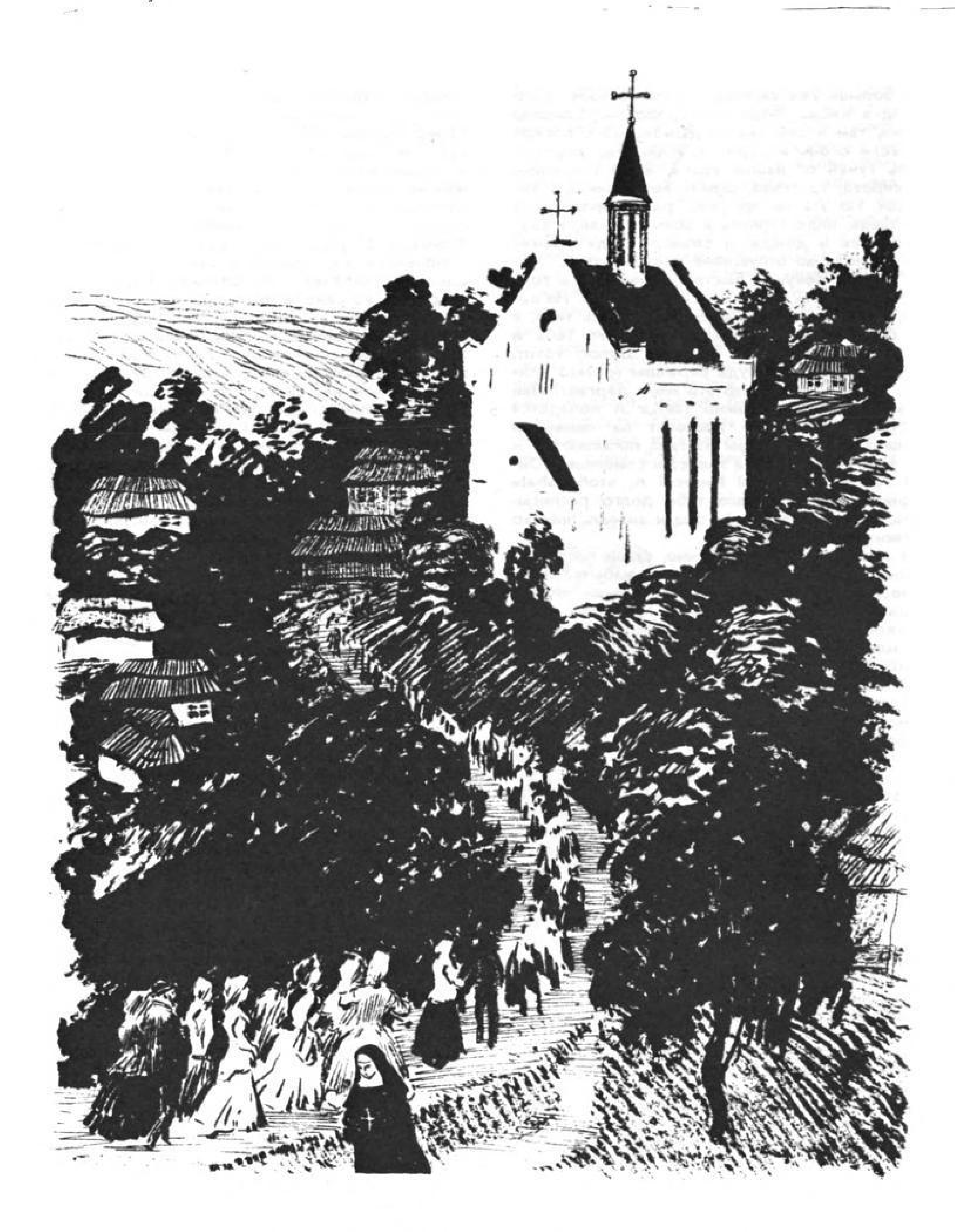
Вверху: На родине писателя. Дуб, под которым он отдыхал и творил.

Внизу: В Киеве живут сын и внучка писателя — Тарас Иванович Франко, старший научный сотрудник Института литературы имени Т. Г. Шевченко, и Зинаида Тарасовна Франко, старший научный сотрудник Института языковедения Академии наук УССР имени А. А. Потебни. Они работают над изучением литературного наследия Ивана Франко.

Фото Н. Козловского.

Львов. Памятник на могиле Ивана Франко. Фото Л. Данилова.

РЕЗУНЫ

Рассказ

Иван ФРАНКО

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Рассказ Ивана Франко «Резуны», впервые появляющийся в переводе на русский язык, написан в 1903 году. В основу рассказа, по свидетельству автора, положено действительное происшествие, отголосок исторических событий, разыгравшихся в 1846 году в Галиции, а именно крестьянских волнений, известных под названием «Мазурской резни».

В предисловии И. Франко к сборнику «З бурхливих літ» (1903 г.) мы читаем: «Рассказ «Різуни» основан прежде всего на рассказах моего покойного отца, который неоднократно, хоть и весьма общо, вспоминал про переполох, вызванный приходом большой толпы мазурских резунов в Кальварию осенью 1846 года. Первый набросок этого рассказа в стихотворной обработке вошел в состав поэмы «Паньскі жарти», в основу которой тоже легли отцовские рассказы. Позже, переделывая поэму для печати, я изъял из нее этот и некоторые другие лишние эпизоды и попробовал рассказать о приходе резунов в Кальварию в отдельной небольшой поэме. Но и этот план я отбросил, обнаружив в 1884 г. в архиве Вл. Федоровича в Вене письмо одного современника, где даны кое-какие сведения про этот, историкам того времени, поскольку я знаю, неизвестный факт».

Воспоминания отца и письмо современника, приводимые И. Франко в упомянутом предисловии, и послужили материалом для рассказа «Резуны».

Письмо Мани из Городецкого к Касе из Яновского предместья

Фельштин, 25 августа, 1846

Дорогая Касуня!

Не удивляйся, что я пишу тебе из Фельштина и что письмо мое ты получишь за целую неделю до того, как я сама смогу повидаться с тобою. Неожиданное приключение, о котором я собираюсь тебе написать, задержало возвращение нашей компании из Кальварии во Львов. Прошу тебя, зайди к моей маме и передай ей, что все мы здоровы и все у нас хорошо. А в том, что мы не возвращаемся вместе с личаковской компанией, виноват ксендз-капуцин Валигура, знаешь, такой почтенный, с седой бородой, любит подолгу исповедовать и умеет расшевелить у человека совесть. А вернее, виновата эта дура Юлька Передятковичевна, которая все выболтала ксендзу-капуцину. Но вернее всего, виноваты эти страшные люди, — ох, господи, как же я напугалась, и сейчас еще дрожу, как вспомню ту ночь! — виноваты эти негодяи, эти проклятые, несчастные мазурские резуны.

Но погоди, дай, я расскажу тебе все по порядку. Только, чур, маме моей этого письма не читай — понимаешь? И никому не читай... и пану Игнацию не показывай, а не то я тебе глаза выцарапаю. И не кокетничай с ним, потому что если он вздумает мне изменить, так уж лучше бы и тебя, и меня, и его на месте убило.

А теперь, милочка моя, послушай, какие любопытные приключения довелось нам пережить в нашем богомольном путешествии.

Как ты знаешь, наша городецкинская компания выступила из Львова 15 августа. Можешь пожалеть, что нынешний год тебе не пришлось быть с нами. Я, собственно, не понимаю, почему твой отец не позволил тебе этого. Ужас, до чего я не люблю этих старых ворчунов с их вечными наставлениями: барышне не подобает то, барышне не подобает се и что-то там еще не подобает! Будь уверена, кавалеру все подобает, ему, видишь ли, надо перебродить. А барышне даже с большой компанией в святую Кальварию сходить не подобает.

На этот раз наша компания была не очень велика, пятьдесят человек, больше всего из Городецкого, кое-кто из Яновского и Баек, почти все знакомые. Проводником у нас был старый Винцентий, знаешь, у которого свой домик как раз напротив святой Анны, очень набожный человек, все песни, что в рождественском песеннике, поет на один лад, Кальварию же и все святые места и дорожки знает, как свои пять пальцев. А как начнет говорить о страданиях христовых, да расписывать весь крестный путь, так вокруг часовни тысячи людей толпятся и слушают его, а многие и плачут и деньги в тарелку бросают, точь-в-точь, как на проповеди ксендза-капуцина. Но человек он предобродушный, глуховатый и ночью спит очень крепко: станем компанией на квартиру, поужинаем, Винцентий пересчитает своих овечек, громко произнесет молитвы, хором споем «Serdeczna Matko» — и пан Винцентий говорит:

— Ну, дети, а теперь спать, с богом.

На том и кончаются его дневные труды; он забирается в свой угол в мужском отделении и минуту спустя храпит так, что стены ходуном ходят. Ну, а молодежь тем временем — сама знаешь, нечего тебе рассказывать.

У нас, в женском отделении, мы выбрали старшей пани Гжехоткову из Яновского. Она соседка твоей матери, ты ее, наверно, знаешь лучше, чем я. Ну и болтливая же бабица! А сплетница! О каждом найдет что сказать, у каждого увидит сучок в глазу. Достаточно ей взглянуть на человека, и она его уже всего насквозь знает; и никогда-то не найдет в нем ничего хорошего, одну только дрянь. И наслушалась же я от нее за время путешествия всяких историй про всех наших знакомых — господи! Запасайся заранее аппетитом, бедняжка. Когда вернусь, у меня будет что тебе порассказать. И про твоего Юзека, и про Кароля, и про Мильку, ту гордячку, знаешь? Про всех, про всех! Пальчики оближешь.

Само собой разумеется, что младшими участниками нашей компании, особенно барышнями, по обыкновению, заправляю я. И не только барышни, но и кавалеры охотно идут под мою хозяйскую руку. «Как панна Маня скажет, так тому и быть». Гжехоткова набегается за целый день, натреплет языком, как помелом — и как только он у нее не отвалится, удивляюсь! — ей лишь бы забраться в постель или в солому, сейчас же заснет, как щур в муке. А я на постое — за всем проследи, за всем присмотри, всех размести. То же самое и ночью... Но об этом потом, а теперь дай-ка я лучше начну с какого-нибудь конца.

Утром, прослушав раннюю обедню у св. Анны, мы целой процессией, с песнями двинулись к Городецкинской заставе. Нас провожала уйма народу. За заставой нас уже ждали десять подвод. Мы уселись по пяти человек на подводу и тронулись в путь. На передней подводе — пан Винцентий, на задней — пани Гжехоткова. Пан Винцентий сел спиной к вознице,

чтобы видеть всю нашу компанию, и изо всех сил запел скрипучим голосом:

Gwiazdo śliczna, wspaniała,
Kalwaryiska Marya![1]

В это время с задней подводы, где собрались женщины старшего возраста, раздается кошачий писк пани Гжехотковой:

Szczęśliwy, kto sobie patrona
Józefa ma za opiekuna[2].

А на средних подводах — молодежь, барышни и кавалеры вперемежку, шутят, хохочут, и вот уже пан Бронислав — ну и фигляр, посмотрела бы ты! — затянул своим козлиным голосом:

Cztery lata zawszem pasał
W tej tu dolinie;
Jako żywo nie słyszałem
O tej nowinie[3].

Тянет он этак на молитвенный лад и глаза возводит к небу, а исподтишка как ущипнет Юльку в бок, и та как заверещит во весь голос:

— Пан Бронислав! Что вы делаете?

— О, прошу прощения, — отвечает он, перестав петь, — в этой долине я еще не бывал и не знал, что тут раздается такое громкое эхо.

Я и до того уже заметила, что пан Бронислав питает к Юльке некоторую склонность, или, как в таких случаях говаривал старый дьячок из Святых Пятниц: «поползновение», — ха-ха-ха. А Юлька, она, знаешь, какая хитрая бестия! Кто ее не знает, принял бы ее за святую. Белое платье, синий шелковый поясок, сама такая скромненькая, бледненькая, хоть завтра же в монастырь вступай. «Золотой алтарик»[4] в руках, песенник в кармане, знай, шепчет себе молитвы, а на мужчину и глаз не поднимет. Ну, думаю я себе, подожди, святоша, я не я буду, если с тебя эту спесь не собью. А тут, вижу, пан Бронислав так и льнет к ней, ради нее одной, видно, и пристал к нашей компании. Ну, а мне немного надо, чтобы понять, к чему дело клонится.

Ты ведь знаешь Бронислава. Парень он пригожий, статный, веселый. У отца его каменный домик на Байках, мать торгует овощами, а сам он уже будто бы и приказчичьему делу обучался в какой-то лавке, и учеником у столяра был, и образование кое-какое получил, всего понемножку. Не из одной печи хлеб едал, а не наелся. Бездельник, каких мало, только и умеет, что девчатам головы кружить. Отец его как-то говорил моей матери:

— Боюсь я за своего Бронека. Никудышный парень. Пока я жив, он хоть для видимости что-то делает. Но знаю отлично, что как только я помру, он в один год промотает все мое достояние и пойдет шататься по свету или пустится во все тяжкие. Вот если бы встретилась нам добрая душа, да женить бы парня, да на такой бы решительной девице, как, к примеру, ваша Маня, чтобы покруче взяла его в руки, тогда, может, из него и толк вышел бы.

Я из спальни подслушала их разговор и думаю себе: «Ишь ты, старый хрыч, куда метит! Никудышный парень, так давай его за меня сватать, навязывать мне беду на шею! Погоди, — думаю, — я тебе высватаю не такую. Получишь ты к своему недопеченному сыну недоквашенную невестку, то-то славная будет пара». И тут же я подумала о Юльке. У меня давно зуб на нее, еще за Станислава — помнишь? — того, что ухаживал за мной, а она ему наговорила про меня, и он меня оставил и женился на этой косоглазой Ядвиге из «Золотого козла». О, я ей этого не прощу и, благодарение богу, уже отчасти достигла своего. Попомнит Юлька нашу поездку в Кальварию и мою хозяйскую руку. Но послушай дальше, дай же я расскажу тебе все по порядку.

Выехали мы из Львова так около одиннадцати. Погода чудесная. Жарко. Кругом поля, все больше уже сжатые, а копен в поле — что звезд в небе. Люди — за работой. Слышны песни, там и сям вьется дымок, — это косари развели огонь и курят трубки. Над дорогой пыль тучей от наших возов, а по сторонам, то справа, то слева, шумят леса, манят в холодок. Но это не про нас: раз собрались на исповедь, надо терпеть и зной и пыль, а случится, так и дождь и слякоть, и да примет это господь во отпущение грехов наших.

У наших певунов быстро пересохло в горле. Песни затихли. Начались разговоры. На возах, где ехали старшие, беседа велась тихо, а на средних, где молодежь, — нечего тебе и рассказывать: шумно, весело. Шутки, хохот, то и дело какая-нибудь барышня громко крикнет: «Ой-ой, жмет! Кто это меня дергает? Пан Станислав, разве можно так?..» А попадется выбоина или колесо наскочит на камень и стукнет так, что искры из глаз посыплются — тут уж с каждого воза только и слышишь: «Ой-ой! Ах, матка боска! Иисусе! А, чтоб тебя!» Одним словом, нечего тебе долго расписывать, ты сама ездила не раз и знаешь, каково в таких поездках бывает.

В Мшаной мы, как обычно, стали пасти лошадей. Старик Винцентий «от избытка благочестия» окропился — у него, видишь ли, голова разболелась от солнца; пришлось освободить ему место на первой подводе, чтобы он мог лечь. Одного человека с первой подводы пересадили на вторую, а одного со второй дали нам; пришлось потесниться. Пан Бронислав сидел с краю, рядом с ним Юлька, а кума Шутейнова, старая, тощая бабка, по ее другую руку.

— Панна Юлия, не сталкивайте куму на самый край, — то и дело приговаривал пан Бронислав и все будто бы поддерживал бабусю, а на самом деле обнимал Юльку и прижимал ее к себе. Сначала она как будто сердилась, краснела, хотела пересесть на другое место, потом, после моих уговоров, унялась, только надула губы, сидела, отвернув лицо от Бронислава, и молчала.

На ночь мы заехали в Городок. Тут у нас заранее заказан был ночлег в четырех домах, для барышень отдельно. Ночь прошла спокойно. Лошади передохнули, и еще ночью, когда мы спали, подводы двинулись назад во Львов. Из Городка нам предстоял пеший путь до самой Кальварии и обратно.

Ты ведь знаешь, как проходит такое путешествие. Сначала все кажется таким забавным, чувствуешь себя свежо, приятно, но потом, когда начинает одолевать усталость, становится все труднее, скучнее, противнее. Тебя томит жажда, пересыхает в горле, белый свет тебе не мил, дорога перед глазами тянется без конца, пока протопаешь от одного столба до другого, кажется, проходит вечность. Когда мы, уже глядя на ночь, дотащились из Городка в Тулиголов, наши ноги и все косточки наши ныли и ломили, а на душе было так гадко, как будто мы всем скопом кого-нибудь зарезали на дороге; даже в глаза смотреть друг другу тошно было.

Все это было мне уже хорошо знакомо, но я знала и то, что теперь нам предстоят общие ночлеги в крестьянских овинах и сараях. Ах, какая же это радость! Какое развлечение! Награда за все трудные и неприятные дни! Входят богомольцы в село и из последних сил тянут набожные песни, только бы добраться до постоя. А там — разбредутся по двору и, как снопы, повалятся кто куда: на траву, на завалинку, на ток, потягиваются, расправляют усталые кости! Вокруг нас уже толпятся деревенские парни и девушки. За пару крейцеров натаскают из колодца воды, наполнят тазы, кадки, и путники умываются, смывают пыль с лица, с рук, с шеи. А иные уже разбежались по домам, заказывают простоквашу, молоко, сметану, что кому по вкусу. Вот одна за другой уж подходят хозяйки с здоровенными кувшинами и крынками, с мисками и горшками, с ржаным хлебом и свежим маслом. Во дворе шум, веселье. Новый дух вселяется в усталых богомольцев. Кавалеры, передохнув минут десять, вскакивают с земли как ни в чем не бывало, барышни после первой же крынки кислого молока приходят в хорошее настроение, приобретают свежесть и подвижность, даже пани Гжехоткова, и та уже села, и нет-нет вставит слово и хвалит пана Бронислава за то, что тот ведет себя так учтиво и печется о панне Юльке, как старший брат.

Веселый полдник среди общего гама и шуток. Потом до поздней ночи набожные песни перед статуей богоматери; ровно-ровно плывут голоса над полями, над соседними селами и теряются где-то в сером тумане над Стрвяжем и Болозвою. Потом легкий ужин: горячая молодая картошка с маслом, каша с молоком, клецки с творогом, и наконец — в гнездо! В гнездо! В буквальном смысле — в гнездо.

Ночевали мы обычно в овине: мужчины в одном отделении, на соломе, барышни — в другом, на сене, а посередине, на широком току, застланном соломой, старшие женщины. Да что тебе описывать эти ночлеги, дорогая Касуня, ты их сама знаешь. Какая же это прелесть! Сколько смеха, шуток, выдумок! Уж одно то, что нет света, что приходится спать полураздевшись, где попало, уже одно это так необычно и чудесно! Та пищит, что ей наступили на ногу, другая, — что кто-то ногой задел ее за косу, на третьей порвали юбку. А из другой половины то и дело отзываются мужчины, пугая то мышами, то нетопырями, то жабами, и на всякий оклик барышни отвечают визгом и хохотом. А когда уляжется первый шум и внизу, на току, стихает гомон старших женщин, среди барышень начинается шепот и приглушенный смех; из второй половины им вторит сдержанный гул мужской беседы, пока наконец старый Винцентий или еще кто-нибудь из старших не скомандует:

— Ну, господа! Хватит уже! Прошу спать, завтра вставать очень рано, надо добрую часть пути проделать еще по холодку.

Становится тихо, но все равно — какой барышне, какому кавалеру захочется сейчас уснуть! Что-то кроется такое в близком соседстве кавалеров и девушек, хотя бы и разделенных непроглядной тьмой и кучкой старших женщин, очень чутких во сне, что-то здесь есть такое, что не дает заснуть, волнует кровь, от чего мурашки бегают по телу, а иную прямо в дрожь бросает, и она жмется к своей соседке, словно с перепугу или от сильного холода. Я-то, положим, все это знаю, меня не проведешь. И когда Юлька, вся дрожа, прижалась ко мне, я сразу смекнула, что тому причиной. Мне немного надо, чтобы понять, какой бес ее смущает.

— Ой, Манюся,— заговорила она,— мне так страшно!

— Это вы, панна Юлька? — раздался из мужского отделения голос пана Бронислава. — Ах, боже мой, вам страшно? Сейчас я приду к вам! Даю вам слово, что со мной можете быть спокойны: с вами ничего не случится.

— Ну, ну, и без вас с нами ничего не случится, — возразила я. — А вы, небось, еще и платы за охрану потребуете?

— Я? Боже упаси! Я совершенно даром. Хотите?

— Вам надо сперва у кота глаза занять! — сказала Юлька.

Снова кто-то из старших прервал наш разговор, и постепенно мы утихомирились, стали засыпать. Не знаю, все ли спали так спокойно и сладко, как я. Правда, раза два мне слышался сквозь сон какой-то осторожный шорох, сердитые окрики: «Кто тут? Что за привидение бродит? Ой, тут чужой кто-то!» А потом откуда-то прошелестело: «Ш-ш-ш! Пст! Кто тут?» А потом звучный шлепок, будто вальком об воду, и приглушенное «Ой-ой-ой». ...Но я так и не знала, вправду ли это было, или мне только приснилось.

Утром я встала бодрая, свежая, веселая, Юлька же, вижу, какая-то сонная.

— Как тебе спалось? — спрашиваю.

— Отлично, — отвечает она.

— Никто не пугал? — спрашивает Бронислав шутливо.

— Может, это вам померещился кое-кто с рожками, — язвительно ответила она, — потому что про него, видно, весь день думаете, а мне нечего бояться.

«Ну, ну, — думаю я себе, — уж мы-то знаем, что кого пугает». Вижу я, что и пан Бронислав какой-то заспанный и недовольный ходит, точно сам не свой: не то больной, не то сердитый, не то пристыженный.

Двинулись мы в дальнейший путь, — разумеется, не на рассвете, а чуть не в седьмом часу, уже сильно припекало. Прошли с полмили, и вспотели все, как мыши, устали и сели отдохнуть на выпасе у дороги. Пан Бронислав возле меня.

[1] Звезда прекрасная, чудесная,
Кальварийская Мария! (польск.).

[2] Счастлив, кто патрона Иосифа
Имеет своим опекуном (польск.).

[3] Четыре лета пас я скот
В этой долине
И никогда в жизни не слышал
Про эту новость (польск.).

[4] Молитвенник.

— Ох, панна Маня! — вздыхает он тяжко. — Повешусь!

— Тю на вас! Да тут и вербы нету. Потерпите, пока дойдем до лесу.

— И вам не жаль меня?

— А зачем бы я стала вас жалеть? Ступайте, может, вас другая пожалеет.

— У вас нет сердца.

— Поищите другую, с сердцем.

— Да, легко вам говорить. Уж я искал, а что толку? Нашел ягодку еще кислее.

— Что же я могу вам посоветовать? Разве поискать еще.

— Пожалуй, не стану. Прилип, как муха к меду, никак не оторвусь.

— Ну, тогда вешайтесь, с богом.

— И я так думаю. Только вот хотел бы дойти до святой Кальварии и исповедаться перед смертью.

— Так, может быть, она сама захочет вас исповедать?

— Ох, боюсь, что нет.

— А не она ли этой ночью давала вам отпущение грехов, да с таким рвением, что вы даже охнули?

— О, а вы слышали?

— Слышала, не слышала, не в этом дело. Отвечайте на вопрос.

— Панна Маня, ради бога, никому не говорите!

— Ха-ха-ха! А я думала, что мне приснилось! — засмеялась я.

— Вполне возможно! Ей-богу, может быть, и мне это приснилось, — сказал он и потрогал ладонью свою левую щеку. Но тут же добавил с глубоким убеждением: — Нет, все-таки это правда. Так вы говорите, что это отпущение грехов?

— Право, не знаю... Если перед тем была исповедь...

— Нет, я лишь склонился к исповедальне.

— Ну, в таком случае вешаться еще рано. Вам непременно надо исповедаться.

Вот какой разговор произошел у нас с паном Брониславом. Юлька его не слышала.

Хорошенько отдохнув, мы встали, выстроились парами на дороге и вслед за паном Винцентием затянули:

Usłyszałem cudny głos,
Jak Maria woła nas:
Pójdźcie do mnie, moje dzieci,
Wzywam was, ach, wzywam was! [1]

С этой благочестивой песней на устах мы снова двинулись в путь.

На третий день после отбытия из Львова мы приблизились к святому месту. Чем ближе к Кальварии, тем чаще встречались нам группы паломников, большие и поменьше, которые шли туда с набожными песнями, иные с хоругвями и колокольчиками, все в праздничных одеждах. Сердце радовалось, глядя, как со всех концов стекается народ к святому месту, где показаны воочию страдания господа и где пресвятая богородица творит чудеса одно за другим. А тем более в этом году! Но посмотрела бы ты, дорогая Касуня, какая там нужда во всех селах, какой стон и плач стоит! Видно, в наказание за те страшные события, что произошли зимой [2], бог наслал на людей засуху и недород. Там, ближе к Львову, еще не так плохо: где пруды, где почва влажная, кое-как уродило. Но подальше, где начинаются камень и песок, просто беда. А еще дальше, на Мазурщине, где кровь лилась, там, говорят, люди и сейчас уже не знают, что делать. Уже сейчас голод. В иных местах крестьяне, положившись на то, что помещичье поле, когда бар повырежут, перейдет в их руки, не пахали у себя и не сеяли; в других, что и было посеяно, не взошло, — одним словом, божья кара.

Потому-то и текут в Кальварию реки людские, тянутся вереницы возбужденных, измученных лиц, поднимаются жесткие, мозолистые руки, льются горькие слезы. Если б ты видела, как перед каждой святой статуей, перед каждой часовенкой при дороге лежат и стоят на коленях сотни и тысячи этих людей — одни поют охрипшими голосами, большинство же не поет, а громко рыдает и ломает руки! Страшно даже подумать, что будет с этим народом, когда настанет зима. А как взглянешь потом на нашу компанию, хоть и усталую, но веселую, говорливую, так даже стыдно становится. Ведь мы их свояки, их ближние, живем в одном краю и даже не знаем, как бедствует и нуждается народ тут же, у нас под боком. Я сказала об этом пану Винцентию, а он поднял глаза к небу и говорит:

— Что кому бог дал, то он и имеет. Господь знает, почему одному дает достаток и спокойную жизнь, а другому панщину и нужду. Да и кроме того у каждого свой крест на плечах, у каждого своя ноша.

Я спросила у пана Винцентия, правда ли, что господь бог собственноручно возложил на этих людей ярмо панщины, да еще и нужду и голод вдобавок, но на этот вопрос пан Винцентий не ответил, только насупился и, отвернувшись от меня, буркнул:

— Глупая коза!

Вот мы уже подошли к Кальварии. Издали видна Оливная гора с костелом наверху. Крытая красной жестью башня горит, точно кровавый клин, вколоченный в небо. Склоны горы, словно разноцветными муравьями, усеяны тысячами и тысячами благочестивых паломников. А вдалеке чернеет большой карпатский лес, покрывающий еще более высокие горы, и оттуда плывет тяжелая, угрюмая туча, но не может затмить того блеска, что исходит от святого молитвенного места.

Мы прибыли как раз во-время. Переночевав в селе неподалеку от Пацлавы, мы ранним утром пришли в Кальварию и, имея в своем распоряжении целый день, успели обойти все места, где показаны страсти господни, все часовенки, все тропки пресвятой богородицы, а под конец исповедались у отца-капуцина. На следующий день приходился праздник Успения пресвятой девы — главное богослужение в костеле. Все причащаются — большая процессия, проповеди, песнопения и молитвы до полуночи, — сама знаешь, как это обычно бывает. Но на этот раз случилось нечто необычайное, нечто такое, чего мне не забыть, пока жива буду.

Первый день в Кальварии мы провели, как всегда. Исповедались все до единого. Вечером я говорю пану Брониславу:

— Ну, теперь можете вешаться.

— Так и не дождавшись завтрашнего праздника? — говорит он.

— Как знаете. А отпущение грехов получили?

— Получить-то получил, да только от ксендза-капуцина, а не то, которого добивался.

— Так, может, лучше на то, другое, и не зариться?

А он бьет себя в грудь и говорит шутя:

— Mea culpa, mea culpa! [3] Борюсь с искушением, но искушение сильнее.

[1] Услышал я чудесный голос,
Как Мария кличет нас:
Придите ко мне, дети мои,
Призываю вас, ах, призываю вас!
(польск.).

[2] Речь идет о крестьянских волнениях зимой 1846 года.

[3] Моя вина, моя вина! (лат.).

— Молитесь, — говорю я.
— Молюсь,— говорит он,— но, должно быть, господу богу молитва моя неугодна, потому что глаза мои все время смотрят не туда, куда следует.

Так, болтая, мы направлялись всей гурьбой на ночлег. Ночевать мы должны были в бараках возле костела св. Рафаила; два ксендза распределяли там места, наблюдали за порядком и собирали добровольную лепту. Уже стемнело. Над Кальварией стояла черная туча, со стороны леса тянуло холодом, только из костела и часовен золотистыми прядями струился свет, рассыпаясь по темному фону, как золотые шерстинки по серому сукну.

И вдруг в темноте зазвучали громкие голоса. Навстречу нам по дороге бежали какие-то темные фигуры и кричали. Сперва нельзя было разобрать, что они кричат, но в голосах отчетливо звучал ужас; он рвался из уст и разносился по долине, застревал в придорожных деревьях, катился вверх, на горы, и мрачной тучей нависал над Кальварией. А темные фигуры бежали, придвигаясь все ближе, ближе, и уже совсем ясно, с каждым мигом все яснее слышались испуганные крики:

— Резуны! Резуны! Резуны идут!

Мы стояли на дороге как вкопанные. Сколько раз это проклятое слово пугало нас в нынешнем году! На масленой оно отравило нам все развлечения; во время великого поста наполняло нас ужасом; рассказы о кровавых делах этих людей мучили нас во сне и наяву, как назойливые осы. И вот теперь, когда все уже, казалось, улеглось, когда под тяжестью божьей кары весь край оделся в траур и все преступные замыслы были повержены в прах, вдруг теперь снова этот крик! Что это значит? Неужели опять восстание? Неужели вновь кровавая масленица? И как раз тут, в святом месте? Но по какой причине? Неужели изголодавшееся мужичье жаждет грабежа? Мы дрожали, как в лихорадке. Никто ничего не объяснял нам, не мог нас успокоить. А мимо большаком пробегали все новые толпы насмерть перепуганных людей, и, не умолкая, раздавались тревожные возгласы:

— Резуны! Резуны! Резуны идут!

— Откуда идут? Куда идут? Чего они хотят? — сыпались беспорядочные, торопливые вопросы.

Но никто не отвечал на них. Тревога, как огонь по соломе, перебросилась в переполненную людьми Кальварию, где в костеле и часовнях еще горел свет, раздавались молитвенные песнопения, гудели колокола. И вдруг, словно в ответ на тревожные возгласы, из всех уголков, со всех тропок пресвятой матери, со всего крестного пути христова, из всех часовен и святых мест грянул исступленный вопль, визг, стон, рев:

— Резуны! Резуны! Резуны! Спасайся, кто может!

Никогда за всю свою жизнь не слышала я такого рева, не видела такого страшного переполоха. Представь себе двадцати-, а то и тридцатитысячное скопище людей, рассеянных по всей горе, по долинам, по тропкам и всяким закоулкам, — и вдруг все разом начинают визжать, метаться, порываются куда-то бежать, сталкиваются, смешиваются, плутают в вечернем мраке, ищут друг друга и теряют друг друга. Крик, сутолока и тьма усиливают испуг. Никто не знает, откуда грозит опасность, куда бежать, где прятаться. Женщины падают в обморок, визжат, бросаются на землю; самые храбрые теряют голову. Во всеобщей суматохе ничего не разберешь, никого нельзя узнать. Свет гаснет, колокола ревут, и, подобно взвихренному ветром пламени огромного пожара, волна за волной бьется о Кальварийскую гору безумный тысячеголосый крик:

— Резуны! Резуны! Резуны идут!

Что творилось с нами в это время, не могу тебе сказать. Все закружилось перед моими глазами в какой-то сумасшедшей пляске, словно вся Оливная гора с многотысячной толпой перепуганных людей сорвалась со своего места и пустилась наутек, куда глаза глядят. Кто-то крикнул: «Спасайтесь!» — и мы все исступленно заорали: «Спасайтесь!» Раздался гулкий топот. «В лес!» — послышался чей-то голос, и вся наша компания, как стадо всполошившихся овец, устремилась вниз по склону — прямо по жнивью, по несжатым полоскам овса, по картофельным полям, вниз, а потом в гору, на противолежащий холм, вершина которого поросла старым хвойным лесом.

Помню, как мы падали и сейчас же вскакивали, охваченные бессмысленным страхом, как старый Винцентий хрипел и кричал: «Потише! Потише!», — а пани Гжехоткова то и дело пищала: «Ох, Иисусе! Ох, Иисусе!» Помню, как Юлька, бежавшая рядом со мной, упала и покатилась с довольно крутого обрыва и как пан Бронислав прыгнул за нею, поднял и взял ее на руки, — но я не останавливалась, продолжала бежать, пока все не смешалось перед моими глазами. Как и когда добежали мы до лесу, не помню.

Пронизывающий холод — вот первое, что я почувствовала, когда очнулась. Я осмотрелась кругом — непроглядная темь. Пошарила возле себя рукой — какие-то сучья, листья, трава. Шарю дальше — шершавая кора какого-то толстого дерева. Только тогда я вспомнила, что я в лесу. И в тот же миг в памяти воскресли впечатления всего того адского переполоха, который меня вместе с другими загнал в лес. Где я? Что со мной? Что сталось с остальными? Я напрягаю слух: слышатся какие-то шорохи, невнятный шепот, время от времени тихие стоны и оханье. Слава тебе, господи! Значит, я в лесу не одна! Я поднялась, села, и тут же мои глаза различили в темноте светлую точку. Присматриваюсь внимательнее и вижу: в ложбинке, шагах в двадцати от меня, две какие-то черные фигуры, присев на корточки, раздувают огонек в кучке сухих листьев и мелких сучьев. Первая моя мысль была: резуны! Но нет. Всматриваюсь снова — да это же наш почтенный пан Винцентий изо всех сил дует на огонь, а пани Гжехоткова ломает веточки и подкладывает в пламя.

— Пан Винцентий, это вы? — окликнула я их, не вставая с места.

— Я, я! Это вы, панна Маня? Ну как, не покалечились?

— Как будто нет.

— Ну, так идите сюда. Вы, наверно, замерзли.

— Страшно.

— Идите сюда, разведем огонь, согреемся и пойдем искать остальных членов нашей компании.

— А что ж резуны? Их не слышно?

— Ничего не слышно. Видно, кто-то вздумал пошутить да и нагнал страху на Кальварию.

— Не может быть!

Вскоре огонь разгорелся. От его света и тепла мы набрались храбрости, стали скликать людей, и через полчаса вся наша компания благополучно собралась вокруг костра. Говорю: благополучно, так как не только никто не потерялся, но и не получил увечий и повреждений, кроме разве пустячных царапин и ушибов. Тетушки охали и проклинали пакостников, что так напугали крещеный народ; молодежь шутила и подтрунивала сама над собой, поминая недавний переполох. Теперь резуны всем казались какой-то пустой, бессмысленной выдумкой; никто не мог понять, как это случилось, что один возглас неведомых озорников мог навести страх на такую огромную массу народа.

Юлька и пан Бронислав подошли к костру последними. Они появились с разных сторон, оба какие-то растерянные. Бронислав старался смеяться и шутить, но видно было, что веселость его вымученная. А Юлька была бледна, как мел, и словно не в себе. Я бросилась к ней, стала расспрашивать, осматривать, нет ли у нее ушибов. Нет, никакой раны не видно, но девушка смотрит на меня стеклянным взглядом, на вопросы не отвечает, будто слышит, но не понимает моих слов. Дала я ей напиться и посадила у огня, видя, что девушка дрожит, как осиновый лист. Все к ней подходят, спрашивают, что случилось, а она — ни слова в ответ. Вот тебе и на! Не было печали... Одни говорят, что это с перепугу, другие, — не ушибла ли она, мол, голову, когда бежала, третьи толкуют свое. Только пан Бронислав помалкивает, держится как-то в стороне. Я это сразу приметила и вспомнила, как во время нашего бегства Юлька упала в овражек, а Бронислав кинулся за ней. Тотчас у меня блеснула мысль, что все оно как-то складывается одно к одному, но зачем мне всякий раз докапываться до дна? Молчу.

Вскоре у нашего костра стали собираться беглецы и из других компаний, которые тоже бежали в лес и большую часть ночи ютились на пнях, под деревьями и в оврагах. На одних была изорвана одежда, у других исцарапаны руки, лица, подбиты глаза, все озябли, дрожат, клянут резунов, клянут того, кто первый поднял шум, клянут собственную трусость. Однако, хоть и проклинали, хоть и смеялись, никто не отважился ночью покинуть лес, поискать дороги домой. А ну, как весть о резу-

нах и впрямь не выдумана? Но напрасно все напрягали слух: в Кальварии не слышно было криков, не видно было зарева пожара, стояла тишина, словно все вымерло.

Уже под утро к нам пришел один из ксендзов кальварийского костела. Настоятель разослал ксендзов, служек, всех, кто оказался под рукой, по околице, по лесам и полям, искать перепуганных паломников, успокаивать их. Оказывается, вчерашняя тревога была все-таки не совсем безосновательной. Произошло недоразумение. Верно, что в Кальварию идет огромная толпа резунов, тех самых мазурских крестьян, из Тарновского округа, которые в феврале обагрили свои руки кровью, осквернили их грабежами. Идет их чуть ли не пятьсот человек. Но идут они не резать, не грабить, а молиться, исповедоваться, добиваться отпущения грехов, в котором им отказывает местное духовенство. Когда вчера вечером они появились в селе под Кальварией, тамошние крестьяне, услышав, кто они такие, поделились сведениями кое с кем из проходивших богомольцев, а те, не разобравшись, что это за резуны, опрометью побежали в Кальварию и переполошили весь народ. Между тем резуны, не доходя до Кальварии, там и заночевали, а ксендзы, видя, какая поднялась сумятица, тут же ночью послали гонцов в Добромиль и другие соседние местечки с просьбой прислать для обеспечения порядка отряд конных драгун. Пока не прибудут драгуны, мазурам запрещено трогаться с места. Всех богомольцев просят вернуться на свои квартиры. Никакой опасности нет. А из-за вчерашних неожиданных событий и вызванного ими расстройства сегодняшнее богослужение начнется немного позже, чтобы все успели успокоиться и хорошо приготовиться.

Так разъяснилось дело с резунами, и мы, погасив костер, шумно и весело отправились

на свою квартиру. Только наша Юлька еще не совсем пришла в себя, хотя и согрелась, перестала дрожать, и на лице ее снова появился румянец, правда, довольно слабый.

Солнце только-только начало подниматься, когда мы вышли из лесу. Долины были полны мглою, а вершины гор вырисовывались над ней, как острова. Кальварийский костел весь горел, облитый розовым светом, его стекла так и брызгали золотыми лучами, длинными золотистыми нитями, которые целыми пучками выбивались из окон и бежали вдаль, теряясь в беспредельном голубом просторе. Веяло утренней прохладой, откуда-то тянуло дымом. Внизу, скрытое во мгле, ревело стадо, которое гнали на пастбище. Мы шли, крестясь и шепча молитвы. Юльку вели под руки две женщины.

— Пан Бронислав, — сказала я шепотом, приблизившись к нему, — вы не знаете, что с ней случилось?

Он посмотрел на меня с таким видом, словно ничего не понимал.

— Ну, ну, не прикидывайтесь новорожденным младенцем, — сказала я. — Я ведь видела, как Юлька, удирая, упала, а вы прыгнули за ней в овраг.

— Почудилось вам, панна Маня, — сказал он, усмехаясь. — Ни в какой овраг я не прыгал и панны Юльки не видал, пока мы не встретились у костра.

«Ох, — подумала я, — дело плохо, горемыка, если ты уже загодя начинаешь увертываться. Бедная наша Юлька!»

Пришли мы на квартиру, помылись, переоделись, заштопали что у кого порвалось ночью в лесу, позавтракали, — слышим, звонят. Это уже сзывают паломников на богослужение. Все пошли не мешкая. Выходим на дорогу, а там снова давка, крик, но толпа валит не к костелу, а в обратную сторону. Придорожные канавы набиты битком, кое-кто карабкается на деревья, отовсюду несутся крики:

— Резуны! Резуны! Резуны идут!

Вчерашнего страха как не бывало. Всем любопытно поглазеть на резунов, но никто их не боится. Вот проехали по дороге двое драгун на своих конях, в блестящих шлемах, с карабинами за спиной. Народ засуетился. Вон внизу, на дороге, поднялась туча пыли. Слышен глухой гул, словно стенание великана... ближе... ближе — и вот уже стоявшие впереди могли разглядеть первую волну людей, с песнями и вздохами идущих по дороге. То были мазуры-резуны. Когда они приблизились, богомольцы расступились, соскочили с большака в канавы, дали им дорогу, и те шли до самого костела между двух рядов любопытных зрителей. Шли, сбившись в кучу, опустив головы. В своих грязных холщовых рубахах, в надвинутых на глаза магерках, они выглядели, как глыба серой истощенной земли, что, сорвавшись с места, катится куда-то в бездну. И лица у них были землистого цвета, неприветливые; на иных наложили отпечаток голод и нужда. Ни одной улыбки, ни поклона, ни привета. Когда они поровнялись с первыми рядами богомольцев, вся толпа остановилась на минуту, и вслед за тем они в один голос затянули жалобную песню:

> Przed oczy twoje, Panie,
> Winy nasze składamy;
> A karanie, które za nie odbieramy,
> Wyrównywamy [1].

Мороз пробежал по телу, когда мы услышали эти голоса — те самые голоса, которые всего полгода назад ревели: «Бей! Режь! Круши!» И быстро же скрутила их божья рука! Люди их не наказывали за содеянное, правительство даже поощряло их [2], а вот что с ними сталось теперь. Идут, как осужденные, как отверженные. Когда они приблизились к костелу, навстречу вышел настоятель в ризе, с крестом и сказал:

— Люди! Целуйте крест, преклоните колени и молитесь здесь, а в костел я вас не пущу!

Они бросились целовать крест, упали на колени и смиренно молили лишь об одном:

— Допустите нас к исповеди! Никого из нас к пасхальной исповеди не допустили. Хотим исповедаться!

— Хорошо, — сказал настоятель, — дадим вам исповедников, но только завтра. Сегодня большой праздник, все священники заняты. Подождите до завтра.

Так они и стояли на коленях или лежали, распростершись крестом, все время, пока шла служба. Как ни велик был наплыв богомольцев, никто из них не прикасался к резунам, людская толпа обтекала их, как разлившаяся вода обтекает высокий холм.

Идет служба. Играют органы. Среди людей, которые толпятся не только в костеле, но и далеко окрест, проталкиваются служители костела с кружками, позвякивая накиданными в них монетами. Люди бросают деньги щедрой рукой, довольно десятка — другого шагов, чтобы кружки наполнились, их уносят в ризницу и высыпают содержимое в большие чаны. Но к мазурам никто не подходит с кружкой: настоятель запретил принимать у них какую-либо лепту, какое-либо пожертвование.

Наша компания шаг за шагом протискалась в костел; при правом боковом алтаре ксендз-капуцин должен был отслужить для нас позднюю обедню и причастить нас. Прошло не менее двух часов, пока мы пробились сквозь море человеческих тел на свое место и вытеснили оттуда других, которые уже прослушали свое богослужение и причастились. Компании подходили одна за другой, наконец наступила и наша очередь.

Стали мы в боковом приделе костела, ждем. Ксендз-капуцин еще в исповедальне, кончает исповедовать. Закончил, перекрестил исповедующегося, стукнул трижды по решетке, встал и пошел в ризницу. И вдруг в нашей компании раздается пронзительный крик:

— Хочу к ксендзу! Хочу к ксендзу!

Все стали оглядываться. Что такое? Ах, это Юлька! Юлька, которая до сих пор ходила и двигалась словно во сне, не говорила ни слова, вдруг обрела дар речи. Кричит и рвется в ризницу.

— Что с тобой, Юлька? Чего тебе нужно? Что с тобой? — расспрашивают ее со всех сторон, но она никого не слышит, кричит свое:

— Хочу к ксендзу! Хочу к ксендзу!

Ее пустили. Пошла она в ризницу. Я бросила взгляд на пана Бронислава, вижу: побледнел наш молодчик, съежился, глаза потупил, рад бы, видно, в мышиной норке спрятаться, да где уж там!

Ждем, ждем, наконец отворяются двери ризницы, ксендз-капуцин высовывает голову, зовет пана Винцентия, пани Гжехотткову, зовет пана Бронислава и напоследок — меня. Входим, а наша Юлька стоит на коленях перед алтарем, заплаканная, всхлипывает и вытирает глаза платочком.

— Пан Бронислав, — говорит ксендз-капуцин, — вот эта барышня призналась мне, что вчера ночью вы, пользуясь всеобщим замешательством, совершили над нею насилие в лесу. Это правда?

— Нет, — дерзко ответил пан Бронислав. — Я ее в лесу не видал и ни о каком насилии знать не знаю. Она была без памяти... она больная... сама не знает, что говорит.

— Молодой человек, не врать! — резко крикнул ксендз-капуцин. — Хочешь, я сейчас приглашу врача, и если окажется, что барышня говорит правду, я передам дело в уголовный суд.

— А Маня засвидетельствует, что пан Бронислав прыгнул за мной, когда я упала в овраг, схватил меня на руки и вместо того, чтобы вынести на дорогу, занес еще глубже в чащу.

Мы были поражены. Все это наша Юлька проговорила отчетливо и дельно, словно никогда и не теряла сознания.

Пан Бронислав пытался улыбнуться. Не обращая внимания на юлькины слова, он обратился к ксендзу-капуцину:

— Ничего не имею против того, чтобы врач осмотрел эту барышню. Но если у нее что-то не так, это еще не доказательство, что я тому виной. Я ничего не знаю.

Тут ксендз-капуцин рассердился всерьез.

— Шут гороховый! — воскликнул он и, схватив пана Бронислава за ухо, потащил его к распятию. — Вот тут! На колени! (А сам все держит парня за ухо и гнет его к земле.) Поклянись своею душою, что ты ни в чем не виноват! Говори за мною: «Клянусь перед господом богом...»

Пан Бронислав молчал.

— Говори: «Клянусь...»

Пан Бронислав продолжал молчать.

— Клянись! — не отставал ксендз-капуцин. — А не то я сейчас же напишу донесение в суд и отдам тебя в руки жандармов. Кроме обвинения в насилии, ты еще будешь обвинен в осквернении святого места. А знаешь, чем это пахнет? Слыхал про Шпильберг и Куфштайн? [3].

Не знаю, что сломило храбрость Бронислава — страх перед клятвой или страх перед арестом. Так или иначе, он сознался, что сыграл с Юлькой шутку, но без всякого злого намерения, потому что хотел, мол, жениться на ней.

— Вот как? — резко возразил ксендз. — А зачем же ты отпирался? Разве так поступают честные молодые люди? Фу, стыдно! Да нет! Ты не знаешь стыда! Тебя надо, как вола, тащить на веревке. Сейчас же поклянись перед

[1] Перед очи твои, господи,
Складываем наши проступки,
А наказанье за них
Делим поровну (польск.).

[2] Играя на классовых противоречиях, австрийские власти стремились укрепить свое положение в галицийской деревне.

[3] Австрийские тюрьмы.

этим распятием, в присутствии этих свидетелей, что, как только вернешься во Львов, ты посватаешься к этой барышне. И немедленно же сделаешь оглашение и попросишь ксендза вашего прихода прислать мне письменное подтверждение, а иначе я передам дело в суд. Так осрамить наши святые места!

Пришлось бедному Брониславу поклясться. Вдобавок ксендз отказал ему в причастии, и он, удрав из костела еще до конца богослужения, тотчас отправился во Львов. Если ты его увидишь, кланяйся от меня, только ради бога не говори, что знаешь всю эту историю!

А нам ксендз-капуцин после богослужения прочитал красноречивое наставление и за то, что в нашей компании случилась такая неблаговидная история, и за оскорбление святого места приказал нам возвращаться через Самбор и поклониться там чудотворной матери Новосамборской, а потом заказывать службу в каждом костеле, какой встретится по дороге, самим ее выслушивать и проделать весь обратный путь до Львова пешком. Вот мы и идем и по пути остановились на ночлег в Фельштине. А завтра будем в Самборе, где думаем провести целые сутки.

Но подумай только, что за хитрая бестия эта Юлька! Пока мы не вышли из Кальварии, она все время плакала, ни с кем не разговаривала, ну, прямо зарезали девушку! А как пришли мы в Фельштин, расположились на ночлег и я стала ее утешать, она вдруг как захохочет, как бросится мне на шею и ну меня целовать!

— А что, — говорит, — ловко я поймала этого ветрогона? Не бойся, я все обдумала! Я отлично знала, что делаю. А он, подлец, отпереться было решил! Но я ему задам! Теперь он у меня в руках. Будет он плясать под мою дудку!

Ну, кто мог подумать, чтобы эта божья овечка таила про себя такой коварный расчет! Не успела я опомниться, а она уже снова бросилась меня обнимать и целовать.

— И тебе спасибо, Манюся, — говорит она мне. — Я знаю, ты хотела осрамить меня перед людьми или, на худой конец, заставить связать свою судьбу с вертопрахом. Ну, ничего, надеюсь, что с божьей помощью все твои злые умыслы пойдут мне на пользу. А пока спасибо! Когда будем справлять свадьбу, приглашу тебя первой подружкой. Не откажешься, Манюся, правда?

Вот ведь змея подколодная! И кто бы мог о ней такое подумать!

Ну, хватит! Вот тебе целая история, только очень прошу, ничего никому не рассказывай. Главным образом из уважения к святым местам. Проведай наши старики, что тут произошло, они еще, пожалуй, всем девушкам запретят ходить на богомолье. Правда, это мало чему помогло бы, потому что, как говорил старый дьячок из Святых Пятниц, если у барышни и кавалера появляется «поползновение», так его не уймешь, сколько ни кропи святой водой.

Будь здорова! Целую тебя.

Твоя Маня.

Перевела с украинского
Е. ГОРОДЕЦКАЯ.

ФРАНКО

Из поэмы

Андрей МАЛЫШКО

Все так, как было, в комнате поэта:
Стол низкий, стул, придвинутый к столу,
Осеннего, неласкового света
Янтарная полоска на полу,

И стопка книжек, и вторая рядом
(Ты в руки их возьмешь еще не раз),
И со стены живым отцовским взглядом
Все зорче смотрит на тебя Тарас.

А ты опять мечтой стремишься в дали,
Где у дорог тоскуют тополя,
И, там тобой увиденные, встали
Перед глазами вышки и поля.

Но время странствий снова пролетело,
Стряхнуло с плеч седой дороги след.
Садись за стол: ведь творческое дело
Не слышит жалоб, не считает лет...

Ты повидал житейских бурь немало,
Был напряжен в работе каждый нерв,
Но это все лишь дух твой поднимало,
Вечный революционер.

I

Франко писал и не расслышал скрипа
Тугих дверей, где гость уже стоит.
Переступил порог Григорий Липа.
— А, младомузец, признанный пиит!..

— Здорово, друг!
— Григорию почтенье!

Сидеть бы им, вести горячий спор,
Пока заря начнет ночные тени
Совать под крыши, прятать под забор;

Пускай бы каждый, на слова нескорый,
Сказал бы то, что было б сердцу в тон!
И вот достал черновики Григорий.
— Читай, читай,— повеселел Мирон [1].

Но вспомнил сочинитель по порядку
Сначала идиллическую хатку,
Потом в таких необычайных красках
Он рассказал о губках, щечках, глазках,
О райском, опьяняющем, как хмель,
Людском житье за тридевять земель,
Как из-за тучки ясный месяц вышел,
Как грустен вид осеннего леска...

Франко поднялся:
— Это все я слышал...
Сентиментальность,
марево,
тоска...
А где народ, томящийся в беде?
Нефтяники, каменотесы где?..

— Ой, друг Иван, ой, слов обидных
сколько!..
Но не хочу в них умысел искать...
Нефтяники ведь темный люд,— и только,
Стихом я должен нежить и ласкать,
И грусть и слезы в нем соединя...

— Зачем же слезы? Дай-ка нам огня! —
Прервал Франко.— Во все века, я знаю,
К мертвизне лишь идиллия вела.

[1] Псевдоним Ивана Франко.

В КРИВОРОВНЕ

италию я часто вспоминаю:
Бродил там с другом... Родина звала
Меня в Карпаты! Не к пирам и винам
Вела дорога... Слышал я стократ:
«Зачем пошел скитаться по чужбинам?
Как будто мало горя у Карпат?»

«Ты чувства, что ли, притупил навеки?» —
Звучал упрек и вечером и днем
Дубов не наших, черных, как калеки,
И голубя чужого под окном,
Что ворковал и скорбью сердце трогал,
Что может сердцу многое сказать.

В пыли седые камни у дороги —
И те кричали: «Возвращайся вспять!»

И вот уже вдали оставлен поезд,
Всё позади — шлагбаумы, посты.
Травинку вижу — кланяюсь ей в пояс,
Тростинку встречу — ей кричу: «Расти!»

Криничный сруб... Родные сердцу хаты...
Ручей в межгорье, блещущий стеклом...
Жнивье, где урожаи небогаты...
Старик-гуцул...
— Земля моя,
поклон!

И вновь как будто стал я сердцем молод,
Иду туда, где путь на взгорье крут,
Где неустанно бьет железный молот —
Скалу крушит каменотесов труд!

Одежда их покрыта слоем пыли,
И орошают землю пот и кровь...
Глядишь, они как будто позабыли
Про шум лесов, смолистый дым костров,
Забыли всплески голубой криницы,
Где пьет овца, где шелест птичьих стай...
Краюшка в сумке черствая хранится,
А за нее ведь шелеги [1] отдай...

Ой, солнце нестерпимое, не мучай!
Не в силах молот поднимать рука.
— Го-го, держись!
Взметнулись белой тучей
Две глыбы камня, словно два быка.

Мне не забыть о грозном взрыве этом.
Я помню эха отдаленный спад,
Звучавшего приветом и ответом,
Салютом лютым, жалобой Карпат...

Каменотес, на счастье лишь надейся!
Ну, а несчастий жди со всех сторон...
— Вожак-то где?
Куда он, хлопцы, делся?
Не под скалой ли?
— Он
или не он?

Да, это он! Его тяжелый камень
Настиг. И бригадира не зови...
Он, об осколок опершись руками,
Хотел привстать,
а руки все в крови.

Вот так и умер на обломках веток...
И кто склонится у закрытых век?
Нет ни жены, ни матери, ни деток.
Каменотес, он разве человек!

А был вожак еще недавно в силе,
В горах Карпатских пас овец и коз...

Каменотесы трубки погасили.
Стоят в безмолвье. Не роняя слез.

Я видел горе в их тревожных взорах —
След этих трудно прожитых годов.

[1] Деньги.

У них в сердцах, наверно, спрятан порох,
Дотронься — и огонь взлететь готов.

Глядел я молча на людское горе
И верил, что такая тишина
Недолговечна, что, наверно, вскоре
Она взорваться бурею должна...

Земля простилась со своим рабочим,
Как мы, она в печали и сама.
— Вот правда, друг! Я не люблю обочин...
Горька ведь правда, но зато пряма...

II

Франко приехал в Криворовню поздно.
Здесь в эту пору улицы тихи.
А на горе, почти что в небе звездном,
Горланят у Яремши петухи.

В хлеву корова охает, как будто
Твердит: стара я, жизнь моя тяжка...
А у плетня — отваленные круто
Пласты.
Неужто острием плужка?..

Луна еще небесную дорогу
Не завершила. Ой, какая рань!
Марйчка первой бросилась к порогу:
— Приехал, дядя,
дяденька Иван!

И столько ласки в полудетском взгляде!
Она шумит, проворна и легка.
Андрусь вскочил, метнулся мигом к дяде,
Целует гостя старый друг Лука.

— Жена! Воды полей ему на руки.
А мы вас ждем, глядим на шлях все дни,
Давно-давно им счет ведем в разлуке...

И он сидит, родной, в кругу родни,
И делит с нею радости и горе...

Франко вдруг спохватился: — Да ведь я
Вам не представил спутника... Григорий,—
Чуть улыбнулся,— тайный мой судья.

А тот смутился:
— Никогда им не был...

Рассветный ветер за окном затих,
И первый луч в алеющее небо
Овец отару выгнал золотых.

Мать о житье-бытье поговорила,
Ну, а Марйчка, между дел других,
Мед принесла, картошки наварила
Для двух гостей, конечно, дорогих.

А после чарки и о самом главном
Лука поведал, как он день за днем
Три года спину гнул и вот недавно
Сумел-таки обзавестись конем.

Далась ему хозяйская удача!
Без соли ел, ложился без огня...
Кто думает, что у Яремши кляча,
А он купил-то доброго коня!

Теперь не то, что прежде!
Мучил голод,
Шел за грош на поле кулака...
А тут и вспашешь и опять же в город
Кого свезешь...
И вот уже Лука
Зовет гостей осматривать конюшню,
Где конь, наверно, ладен и горяч,
Копытом бьет о землю непослушно...
Ночная тьма, гнедка от глаз не прячь!

Ему казалось, оком знойно-синим
Косит конек:
а, это ты, Лука!
Овса ли, сена в ясли мне подкинет
Твоя, хозяин, щедрая рука?

Так лишь казалось... А на самом деле
То был не грувунок, не огонек,—
Такой, что и глаза бы не глядели,
Перед Иваном путался конек.

Пусти — пойдет. Толкни,— пожалуй, ляжет,
Прожил, наверно, целые века.
— А повернись! Ну, что Иванко скажет?
Как мой гнедко?
— Как видишь сам, Лука...

Весь век, хозяин, кто о том не знает,
Ты шел внаймы, где шкуру с нас дерут...
Ивану он отца напоминает:
И так же сед и так же любит труд...

Ему судьба недобрая послала
Путь в жизни и тяжелый и витой:
Черпал он нефть у вышек Борислава,
Долбил он камень у скалы крутой.

Когда зима оденет в иней ветки,
Подует стужей людям на беду,
Он соберется:
— Ну, прощайте, детки,
Я дело подходящее найду.

Ой, дело, дело! Снова, как назло, ты
И трудное и скудное притом!
Кончал в чужих он ригах обмолоты
И брел домой: ведь у Яремши дом!

Хибарка, а гудит от доброй вести...
Андрусь с Марйчкой подойдут к руке...
Весне гуцульской, светлой, как невесте,
Отныне тесно в узком ручейке.

Волна на речке бьет в громаду плота,
В нем швы уже ослабшие скрипят...
И рад Лука, что трудная работа
Теперь найдется для него опять.

Лоснится пашня под весенним небом.
В туманах балки, словно в молоке.
— Я, детки, заработаю вам хлеба,—
Еще есть сила у отца в руке!

Сплести бы дни, как мы сплетаем сети,—
И сеть бы узловатою была...
Он видел много горьких дней на свете,
Но и хорошим не было числа:

То зрела рожь, то песни птиц звучали,
То по весне резвилась детвора,
И вот уже вчерашние печали
Как будто уходили со двора.

Все то, что он, как зерна, в землю кинул,
Пускай взойдет, созреет, позовет.
И на господ не станет гнуть он спину,
Своим Лука хозяйством заживет.

Что может быть для бедняка дороже
Мечты заветной:
лошадь,
пашня,
дом...

Франко вздохнул:
— А конь и впрямь хороший...
Хозяин ожил:
— Так и я о том!..

...Ты здесь не гость, где, сладостен
и горек,
Тебя овеял юности дымок,
Чтоб эту жизнь и этот бедный дворик
Ты никогда забыть уже не мог.

III

Франко и впрямь все чувствовал усталость...
Ходил в леса окрестные не раз,
Но в теле тяжесть все-таки осталась.
Дрожит рука. Не так уж зорок глаз.

Денек, бывало, выпадет хороший,
А ночь предчувствий тягостных полна.
Сон чистый, словно первая пороша,
Вдруг замутит свинцовая волна,

Погасит звезды, прошумит по крыше,
Забарабанит в темное окно.
Потом, как отзвук, — тише, тише, тише, —
Опять галлюцинации. Чудно...

Он заболел. В его пытливом взоре
Блуждают тени позабытых снов.
Казалось, лес на прикарпатском взгорье
Теперь не шепчет и не манит вновь.

Он шел вчера по вспаханному полю,
Крик журавлей послышался ему.
— Ну что ж, прощайте,— с незнакомой болью
Вздохнул он, сам не зная, почему.

Какие ждут друзей крылатых дали?
Бескрайна степь, и океан широк!
А журавли, как бусинки, блистали,
Нанизанные кем-то на шнурок.

Лишь ослабевшей журавлихе с небом
Пришлось расстаться около леска.
Польется дождь, сыпнут Карпаты снегом...
— Взлетай и ты, зима уже близка!

...Сын кузнеца, хлебнул ты в жизни лиха!
Шел по земле, как будто по стерне...
Быть может, и судьба, как журавлиха,
Стоит с крылом подбитым в стороне.

«Широким лугом, ой, зеленым лугом,
Шла,— бормотал он,— девица-краса».
Встречался он с любимым, добрым другом,
И клеветы он слышал голоса...

«Цвести на поле маковому цвету...»
Что цвету вдохновенья суждено?
Рабочим был, горбом тянулся к свету...
Ну, а теперь? Вот то-то и оно!

Напомнил клич печальный журавлиный
Еще о были памятной такой,
Когда без хлеба день тюремный, длинный
Просиживал он над живой строкой.

И гнев и боль он собирал, как зерна,
Ходил по свету, не жалея ног,
Имел бы вместо сердца пламя горна —
Всего бы переплавить он не смог!

Нет, не пиши ты с грустью о судьбе,—
Она была не мачехой тебе...

У дуба ветви в час грозы ломало,
А ствол уперся кроною в зенит.
В нем, видно, сил живительных немало,
Он по весне, как колокол, звенит.

Его побеги жадно рвутся к свету...
И ты, Иван, потомок кузнеца,
Шуми, как дуб, густой листвой одетый,
Железным словом трогая сердца.

Воздвигли вавилоны кровопийцы,
Ползут боа-констрикторы [1] во мгле...
И пусть людское сердце не скупится
На подвиг против кривды на земле.

Каменотес и землепашец бедный
Уже встают, шагают за порог...
Отдай им пламя дум своих заветных,
Что для боев грядущих ты берег!

...Ты степью шел, где терн упрямый вился...
В раздумье перед ним остановился,—
Пророс он на песке не без труда,
В колючках, словно в панцыре, всегда.

Подумал, людям он в пример годится,—
В чащобе спрячет зайца-беляка.
Здесь птица перелетная садится:
За ягодкой — дорога далека.

Приют и пищу слабому давали
Его кусты, их арбы задевали,
А терн у шляха обживал места,
Живучий и колючий неспроста.

И, на земле невыжженной сверкая,
Уже веселый ручеек бежит.
Франко воскликнул:
— Жертвенность какая!
Вот так и людям для других бы жить.

IV

Тянулась, словно к сказочной криничке,
Четыре дня к чернильнице рука,
Чтобы на снежной белизне странички
Ложилась густо за строкой строка.

Есть в созиданье радость и мученье...
Кто их источник трепетный постиг?
Приходит за надеждой огорченье,
За жаром сердца — отзвук слов пустых.

То, что вело в час творческого взлета,
Что теплилось, живой струило сок,
Внезапно превратится в позолоту,
Замрет, казалось, яростный поток.

Да, вдохновенье делает титаном.
Идет оно, как радостная весть!
Вступай же в бой с неправедным Датаном [2]
И обнажи нам Авирона [2] лесть!..

Родной народ, и я не безучастен
К твоей судьбе: что хочешь — повели,
Возьми мое ты сердце и на части
Меж потерявших веру подели...

Но суть не в том. В работе и тревоге
Добудь огонь и создавай плуги.
Стань терном у извилистой дороги
И путникам в их бедах помоги.

Прислушался. Шагнул к порогу ближе.
Там слышен чей-то голос за стеной.
— Марíчка, ты? Не вижу я, не вижу
Твоей улыбки... Что стряслось со мной?

Ну и темно... Пропало солнце где-то...
И тропки я, Марíчка, не найду.
Но, как невеста, в синий шелк одето,
Стояло солнце тут же на виду.

Здесь поворот был, путь простого проще,
Там деревце зеленое одно...
И понял сразу, что ему на ощупь
Мир узнавать отныне суждено.
Ну что же, слух мне многое подскажет,
Про землю палка может рассказать.
Но как все это на бумагу ляжет?
Ой, не легко незрячему писать!

Еще одна на горб свалилась ноша —
Тебя не вижу, мой зеленый край!
Пошел под явор возле Черемоша...
Звени, волна прохладная, играй!

Но в ней не видит больше златоперок...
Лишь слышит птичий щебет:
«Зван-зван-зван...»

На бревна плотовщик кладет топорик:
— Сто лет вам жизни, дяденька Иван.

А крепкий плот несут все дальше воды...
Будь счастлив, парень! Ох, и тяжела
Судьба слепого: ходишь без работы!..
Но день настал, и древность ожила...

Лука Яремша ладил сеть для лова,
Да и Андрусик не вертелся зря.
Он по наказу старшего без слова
Пошел снимать тугие ятеря.

А сети пахли горьковатым ветром,
На держаках лоснился пальцев след.
Он поклонился рыбакам приветно:
— Есть рыба, значит, будет и обед...

Лука шепнул: — Получшало, быть может...
Андрусик крикнул: — Дяденька Иван!
Пойдем на плес, где в синем Черемоше
Туч отраженных виден караван.

Казалось, лучших не было на свете
Друзей.
— Да ты, Андрусик, не спеши,
На берегу плести я буду сети,
И, что скажу, ты, хлопчик, запиши.

— Писать могу, мне грамота знакома.
А не пойму чего — переспрошу...
Достал он заготовленные дома
Тетрадь с пером:
— Ну, дяденька, пишу.

И стал писать в своей тетрадке школьной
Меж пятен фиолетовых густых.
Поэт мечтой переносился вольной
В карпатский край из выжженных пустынь.

Пускай уже не в мареве преданий
Враги пойдут на острие рожна...
И, как призыв иерихонский, давний,
Поэта боль здесь прогреметь должна.

Все у Франко — и думы и заботы
Лишь о тебе, отчизна, о тебе,
Уже поднявшей гордый клич свободы,
Уже спешащей к завтрашней судьбе.

...Мысль о поэме новой долго тлела,
Рождая в сердце боль и непокой,
И вдруг, как день встающий, посветлела
И вдруг широкой ринулась рекой.

Малюсенький, в искринку огонечек
Стал разрастаться в пламя — не погас.
— А как там вышло? Почитай, сыночек!
— Про Моисея, дяденька? Про вас?

«Все, что в жизни имел он, отда́л
Для заветной идеи,
И горел, и любил, и страдал
Для нее, для людей он.

...И помог он в несчастье рабам...».

И кажется, живут уже на воле
Андрусик малый и старик Лука,
Марíчка жнет не на кулацком поле,
И так дивчина на руку легка.

Ой, дуб и клен, стелите шире тени!
В бескрайнем поле, хлеб, для всех расти!..
Нефтяника — в достатках и в почтенье,
Каменотеса — в трудовой чести
Увидел он.

— Андрусик, отдохни же...

Прохладный ветер шепчется с травой,
И над отрогом каменным все ниже
Сверканье темной тучи грозовой.

— Идем на кручу...
— Ну, а есть там наши?..
— Да, там гроза, взрастившая меня...

Франко, в пути Андрусика обнявший,
Вступил под крышу грома и огня.

Перевел с украинского
Григорий СОЛОВЬЕВ.

---

[1] Имеется в виду художественный образ из повести Франко «Удав» (Boa-Constrictor), символизирующий власть золота.

[2] Действующие лица поэмы Франко «Моисей».

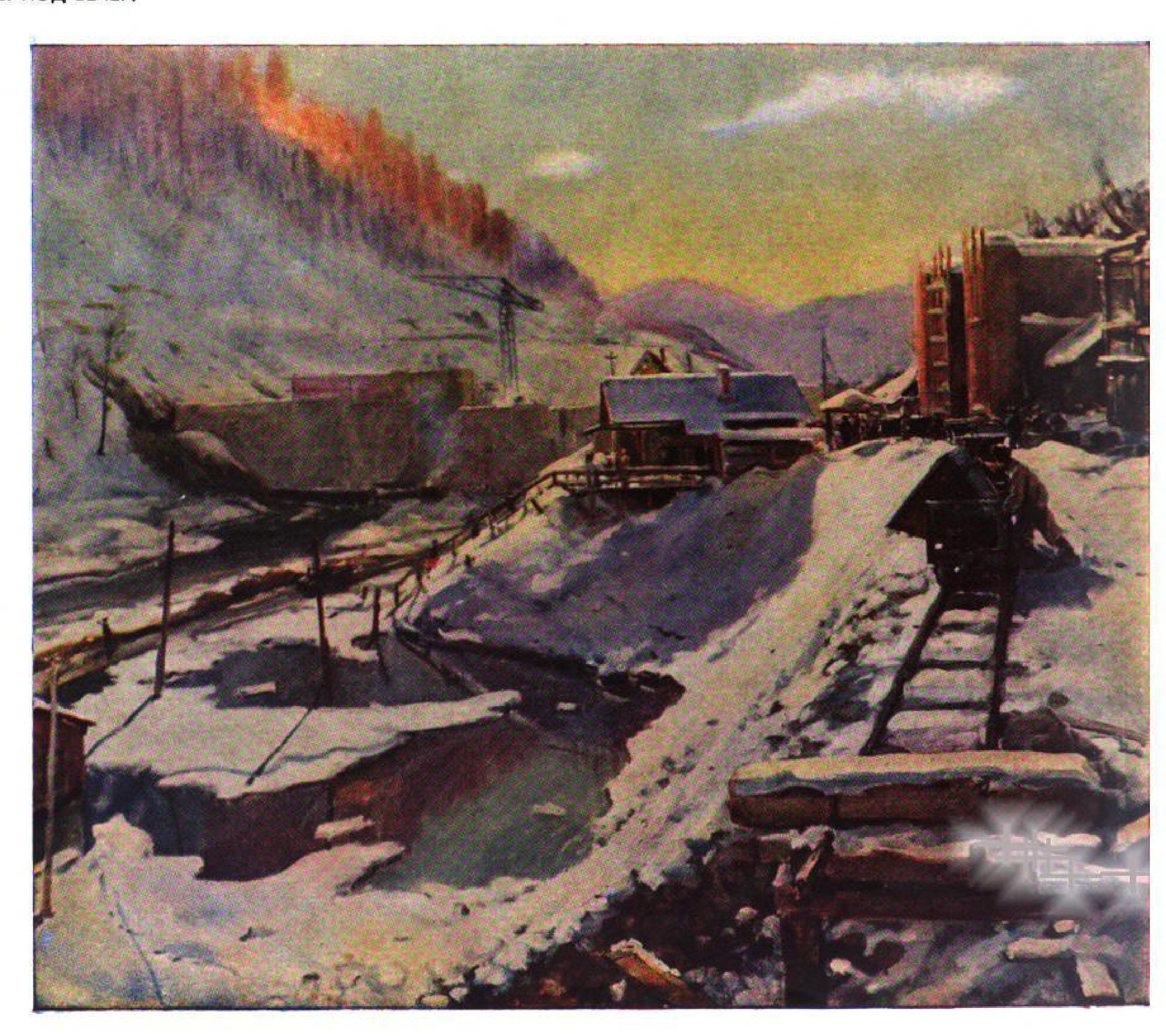
И. И. Бокшай.
СТРОИТЕЛЬСТВО
МОСТА
В УЖГОРОДЕ. 1948.

А. М. Кашшай.
ПОД ГОРОЙ.

А. М. Эрдели. МОЛОДЫЕ КОЛХОЗНИКИ.

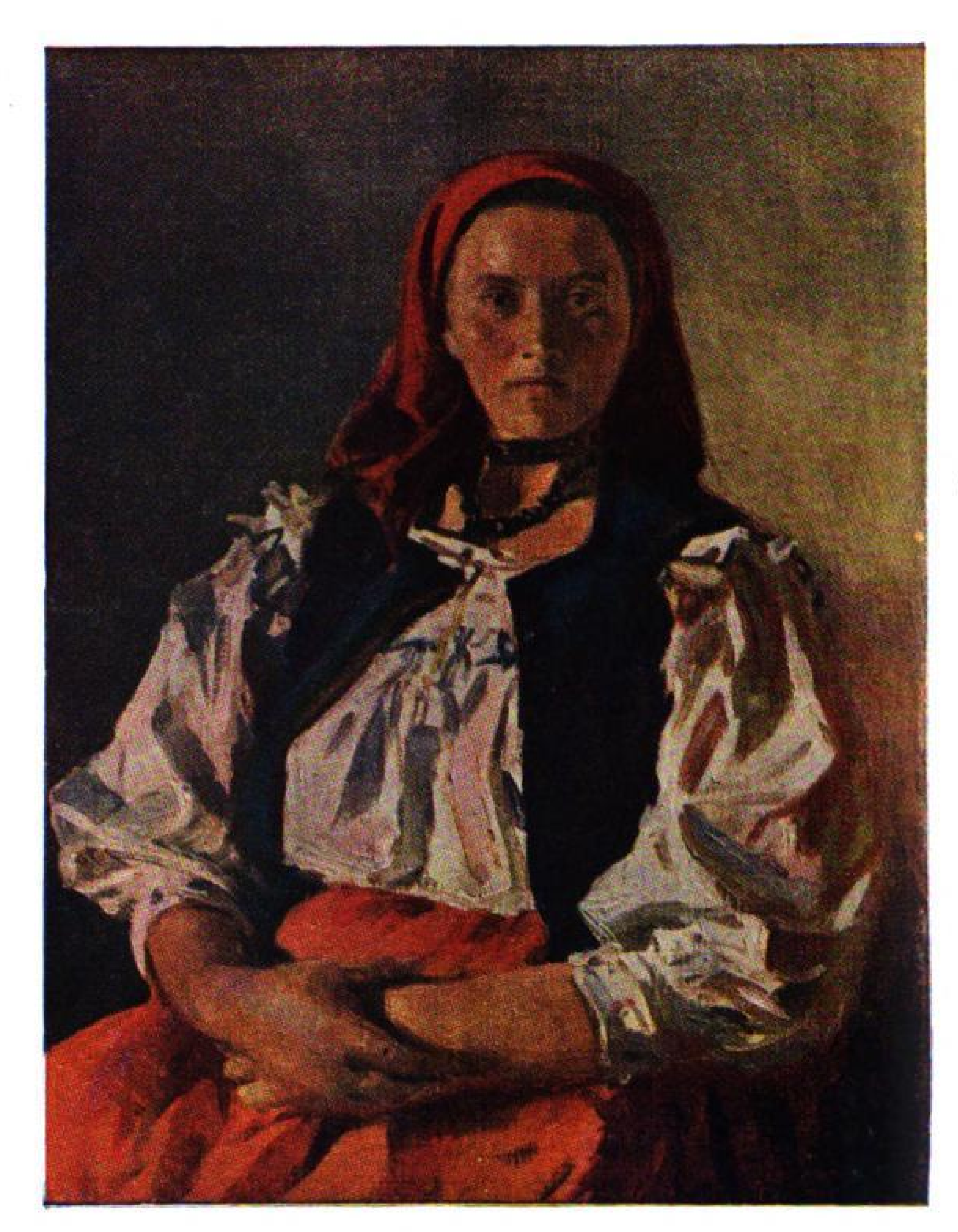
И. М. Шутев. ПОД ВЕЧЕР.

Н. А. Розенберг.
ЗАКАРПАТСКАЯ ГЭС.

А. А. Коцка. ДЕВУШКА ИЗ КОЛОЧАВЫ.

Г. М. Глюк. КОЛХОЗНИЦА ИЗ ДОЛИНЫ ТЕРСВЫ.

А. А. Коцка. СТАРЫЙ КОЛХОЗНИК.

РАССКАЗЫ О ДАЛЕКОЙ СТРАНЕ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки А. ВАСИНА.

3. Провинности Томми Мак-Намара

Старый Джим Андерсон был строг и серьезен, как судья, когда он поднялся и предложил обсудить в текущих делах вопрос о поведении Томми Мак-Намара.

На собрании нашей коммунистической группы председательствовал Стэн Мартин. Он, как всегда, следил за тем, чтобы собрание кончилось не позднее установленного времени, а если можно, то и пораньше. Многим надо было поспеть на вечерний поезд.

В тесную, ободранную комнатку на Кингстрит в Мельбурне нас, докеров, набилось десятка полтора. В углу стояли два малярных ведра, валялись кисти. Украшением стен служили старый, пятилетней давности плакат с молодежного фестиваля, увеличенная фотография Ленина и портрет футбольного чемпиона из команды «Австралийская образцовая»; поперек этого портрета тянулись оскорбительные надписи, нацарапанные болельщиками конкурирующих команд.

Партийный организатор Гарри Стэнли, толстый, приземистый парень со спутанной гривой черных волос, только что кончил доклад об избирательной кампании. Он сделал его в таком торжественно-оптимистическом тоне, что присутствующим осталось только удивляться, какого дьявола Мензису удалось одержать победу на выборах.

Стэн Мартин, председательствующий, заботливо отпускал каждому оратору установленную порцию времени: семь минут. Когда речи кончились, он поднялся с места.

— Есть ли вопросы в текущих делах? — выжидательно обвел он глазами присутствующих.

— Да, товарищ председатель, — смиренно сказал старый Джимми. — У меня есть важный вопрос.

На грубом, точно вытесанном топором лице Стэна Мартина мелькнула досада.

— Хорошо. Но, пожалуйста, короче, товарищ. Время кончать.

— Вопрос серьезный, — огрызнулся старый Джимми. — Я прошу обсудить поведение Томми Мак-Намара.

Томми Мак-Намара и Джимми Андерсон были издавна притчей во языцех в нашей партийной группе. Оба были докеры, неплохие коммунисты, оба продавали в порту газету «Гардиан». Но Джимми состоял в партии вот уже двадцать лет, а Томми — только четыре. Старик был человек семейный, Томми семьей еще не обзавелся. На собраниях Джимми всегда отстаивал коллективный принцип, речи же Томми слегка отдавали индивидуализмом. Страстью Джимми Андерсона были шахматы и чтение Маркса по вечерам, а Томми Мак-Намара проводил свободное время за кружкой пива и не пропускал ни одного сборища на Ярра-Бэнкс.

Старый Джимми пользовался малейшим поводом, чтобы покритиковать Томми на партийном собрании; однажды он даже настоял, чтобы о провинностях товарища Мак-Намара было сообщено в контрольную комиссию. Но оттуда посоветовали решить дело товарищеским примирением спорящих сторон. Старый Джимми разобиделся: странную снисходительность высшей партийной инстанции он объяснял в душе тем, что Томми Мак-Намара ухитрялся еженедельно продавать полтораста экземпляров «Гардиан», три десятка «Трибюн», полсотни экземпляров советских иллюстрированных журналов, не говоря уже о китайском журнале, молодежной газете и прочем.

В общем, у старого Джимми было не больше надежды урегулировать свои разногласия с Томми, чем у папы римского наладить отношения с великим мастером оранжистских лож. Недавно Томми переехал в Сидней, к родным, и мы думали, что конфликт пришел к концу естественным путем, но...

— Да, я желаю поднять вопрос о действиях товарища Мак-Намара, — повторил Джимми, и в голосе его зазвучал металл.

— Ладно, выкладывай, в чем дело, — проворчал Стэн Мартин. — Не сидеть же нам всю ночь.

Стэн Мартин был очень хороший товарищ, только к концу партийных собраний делался нетерпеливым, как проголодавшийся медведь.

Но Джимми Андерсон молчал, собираясь с мыслями.

— Ваше время истекло, товарищ, — объявил председатель. — И поскольку нет предложений о продлении времени, вам надо кончать.

— Кончать?! Да я еще не начинал!

Лицо старого Джимми, морщинистое и печальное, напоминало в эту минуту старую луковицу с пучком седых волос на верхушке.

Поднялся Гарри Стэнли и сказал со свойственной ему дипломатичностью:

— Товарищ Андерсон поступил правильно — он взял на себя и те участки, где продавал газеты товарищ Мак-Намара. Это очень важно: двести экземпляров — половина того количества, которое распространяет наша груп-

СКАЗ О РОДИНЕ

Вечный источник вдохновения для каждого подлинного художника — родная земля, свой край, жизнь народа.

Произведения живописцев Закарпатской Украины, впервые в этом году показанные в Москве, на выставке, радовали и волновали своеобразием тем, свежестью и чистотой колорита. Не только в мастерских ищут художники вдохновения. Летом и зимой, весной и осенью уходят они писать в горы.

Закарпатскую школу живописцев возглавляет заслуженный деятель искусств республики И. Бокшай, воспитавший не одно поколение молодежи. Испытанный композитор монументальных произведений, он почти всегда заканчивает свои большие полотна прямо на натуре, стремясь, чтобы поэтический образ мира, им увиденный, взволновал каждого.

Бокшай предпочитает осеннюю гамму красок, теплую, меднокрасную. В этом колорите им и написаны многие удачные этюды-пейзажи Львова и известная картина «Строительство моста в Ужгороде», в которой художника увлекла тема обновления родного города.

Ученик Бокшая А. Кашшай представил на выставку сюиту пейзажей, пленяющих воздушностью и светом. Многоплановые, пространственные, они написаны с большой искренностью и проникновенностью. В любом простом мотиве художник видит поэзию природы. Не только верностью деталей, которая всегда присутствует в произведениях Кашшая, ценны его картины: живописец умеет создать ощущение вольных горных высот, воздушности далей, человеку легко дышится среди изображенной им природы. Привлекают зрителя именно этими качествами картины «Под горой», «Перевал».

На выставке преобладала пейзажная живопись. Отчасти причиной тому сама природа, властно подчиняющая творческое воображение художников, а может быть, они просто еще не нашли пути к современной жанровой теме.

Но среди участников выставки есть и такие, которых не удовлетворяют только пейзажные работы, хотя они и проявляют в них большое мастерство. Г. Глюку хочется сказать теплое, взволнованное слово о тружениках Закарпатья. Много дней проводит он среди колхозников и лесорубов, с бокорашами (плотогонами) и пастухами. Глюк создал много значительных по остроте наблюдений и меткости характеристик портретных этюдов, подобно экспонированному на выставке портрету колхозницы.

Образы колхозников увлекают и А. Коцка. Колхозной молодежи посвятил свое творчество последних лет один из самых талантливых художников Закарпатья, А. Эрдели, умерший в 1955 году. Его своеобразные произведения были широко представлены на выставке композиционным портретом, пейзажем и натюрмортом. Эрдели, принадлежавший к старшему поколению художников Закарпатья, испытал немало чужеродных влияний. Только соприкоснувшись с жизнью народа, восприняв реалистические традиции, обрел он новые творческие силы. Некоторая декоративность его двойных портретов — «Молодые колхозники» и «Колхозницы Турянской долины» — не лишает эти произведения глубокого образного содержания.

Посетители выставки познакомились и с работами молодых художников, среди которых много одаренных живописцев, графиков, скульпторов. Но пока круг их тем ограничен. Хочется видеть более страстное увлечение нашей действительностью.

К. КРАВЧЕНКО

па. Поэтому я вношу предложение: предоставить товарищу Андерсону еще пять минут времени.

Он виновато покосился на председательствующего.

— Пять минут — это не дело! — крикнул Джимми. — Продажа упала на семьдесят экземпляров. Либо мы обсудим сегодня этот вопрос, либо я вообще не выйду с газетами в пятницу...

— Итак, имеется предложение... — начал Стэн Мартин.

— Дайте ему говорить, а то просидим до петухов! — посоветовал Кэрли Кук.

— Я расскажу вам, — начал Джимми Андерсон, — что произошло, когда я стал обходить в прошлую пятницу участок Томми Мак-Намара. Первым делом захожу в бар, что при ресторане Хотхэм. Там сидело человек тридцать наших ребят, и каждый, заметьте, спросил: «А где же Томми?» «Уехал в Сидней, — говорю, — к родичам». Им это вроде как не понравилось, но каждый купил «Гардиан». Они, видите ли, сидели за шестью столами и за каждым меня заставили выпить. Я, правду сказать, считаю, что не очень к лицу коммунисту заниматься этим делом, я всегда говорил, что товарищ Мак-Намара не знал в этом должной меры, да. Но я человек вежливый, и вот я выпил маленький стаканчик у каждого стола. А тут подвернулся какой-то малый с лотереей: главный выигрыш — петух. «Томми Мак-Намара, — говорит он мне, — всегда брал два билета, а я у него — две газеты». Я подумал: «Это будет справедливо, неудобно отказываться».

Джимми помолчал и продолжал с тем же спокойствием:

— Тут оказалось, что за двумя столами сидели знакомые парни, ну, я с ними выпил еще раз. Значит, всего в Хотхэме я выпил восемь маленьких, отдал два боба[1] на лотерею, и, — Джимми прикинул в уме, — и шестнадцать пенсов ушло на выпивку.

Подсчет был встречен взрывом смеха.

— Можете себе смеяться! — сказал гневно Джимми. — Но тут серьезный вопрос, и я еще не кончил... Куда же я отправился дальше? В пивную к Мэркиллам. Там продал тройку «Гардиан» и решил: надо заесть чем-нибудь пиво. Смотрю, навстречу идет кок с «Железной королевы», Кэнди Кид зовут его. «Где Томми?» — спрашивает. Повторяю: «Уехал в Сидней». «Жаль, — говорит, — он был на месте здесь, в Мельбурне. Лучший продавец газет. Выпьем, что ли?» Мне показалось, что он не возьмет у меня газету, если я не опрокину с ним стаканчик. Как быть? Пришлось подчиниться силе.

— Он тебе руки назад не скрутил, этот кок? — спросил серьезно Кэрли Кук.

Вопрос Кэрли очень помог нам: мы едва удерживались от хохота.

— Нет, рук он мне не крутил! — Джимми огрызнулся, неодобрительно глядя на нас. — Значит, — продолжал он, — я выпил с ним стаканчик, маленький, заметьте, а Томми с ним пил кружками... Кок купил десять газет оптом и отдал мне десять шиллингов. И тут-то раскрылось все: это Томми Мак-Намара, оказывается, уговорил кока брать сразу десяток, распродавать их на судне. И так каждую неделю. Как вам это нравится? Разве не справедливо жалуются на это коммунисты из союза моряков? А Томми твердил себе: главное — газеты должны быть проданы! Каково?

Зная хорошо Томми, мы снова дружно рассмеялись.

— Не пойму, чего вы ржете? — рассердился старый Джимми. — Разве это дело — отбивать работу у своих же товарищей? Моряки уже заявляли в районный комитет. Томми пытался даже пролезать прямо на борт с газетами, пока они не вытолкали его в шею.

Теперь уже каждый из нас только и думал о том, как бы найти удобный повод для смеха.

— Товарищ Мак-Намара не верит в честное соревнование между продавцами газет! — провозгласил Джимми. — Он готов за глотку схватить любого. Это против духа социалистического соревнования.

Стэн Мартин посмотрел на часы:

— Десять минут прошло. Ближе к делу, товарищ Андерсон.

— Погоди, председатель! — крикнул Скотти Джонсон, давясь от смеха. — Ей-богу, это интереснее, чем юмористические истории, которые печатают в газетах!

— Если не будете перебивать, — отрезал с достоинством Джимми, — я скоро кончу. Мне этот кок еще одну вещь сказал, я считаю это просто несправедливым. «Все-таки, — говорит, — нет лучшего продавца газет, чем Томми!» Вот что он мне сказал. А что делал Томми, чтобы продать на три десятка номеров больше? Вот послушайте, я сам это видел. У стойки стояли два индийских матроса. Томми подходит и кричит: «Рабочая газета «Гардиан»! Новости, каких не найдете в ежедневных газетах!» Томми всегда это говорил, а разве это правда? Ну, индийские матросы отвечают: «Не понимаем, не понимаем по-английски». Тогда Томми говорит: «Коммунист! Коммунистическая газета!» Он на четырех языках это сказал: «Коммунист! Комьюнист! Камунисти! Комму-у-у-ниски!» А разве он знает четыре языка? Он даже по-английски толком двух слов связать не может!.. Ладно, индийские матросы кивают головой: «Коммунист. Гуд». И тут Томми, заметьте, хватает шиллинг со стойки, где лежала сдача этих индийских ребят, и сует им две газеты. А как они будут их читать? Они ведь ни в зуб толкнуть по-нашему!

От хохота задрожали стены. Все хлопали друг друга по спине, корчась от смеха, Гарри Стэнли свалился со стула и так и остался сидеть на полу.

— Хороши коммунисты! — укоризненно качал головой старый Джимми. — Это ведь эксплуатация наших цветных братьев, вот что это! Чем этот глупый смех, лучше бы сообщить в партийный комитет в Сидней, пусть призовут к порядку товарища Мак-Намара!

— Время ваше истекло, — объявил Стэн Мартин. Только он да старый Джимми не засмеялись ни разу за все время.

— Я вношу предложение: продлить ему время на неделю! — закричал Кэрли Кук.

— На две недели! — поддержал кто-то.

— Погодите, сейчас вас скорчит с вашим смехом, — пообещал Джимми. — Я еще не все сказал, у меня длинный счет. Так вот, ухожу я от Мэркиллов и иду в «Клайд». Продаю несколько газет в большом баре, и опять каждый спрашивает меня, куда девался Томми. Хорошо. Вхожу в задний бар, там у меня покупают еще десяток. И вдруг Джим Донеган из союза судовых маляров встает из-за столика и говорит: «Послушай-ка, приятель, здесь Томми Мак-Намара продает газеты, а не ты! «Бешеная миля»[2] — это его территория». «Что ж, это как раз подходящее для него название», — отвечаю я. «Выпьем?» — предлагает Джим. «Я уже десять раз сегодня делал это», — говорю. «А Томми никогда не отказывался», — отвечает он мне.

— Неплохая была территория у Томми! — заметил с уважением Кэрли Кук.

Старый Джимми не удостоил его взглядом и продолжал:

— Я отказался выпить, заметьте. Но тут случился какой-то моряк в судовой робе, он спросил, где Томми, и говорит: «Собираем для семьи товарища, он попал в машину, убило насмерть. Томми всегда давал на добрые дела». Что мне оставалось делать? Я дал моряку доллар и поскорее убрался вон. Напротив кабачок, где всегда бывают наши докеры. Тут сразу разобрали десять номеров, но... мне пришлось купить еще два лотерейных билета, так делал всегда Томми, — язвительно подчеркнул старый Джимми. — И все наперебой звали меня выпить: Томми, мол, нас не обижал, выпивал с нами! Ясна вам картина или нет?

Все рассмеялись, кроме Стэна Мартина.

— Мы на собрании коммунистов, — произнес он торжественно. — Дайте возможность товарищу высказаться!

Но тут уж и сам Стэн Мартин не удержался и прыснул.

— Потом я пошел в пивнушку рядом, — повысил голос Джимми, стараясь перекричать шумное собрание. — Десять газет и... опять два стаканчика, я уж перестал считать. Был там один пастух; он спел песенку, которой его научил Томми, называется «Гарри был большевик». Потом говорит: Томми ему давал всегда два боба за песню. Ну, что тут поделаешь, пришлось и мне дать ему... Наконец я добрался до ресторана «Великобритания». Старался держаться прямо и иметь приличный вид, — эти слова Джимми произнес несколько неуверенно. — Вы знаете, это ресторан правого направления, пришлось мне быть начеку. Продал там три номера трем матросам и одному букмекеру, а тот знаете, что мне сказал? «Томми, — говорит, — у меня всегда брал талон — другой на скачки». Я-то сам, — Джимми

[1] Боб — шиллинг.

[2] «Бешеная миля» — район кабачков в порту Мельбурна.

вздохнул,— не отличу лошади от козы, но пришлось взять... Ни один из этих талонов...

— Готов биться об заклад, что ни один не выиграл! — подхватил кто-то, и громкий хохот был ему ответом.

— Тут я заглянул в отдельную комнату, где всегда сидят эти желтые[1]. «Рабочая газета «Гардиан»!» — предлагаю. «Мы не читаем эту грязную коммунистическую тряпку!» — говорит один. Я было сжал кулаки, но решил не идти на провокацию. «Товарищ, — сказал я, — у всякого свое мнение». Но это был тертый калач. «Убирайся со своими вонючими газетами, а то я тебе надену их на голову!» Пришлось поскорее отступать к двери. А тут мне один моряк говорит: «Томми Мак-Намара не спустил бы ему. Неделю назад этот тип что-то сказал подобное, и Томми вышел с ним на улицу и накормил его холодной картошкой досыта. А потом продал два десятка «Гардиан» ребятам, которые смотрели, как он обрабатывал этого парня».

— Томми — мастер работать и головой и кулаками! — серьезно заметил кто-то.

Взрыв смеха покрыл эти слова. Они пришлись кстати: никому больше не хотелось смеяться над старым Джимми.

— Мне то же самое сказал этот матрос, — заметил Джимми и в первый раз за все время улыбнулся.— «Я,— говорит,— не коммунист, но этих обезьян всегда готов погладить против шерсти. Я ведь знаю, что вы, коммунисты, стоите за нашего брата. Выпьем?» И тут он сунул мне целую кружку. «Спасибо,— говорю,— я уж нагрузился порядком». Но, кажется, я выпил и эту кружку. Тут мне стало нехорошо. Я думаю, товарищи, что для здоровья это вредно — пить много пива...

— Одну минуту, товарищи! — сказал, вставая, Гарри Стэнли. — Мы, коммунисты, не прочь выпить кружку пива в компании, как и все рабочие. Но другое дело — пить сверх меры. Мы тут смеялись много, но ведь есть доля правды в том, что говорит старый Джимми.

В комнате наступила тишина.

Лицо Джимми Андерсона приняло добродушное выражение.

— Я знаю, многие из вас думают, что я недалекий человек. Но я думаю только о партии... Словом, когда я добрался до дома, моя миссис принялась меня отчитывать. Что ж, я не обижаюсь на нее. Потом я улегся на диван, заснул и... проспал, понимаете, утреннюю смену... Утром я подсчитал: оказалось, продано всего сто две газеты. И для этого, — Джимми горестно развел руками, — пришлось мне на свои деньги выпить три кружки пива, два больших стакана и девять маленьких и еще купить шесть лотерейных билетов, двойной талон на скачки и отдать доллар на семью погибшего матроса... Теперь, — глаза старого Джимми сверкнули, — пусть мне дают денежную субсидию или кого-нибудь пошлют со мной помогать пить пиво, иначе я не согласен больше продавать газеты на территории товарища Томми Мак-Намара!

И Джимми Андерсон с достоинством уселся на место.

* * *

Через несколько месяцев я поехал в Сидней на партийную конференцию. Вечером мы зашли с несколькими товарищами в ресторан «Ройял-Джордж» на Сассекс-стрит. Заказали пива. Мой вкус давно приспособился к горькому мельбурнскому, поэтому сиднейское показалось мне непривычно пресным. Вдруг я услышал за спиной знакомый голос:

— «Трибюн»! Рабочая газета! Новости, которых не найдете в ежедневных изданиях. Покупайте вашу «Трибюн»!

Обернувшись, я увидел Томми Мак-Намара, все такого же плотного, коренастого; на нем была рубашка с открытым воротом, серые штаны и лихо надетая набекрень кожаная фуражка.

Мы обнялись, как братья, встретившиеся после долгой разлуки.

— Выпьем? — предложил я и налил Томми большую кружку пива.

— Давай лучше маленькую, Фрэнк, — сказал Томми.

— Почему же?

— Да, маленькую. Надо продавать газеты. Стараюсь блюсти меру. Дело наше такое.

— А не мешает это воздержание твоей торговле?

— Как тебе сказать... — уклонился Томми от прямого ответа. — Я все-таки лучший продавец «Трибюн» в этом районе... Ну, как там Кэрли Кук и ребята?

— Лучше не придумаешь. Дела идут.

— А старый Джимми, этот святоша?

— О, и Джимми в порядке! Неплохо делает свое дело.

Я хотел было рассказать ему о дискуссии на нашем партийном собрании, но почему-то решил не делать этого.

Томми задумался, обычное проказливое выражение исчезло с его круглого лица.

— Да, — сказал он. — Джимми — славный старик. Немножко старомодный, но хороший, очень хороший товарищ. Ну, ладно, надо двигаться дальше.

Я следил за его подвижной фигурой, ловко пробиравшейся между столиками, до меня доносились его бодрые выкрики. Он поглаживал рукой сумку с газетами, словно это была рука любимой девушки. Что-то сжало мне горло.

Я подумал: вот они двое — Томми Мак-Намара и Джимми Андерсон, каждый в своем роде... Но именно такие люди сделают нашу землю более удобной для достойного человеческого существования.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

[1] Реакционные вожаки «хозяйских» профсоюзов.

Новые издания произведений Ивана Франко

Только в советское время читатель получил полноценные издания сочинений Франко. В этом году закончено двадцатитомное собрание сочинений на украинском языке. Сюда вошла лишь часть литературного наследия писателя, насчитывающего более пяти тысяч произведений.

На русском языке в послевоенное время вышло пятитомное собрание сочинений Франко; издавались отдельные произведения, сборники рассказов и стихотворений, пользовавшиеся неизменным успехом у читателя. В настоящее время Гослитиздат осуществляет издание нового, десятитомного собрания сочинений Ивана Франко.

Уже вышли в свет два тома. В первом из них — рассказы начального цикла, названного писателем «В поте лица» (1890), и рассказы 1876—1891 годов. Второй том составили бориславские рассказы и повести «Борислав смеется» и «Боа-констриктор» («Удав»).

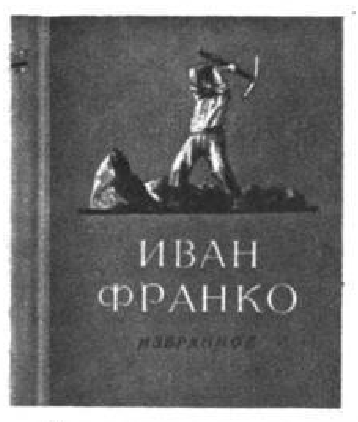
Значительная, если не бóльшая часть произведений Франко появляется в русских переводах впервые.

Д. АРКАДЬЕВ

ИВАН
ФРАНКО
Сочинения
в десяти томах

* * *

Издательство «Московский рабочий» выпустило однотомник избранных произведений Ивана Франко в серии «Библиотека для юношества».

В книгу включены рассказы, стихотворения, драма «Украденное счастье», две повести: «Борислав смеется» и «Захар Беркут».

Однотомник, снабженный очерком Б. Турганова о жизни и деятельности Ив. Франко, дает представление о многогранном творчестве великого украинского писателя.

* * *

Если ваш Алеша или ваша Алена никогда не переживали забавных и поучительных приключений Лиса Микиты, если они не задумывались над мудрыми рассказами старого ворона Каркалы и если среди их друзей еще нет маленького Мирона, у которого было большое сердце,— пусть они прочтут сборник «Иван Франко — детям», выпущенный Детгизом, снабженный выразительными рисунками Л. Рыбченко и В. Цигаля.

На одной полке со сказками Пушкина, со стихами Лермонтова и Некрасова, с рассказами Л. Толстого встанет в их библиотечке книга Ивана Франко. Простыми и лукавыми словами рассказывает он умную и занимательную сказку, в которой, как он сам говорил, «под видом неправды обычно скрывается великая правда».

Наверное, продавец книг или библиотекарь затруднится, когда вы спросите, на какой возраст рассчитан этот сборник. Не смущайтесь этим: восьмиклассник найдет в нем для себя много полезного и интересного, а что касается младших школьников и даже дошкольников (книга издана в серии «Школьная библиотека»), то им будет особенно интересно познакомиться со сказками, притчами и некоторыми рассказами великого украинского писателя.

Дм. СТАРИКОВ

ПОЙДЕМТЕ

НА ВЫСТАВКУ

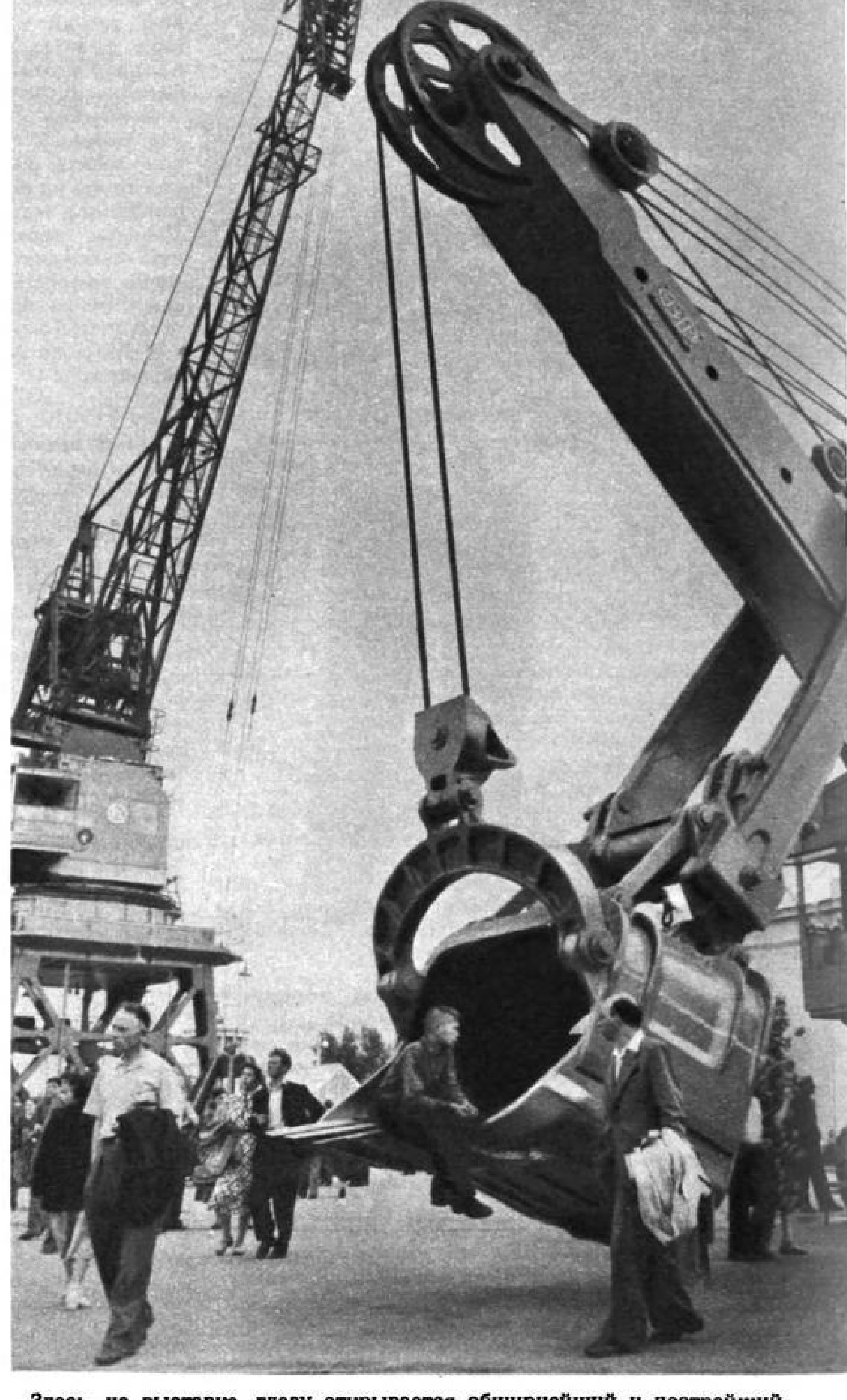
Г. РАДОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Вы прошли под аркой Главного входа ВСХВ, и— аппараты на линию огня! Ленинградские школьники, как и тысячи любителей, у самого входа выбрали первую точку.

Итак, мы на выставке, точнее, на двух выставках: на сельскохозяйственной и промышленной. Хотя надо ли говорить, что на двух? Молодая промышленная выставка так естественно вписана во владения старшей сестры, что люди не говорят: «Едем на выставки»,— а говорят «на выставку», разумея городок на Ярославском шоссе как единое целое...

Впрочем, не идет ли и это от жизни? То, что буровая вышка взметнулась из кипения мичуринских садов, а неподалеку от автомобилей, экскаваторов и портальных кранов поднялась кукуруза,— не выражает ли это современный пейзаж индустриальной нашей страны? И если народ воспринял соседство и родство двух выставок как явление обычное, так не оттого ли, что индустрия и сельское хозяйство шагают в ногу и обручены накрепко!

Здесь, на выставке, глазу открывается обширнейший и пестрейший мир... Разумеется, больше всего публики у новинок — изделий промышленности: станков, турбин, приборов, аппаратов, действующих моделей машин; у павильона, в котором вы знакомитесь с раскрепощенным и усмиренным атомом... И, конечно же, масса желающих примериться к колесу двадцатипятитонки — «МАЗа» — и к ковшу красавца-экскаватора, в который забрался этот парнишка...

Стоял теплый день... Народ отдыхал на траве, под деревьями, а этим трем друзьям и в жару нельзя отлучиться от овец. Впрочем, дело чабанское, привычное к солнцепеку! Пока нет посетителей, можно перекурить.

— Вот что, братцы ставропольцы,— говорит кубанец Трофим Моисеевич Шаруда,— вы насчет того, чтобы овечек на круглый год в стойла поставить, кумекаете? Выгодная же штука! Земля у нас добрая, расчет ли ее под выпаса пускать? Мы вот распахали толоку, траву посеяли,— считайте, впятеро больше овец кормим на ста гектарах. Как думаете?

Не все приходят на выставку учиться, у всякого посетителя своя цель... Сержант-сибиряк Николай Глухих накануне демобилизации не без умысла привел в павильон «Сибирь» приятеля Анатолия Кухарева.

— Вот куда надо ехать, друг ярославский! Поди, у вас в Ярославле и без тебя управятся!

— А у вас в Новосибирске не управятся?

— Да ты глянь, богатства какие в сибирской земле!.. Сибирь! Смекаешь?

А это тоже «учитель». Зовут его Борис Ямпольский, учится он в 8-м классе, а выставочная медаль у него за розы, да, за розы, выращенные в Омске, на сибирской земле. Вместе с корреспондентом радио Борис ведет репортаж для немецких школьников. Посмотрите, как строги юные мичуринцы: объясняй понятней, приятель! Для заграницы говоришь!

Вечер. В Зеленом театре начался концерт, и за аркой Главного входа, на асфальте, где сбились на ночевку стада крытых брезентом грузовиков из областей ближних и дальних, тоже шумно, как в воскресенье на деревенской улице.

Я по ключику иду,
Колечко на воду кладу.
Колечко радугой ко дну,
Люби, бессовестный, одну! —

частит чей-то разбитной голосок.

А в ответ ему из соседней машины доносится убежденно-сердитое:

Я тогда тебя забуду,
Когда в кузницу схожу,
Сердце каменное вставлю,
Грудь железную скую...

...Вечер... И хотя пора спать ребятишкам, а как оторвешь их от этого: фонтаны, живая вода и легкие-легкие облака над незатихающей Москвой!

Как ни богаты павильоны, как ни нарядна толпа посетителей, а вы тотчас же примечаете, что выставка — учреждение сугубо деловое и есть у нее свои будни. Сосредоточенные, внимательные, идут деревенские люди — вы угадываете их и по одежде, и по загару, что приобретается не на пляже, а под полевым жарким ветром, и еще по тому, что в руках у них не зонтики и авоськи, а тетрадки, карандаши, свертки с книжками. Идут ученики всесоюзной школы опыта...

А вот и одна из многочисленных учительниц — Ефросинья Ивановна Тазенкова, лучшая доярка Орловской области. Только что диктор объявил о ее удачах. Над трибунами прошелестели аплодисменты, и Ефросинья Ивановна уводит с выводного круга корову-рекордистку. А потом орловская доярка до вечера будет просвещать коллег-учениц со всего государства, толковать о раздоях, рационах, а может, и о том, как трудно ей было, живя в отстающем колхозе, слыть лучшей дояркой области... И как колхозу удалось «скинуть» четырех неудалых председателей и выпросить у области пятого — настоящего вожака, бывшего председателя райисполкома, который и наладил наконец хозяйство...

А вечером она сбросит халат и сама превратится в ученицу и туристку. Мы застали ее с односельчанами у автомобилей. Ефросинья Ивановна подзадоривала подругу Марию Болтенкову.

— Слышь, Маруся,— шутливо говорила она,— меня-то «Победой» премировали, а ты молодая, может, еще и «Волги» дождешься! Ну, ясно, дождешься! Пока меня догонишь, смотришь, и «Волгу» выпустят на улицы: не все же ей на выставке стоять.

Чего не увидишь на выставочных аллеях!.. Ведь вот он, тоже деловой разговор:

— Что за машина, дедушка?

— Тарантас, дорогой...

— Тарантас? Это марка такая?

Поговорите-ка с гражданином, рожденным в пятидесятых годах, о назначении тарантаса... Тяжеленькая задачка выпала старому москвичу П. Н. Ишоре, сопровождающему по выставке внуков — гостей из великолукского села.

ГЛАЗАМИ *американского* ФЕРМЕРА

Дж. ДЖЕКОБС

31 июля. Этим утром мы решили разделиться на две группы — одна будет посещать места, предусмотренные планом, а другая — ездить так, по собственному маршруту. Нам ответили: «посмотрим» — выражение, которое я слышу здесь часто и значение которого мне не совсем понятно. После некоторых переговоров две машины отдали в распоряжение группы, во главе которой стал я, а остальные отправились по маршруту под руководством Ламберта.

Потом, собравшись вместе, мы отправились в Краснодар. Здесь предстоит нам пробыть два дня. Проедем к подножиям Кавказских гор. Когда мы приехали с вокзала в город, улицы были полны народа. Из окна гостиницы я опять занялся примерным подсчетом — толпа была тысяч в пятнадцать — двадцать. Я знаю, что многие пришли из любопытства — поглядеть на американцев, но приветствия и аплодисменты были стихийны; мы ничего не слышали, кроме выражений симпатии, и это нельзя создать искусственно у такой массы людей.

Всюду, где мы побывали до сих пор, мы видели следы больших разрушений, которые принесла с собой оккупация. Но видно, что русские проделали большую работу — города восстанавливаются квартал за кварталом, многие уже полностью отстроены, другие близки к этому. Говорят, что половина рабочих на строительстве этого рода — женщины. По американским стандартам мы не оценили бы качество сооружений слишком высоко. Но речь идет о жилье — после таких разрушений нужда в нем исключительно велика.

Только что я вернулся из ресторана с обычного ужина. После сытного обеда мне не хотелось есть. Я выпил только чашку русского чая.

1 августа. Опытное плодоягодное хозяйство, где выращивают виноград, яблоки, косточковые фрукты, ягоды. Это больше, чем опытное хозяйство: здесь отбирают сорта, пригодные для колхозных садов, саженцы отсюда расходятся по всей Кубани. Во главе стоит женщина, миссис Александра Примак. Она известна как хороший директор. В конторе мы долго беседовали; она сообщила нам все цифры и данные, касающиеся этого большого сельскохозяйственного предприятия.

Здесь нас угостили самой вкусной едой за все время нашего путешествия. Стол был заставлен помидорами, огурцами, сыром, колбасами, прекрасным белым хлебом. Но это было только начало. После взаимных тостов подали борщ с курятиной — в борщ полагается еще добавлять добрую ложку густой сметаны. Затем был предложен выбор: жареный гусь, рыба или бифштекс из вырезки. Если вы хотите знать, на чем я остановился, то я выбрал третье из упомянутых блюд. На десерт был компот из фруктов, земляничное мороженое, сладкий пирог и чай. Ну и угощение! И приготовлено было все прекрасно, совсем как у нас дома.

Вечером, после приема у местных властей, в Краснодарском театре смотрели казачьи танцы, слушали народные песни. Сидели мы в первом ряду, и публика нас очень горячо приветствовала. Я познакомился здесь с почтенным стариком 101 года от роду, он воевал еще в турецкой кампании 1877 года. Мы дали ему по его просьбе свои автографы, а он показал свои медали. Интересная личность — физически он еще очень крепок и, видимо, умен.

2 августа. Дождь помешал нам выполнить программу дня, но мы побывали в свиноводческом совхозе. Там было 360 свиноматок и хряков. Обслуживают это поголовье 53 работника. Годовая продукция — 3 600 свиней.

Ночевали мы вместе с другой группой на машинно-тракторной станции. Это, пожалуй, был лучший из наших вечеров в русской деревне. Был концерт в клубе, много пели, танцевали, местные таланты показывали нам свое искусство.

4 августа. Директор совхоза, в котором мы провели следующую ночь, обещал показать мне плантацию дынь, находящуюся километрах в пяти. В 6 утра я был одет и готов в путь. Я попросил у девушки, прислуживавшей в доме для приезжих, чашку чая. «Да, да», — сказала она и бросилась к телефону. Я сообразил, что мне лучше следовало отправиться в столовую, но дело уже было сделано. В 6.30 чая еще нет, — видимо, его решили доставить мне из центра совхоза, где мы ужинали. Я пошел через парк и там встретил встревоженного и заспанного переводчика. Он сказал, что девушка разбудила его из-за моего чая. Еще несколько человек, включая самого директора, занялись моим делом, и чай был наконец подан в 7.30.

На машине типа «джип» в сопровождении двух человек я отправился на плантацию дынь. В ней было 100—120 акров; дыни были того сорта, который мы называем зимними. Последние дни шел дождь, и некоторые дыни потрескались и стали гнить. Я отобрал 12 дынь для всей компании. Некоторые были похожи на нашу «Казаба», только с мясом желтого цвета и очень сладкие, вроде персидских. Я осмотрел шалаши, в которых живут сторожа. Потом мы вернулись назад. В общем, в эту мою маленькую экспедицию было вовлечено 12 человек.

Дыни я сам разрезал и приготовил на кухне, несмотря на вежливые протесты кухонной прислуги и всех русских опекунов. Директор совхоза произнес по этому поводу речь. Он отметил, что я большой знаток дынь: сорванные мною были первые спелые дыни урожая этого года. Я попросил у него семян дыни, похожей на «Казаба», и он с удовольствием выполнил мою просьбу.

В Ростов, лежащий за 300 километров, мы выехали караваном в 14 машин. В 80 километрах от Ростова — хорошее цементное шоссе. На границе Кубани и Ростовской области нас встретило с цветами множество людей.

Ростов, стоящий на возвышенности, мы увидели издали. И здесь следы страшных разрушений от германского нашествия. Но и в Ростове, как и везде, возвышалось над домами здание старого православного собора с традиционными куполами. Нигде после самого отъезда из Москвы я не видел разрушенных церквей, и всюду шли богослужения, хотя и с небольшим числом верующих. Я в этом вижу признак смягчения напряженности, луч надежды...

После короткой остановки в ростовском отеле «Дон» мы отправились на завод сельскохозяйственного машиностроения. Завод производит комбайны, силосорезки, разные прицепные орудия. Директор и главный инженер показали нам все виды выпускаемых машин. Разумеется, здесь, как и всюду, был показан и образец сверхмощного агрегата, который еще только будет создан. На этот раз это был самоходный зерновой комбайн с захватом в 27 футов. На заводе испытывается 8 таких машин, в массовое производство их надеются пустить в будущем году. Потом нас повели на конвейер, где собирают комбайн «Сталинец-6» — новая машина должна будет впоследствии вытеснить его. Конвейер двигался — и комбайн обрастал все новыми деталями. На другом конце конвейера сборка кончалась, и машина двигалась в обратном направлении, параллельно конвейеру. Когда мы стояли у конца сборочной линии, по ней двигалось восемь или десять собираемых машин, а когда мы прошли обратно, законченных сборкой машин на выездной дорожке мы не увидели.

5 августа. Часть нашей группы, возглавляемая мною, отправилась на небольшом пароходе в устье Дона, к Азову. Это старый турецкий порт, турки удерживали его до первой половины XVIII века. С нами был директор ирригационного института — здесь сейчас искусственное орошение производится на площади 120 тысяч гектаров, а к концу пятилетия эту площадь рассчитывают довести до 300 тысяч. Я просил директора дать мне цифры о годовом дебите воды Дона и его гидроэнергетических ресурсах и, если можно, о таком же потенциале Волги, Днепра и других больших рек. Меня интересовало также, каков вообще запас гидроэнергии в стране и сколько всего орошается земель. Цифры мне были названы, было обещано, кроме того, дополнить эти сведения в Москве.

На полях мы увидели две системы орошения. В одном месте это были ряды обводняющих каналов, в другом — дождевальные установки, включенные в тяжелый насос с мотором от 54-сильного трактора, который гнал воду из водоема. Вода разбрасывалась полукругом, примерно на радиус в 300 футов. Я спросил, сколько воды перегоняет эта установка. Мне сказали — и, кажется, были довольны этим, — что она дает дюйм воды на 9 акров за восемь часов. Мне показалось, что, затрачивая столько энергии и используя двух человек для обслуживания, им следовало бы еще раз подсчитать эффективность этой установки — либо, что возможно, мои расчеты неправильны.

Теперь — на пароходе в Сталинградскую область!

Суббота, 6 августа. После прекрасного вечера, хорошо выспавшись, я встал в 6 часов утра. Завтрак только в девять. Но я раздобыл чашку чая и, кроме того, взял за правило оставлять на утро немного фруктов. Впрочем, именно сейчас неплохо было бы выпить чашку кофе...

Ольсен из Айовы обещал угостить нас за завтраком горячими пирожками. Он отправился на кухню и, несмотря на отсутствие нужного противня, испек отличные пирожки. Наши русские друзья тоже отведали их и в один голос похвалили американское блюдо...

Затем наша делегация устроила собрание. Мы решили просить снять из плана поездку в Куйбышев с тем, чтобы из Сталинграда ехать прямо в Ташкент. Нам возразили, ссылаясь на то, что советская сельскохозяйственная делегация придерживалась в Америке выработанного маршрута. Мы от-

Окончание. См. «Огонек» № 34.

ветили, что советская делегация имела возможность менять маршрут. Тогда нам заявили, что изменение нашего плана вызовет технические трудности и, главное, люди в Куйбышеве уже предупреждены и будут в обиде, если мы не посетим их. Мы в конце концов согласились, с тем чтобы пребывание в Куйбышеве было ограничено одним днем.

День на пароходе мы провели, отдыхая, делая фотоснимки. И вот мы приближаемся к шлюзам Волго-Донского канала. Объявлено, что делать снимки нельзя. Я спросил переводчика, могу ли я хотя бы продолжать делать заметки. У парня было чувство юмора, и он сказал, что я могу писать сколько угодно, пока не буду фотографировать...

Со мной пожелала побеседовать группа студентов, находящихся на борту. Они задали целую кучу вопросов. В чем отличие нашей системы сельского хозяйства от русской? Опередили ли мы Советский Союз в механизации сельскохозяйственных работ? Что произвожу я в моем хозяйстве и какую часть сдаю государству? Я объяснил им, что в России половина населения занята в сельском хозяйстве, а у нас — только 15%. Я сравнил производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции здесь и у нас на одинаковой площади и сказал, что у нас используется на некоторых работах примерно вчетверо меньше рабочих рук. Беседа продолжалась полтора часа, переводчик выбился из сил, и нам пришлось ее прервать. Молодые люди просили меня продолжить встречу завтра.

Воскресенье, 7 августа. На завтрак — апельсины, яичница, изжаренная на масле (брр!), компот, чай. В гостиной нам любезно разрешили провести воскресное богослужение. Мы пригласили и русских спутников, но они вежливо поблагодарили и уклонились. Потом капитан парохода объяснил нам задачи и механизм действия Волго-Донского канала. Все это сооружение, которое обеспечивает водный транспорт, орошение и получение электроэнергии, было создано в два с половиной года. 13 000 человек переселено на новые места. Ежегодный дебит воды для электроэнергии — 12,6 миллиарда кубических метров с уровнем падения в 150 футов. Да, это сооружение!

Продолжая беседу с ростовскими студентами, я показывал им фотографии по земледелию и скотоводству в Аризоне, снимки больших сельскохозяйственных машин, принадлежащих Джеку Клику. Все это произвело впечатление на молодых людей. Один из студентов купил на пристани за 12 рублей десятифунтовый арбуз и угостил нас. Арбуз был хороший, очень сладкий.

Нам снова разрешили фотографировать. Я немного не понимаю, в чем изменилось положение: ведь мы и теперь проходим такие же шлюзы, как вчера...

Мы с Ольсеном изготовили на кухне ростбиф. Поставив его в плиту в 5.30, мы решили часов в 8 положить морковь, картофель и лук. Мясо было не очень жирное, хотя выглядело недурно. Но мы не хотели прибавлять масла, а лярда на пароходной кухне не было. Ну, ладно, авось, обойдется...

Ужинаем мы обычно с 9.30 до полуночи. Мы спросили заведующую столовой, в котором часу могли бы мы съесть за ужином наш ростбиф. Она сказала, что часов в девять. Но не успели мы с Ольсеном положить овощи, как нас уже позвали к обычному ужину. Мы стали протестовать, но после некоторого спора сдались. Пришлось приняться за поданный на ужин пароходный бифштекс по-гамбургски с яйцом. Следующая смена ела наш ростбиф. Впрочем, мы с Ольсеном были довольны: мы не были уверены, удалась ли наша стряпня или нет.

Уже на виду Сталинград.

8 августа. Сталинградский порт. Теплая встреча с цветами.

Осмотрели Сталинградский тракторный завод — он выпустил в прошлом году 21 тысячу 54-сильных гусеничных машин. На этот год ожидается 25 000. На заводе — 14 000 рабочих и служащих. Стоимость производства трактора — 15 000 рублей, отпускная цена — 16 500 рублей.

Мы — на Мамаевом кургане. Это главный стратегический пункт Сталинградской битвы — он переходил девять раз из рук в руки. С 1 января до 2 февраля 1942 года русские потеряли здесь убитыми и ранеными 46 500 человек, немцы — 147 000 и, кроме того, в плен немцев было взято 91 000. Курган покрыт еще старыми траншеями, осколками снарядов, пробитыми шлемами. Здесь русские солдаты держали подступы к Волге и портам.

В самом городе много следов страшных разрушений. Но план восстановления Сталинграда выполнен уже более чем наполовину и будет закончен в ближайшие 4—5 лет. В нынешнем году на строительство новых зданий затрачено 30 миллионов рублей. В городе раньше жили 300 000 человек, теперь — 600 000.

9 августа. Наша группа на моторном катере отправилась вверх по Волге к строительству Сталинградской гидроэлектростанции, которое должно быть окончено через 4—5 лет.

Когда мы подошли вплотную к котловану строительства, я вынул мою фотокамеру. Один из переводчиков, сопровождавших нас из Москвы, подошел ко мне. «Есть какое-либо возражение против фотосъемок?» — спросил я. Он заколебался, видимо, не зная, какие есть на этот счет инструкции. Я переспросил: «Можно снимать или нет?» Он пожал плечами и ничего не ответил. Я начал снимать.

В небольшом павильоне нам показали миниатюрную модель всей гидроэлектростанции. Один из руководителей строительства отвечал на все наши вопросы. Река даст 10 000 кубических метров в секунду. Я несколько путаюсь в метрической системе и не смог перевести метры в ярды. Но потом я высчитал, что годовой дебит Волги составляет примерно 100 миллионов акро-футов воды, что в 6 раз больше, чем у нас дает река Колорадо. Цель всего сооружения комплексная: электроэнергия, ирригация, транспорт.

Я спросил, сколько все это будет стоить. Мне сказали: примерно 9 миллиардов рублей. Тогда я осведомился, во что обойдется киловатт-час энергии, считая расходы по строительству и эксплуатации. Дежурный инженер после каких-то соображений и подсчетов сказал наконец, что электростанция вся будет автоматизирована и эксплуатация ее весьма экономна. Я не понимаю, о чем они тут думают? Для них нет непосильных задач и слишком больших проектов. Но стоимость всего этого, в том смысле, как мы привыкли себе представлять, здесь как будто оставляется без внимания.

Снова гостиницы, прощальный завтрак, устроенный местными властями, — и на аэродром. Наш путь лежит в Куйбышев.

10 августа. В Куйбышеве — до полумиллиона жителей, крупная промышленность. Это первый из городов нашего маршрута, не побывавший под оккупацией.

Едем в колхоз. Здесь район зерновых, пшеницы и ржи, молочного животноводства и птицеводства. Близ городов стараются развивать овощное хозяйство. Во второй половине дня мы посетили местное высшее учебное заведение. Шли приемные экзамены. В институте обучается 1 385 студентов, новый прием — 325, явилось на экзамен свыше 1 000, половина из них — девушки. Студенты получают стипендию. По окончании идут на работу по избранной специальности. Около 10% студентов — семейные пары.

11 августа. По пути к Ташкенту — пустынные места. Перелетели Аральское море. Потом пошел большой массив орошаемой земли. В Узбекской республике два миллиона гектаров земли орошается, в том числе большая площадь вокруг Ташкента. Климатические условия очень напоминают Феникс, только зима бывает немного холоднее. Температура за последние дни была 96—104° (по Фаренгейту). Узбекская республика — главный поставщик хлопка в Советском Союзе.

13 августа. Мы побывали в Институте хлопка и в нескольких колхозах. Средний урожай хлопка-сырца (они не пересчитывают на волокно, как мы в США) был в прошлом году 21—22 центнера с гектара с выходом волокна в 35%, что дает примерно 750 килограммов волокна с гектара, причем весь хлопок длинноволокнистый. Мы объехали очень большую территорию, и я не видел нигде плохого урожая хлопка. Методы посадки и разбивки полей здесь совсем не те, что у нас, и не очень много вносится удобрений.

Это — первое наше посещение Средней Азии. Узбеков — это народ монгольской расы — здесь более половины населения. Я нахожу, что народ этот держится независимо и с достоинством. У них очень много выращивается фруктов, овощей, дынь. Узбеки — исключительно гостеприимные хозяева. Живут в двухэтажных домах, возвышающихся над садами и виноградниками. Верхний этаж — обычно открытая терраса. Нас угостили национальными кушаньями в национальной посуде. Особенно мне понравился их плов из баранины. Во время обеда исполнялись народные песни и танцы под оркестры из бубна и трех струнных инструментов. Все это очень необычно.

В одном колхозе мы внимательно осматривали хлопковое поле. Хлопчатник был высокий, весь в коробочках. Меня попросили оценить урожай на этом поле. Я подсчитывал очень тщательно. Поле было хорошее, и я назвал

Джон и Марта Джекобс.

Джон Джекобс на своей ферме.
Фото В. Полевого.

цифру в 1 000—1 200 фунтов волокна с гектара. Председатель-узбек заглянул в свои записи и сказал, что они ожидают на этом участке по 3,5 тысячи фунтов хлопка-сырца с гектара. Так я стал знатоком в глазах узбеков — слава богу, что я раньше видывал хлопковые посевы!

14 августа. Нам показали архитектурный проект реконструкции Ташкента. Улицы этого города теперь расходятся радиусом от красивого центрального парка, где стоит статуя поэта (род. в 1441 году), заложившего основу узбекской литературы. Здесь бывают чувствительные землетрясения, иногда в 7—9 баллов, поэтому дома строят не выше трех этажей. Мы посетили местный рынок — красочная картина выставленных в изобилии продуктов местного земледелия. Побывали в старинной мечети и в старой части города — здания здесь больше глинобитные.

На торжественном завтраке в нашу честь присутствовали официальные лица Узбекской республики во главе с министром сельского хозяйства, женщина — мэр района, профессора из местной Академии наук, председатели колхозов, которые мы посетили. Нам преподнесли шелковые халаты в узбекском стиле, круглые шапочки и широкие пояса. Один председатель колхоза подарил нам деревянные ложки с красивой резьбой.

Снова самолет. Летим в Алма-Ату. Приближаясь к столице Казахской республики, мы увидели большие пространства орошаемых земель. Это напоминает район Денвера, к северу от Уайоминга. Алма-Ата — на высоте в 2 500 футов, прохладный, приятный город. Многолюдная встреча на аэродроме. Нас пригласили на футбольный матч — играли казахи с армянами. Ночевать нас устроили в гостинице, очень удобной, в прохладном и тихом ущелье.

15 августа, понедельник. АЛМА-АТА. Вся наша делегация отправилась на фермы Института животноводства, в 60 километрах от Алма-Аты. Здесь главным образом занимаются выведением продуктивных пород овец. Им удалось путем скрещивания мясных и тонкорунных овец вывести свою породу. Здесь же ведется работа по улучшению пород верблюдов, которые используются тут как вьючные животные. В это время года стада овец и верблюдов — на горных пастбищах. Для показа нам оставили некоторое количество овец и верблюдов. Мы с радостью делали фотографии с этих животных. Некоторые из нас проехали верхом на старом горбаче, который сердился и плевался, когда его заставляли становиться на колени и снова подниматься. Некоторое время мы провели в больших шатрах, в которых живут казахские пастухи.

Завтра моя группа летит в Барнаул.

16 августа. Рубцовск. Когда мы подлетали к городу, на земле поднялись тучи черной пыли. Нам сообщили, что в районе целины стоит очень жаркая погода, и предложили провести два дня в Рубцовске вместо поездки в Барнаул и Новосибирск. Я предполагаю, что изменение плана было вызвано плохим состоянием урожая в тех местах.

Осмотрели тракторный завод, построенный в 1942 году для производства танков. Он выпускает 54-сильные тракторы, используемые преимущественно на целинных землях.

На этих землях были кое-какие хозяйства уже в 1887 году, но развитие шло медленно. Теперь выработан план освоения целины. Тридцать миллионов гектаров — таков план для 1958 года; как утверждали наши хозяева, в 1954—1955 году было уже вспахано и засеяно 22 миллиона гектаров. Здесь хороший чернозем, но осадки нерегулярны. В прошлом году, говорят, здесь был урожай в 20 центнеров с гектара, а в этом году — только десять.

18 августа. В Москву прибыли в 4.19 утра. Вот и гостиница «Националь» — скорее уснуть до завтрака! Привели в порядок оставленный в гостинице багаж. За время поездки нам выстирали оставленное белье и выгладили костюмы. Целый день гуляли по городу. К нам звонило много американцев, находящихся в Москве, особенно корреспондентов. Из американского посольства доставили нашу почту. Получил письмо от конгрессмена Джона Родса из Хельсинки — он будет в Москве до моего отъезда. Приглашены к американскому послу Болену на обед и вечерний отдых, провели приятно время. Нам был сделан обзор текущих событий. Вернулись в отель в полночь.

20 августа. Суббота. Беседа всей делегации в Министерстве сельского хозяйства. Нас спросили о впечатлениях, имеющихся критических замечаниях и пожеланиях. Мы представили подготовленное заявление и целый список пожеланий. Они касались таких проблем, как необходимость повышения производительности труда в колхозах, лучшее планирование строительства в колхозах, более рациональное распределение культур по географическим зонам, улучшение водоснабжения в колхозах, создание более эффективных видов сельскохозяйственных машин, развитие мероприятий по сохранению почв, широкий обмен научными работниками, студентами, сельскохозяйственной литературой и т. д.

Была продолжительная дискуссия по поводу наших рекомендаций, но в общем они были приняты хорошо. Беседа продолжалась три часа.

После обеда я имел отдельную беседу с мистером Мельниковым, руководителем управления ирригации. На меня произвели большое впечатление цифры о годовом дебите воды в Волге, Доне, Днепре, Аму-Дарье. Я стал переводить все это в акро-футы. Потом я обратился к мистеру Мельникову с просьбой назвать общие цифры о водных ресурсах страны, чтобы избавить меня от долгих подсчетов. Он был очень предупредителен и удовлетворил все мои пожелания. Я был сам удивлен тем, что мои подсчеты, сделанные в пути, оказались весьма близкими к реальным цифрам. Потом мой собеседник задал мне несколько вопросов о нашей системе ирригации на западе Соединенных Штатов. Он сказал, что советская система исключает всякие споры между частными собственниками и отдельными административными районами по вопросу о распределении воды. Но я сказал, что мне больше нравится система, при которой идут споры.

Был у меня мистер Родс, очень приятно побеседовали. Я дал ему несколько советов насчет того, что стоит здесь посмотреть. Заходил и сенатор Холт из Калифорнии, виделся я и с сенатором Эллендером. Потом мы собрались вместе с русскими, которые сопровождали нас в поездке и заботились о всех наших нуждах. Мы преподнесли им автоматические ручки, они тепло благодарили за подарок.

Прием у заместителя министра сельского хозяйства. Мистер Родс тоже был там, был и посол Чарльз Болен с женой и работники посольства. Наш посол произвел на меня очень хорошее впечатление. Кстати, сестра атташе американского посольства Ч. Стефана живет в Фениксе. В конце приема нам показали фильм о нашей поездке, сделанный советскими операторами, включая наше пребывание в Сталинграде. Когда весь фильм будет смонтирован, нам пришлют экземпляр в Америку.

21 августа. Завтрак мне принесли в комнату в 5.15 утра. На аэродроме, несмотря на раннее время, много провожающих — представители Министерства земледелия, наши русские спутники по поездке, фотографы. Последние речи, нам преподносят цветы. Русские показали свое гостеприимство до самого конца.

На Сталинградском тракторном заводе.

МОСТЫ ЛЕНИНГРАДА

Ленинград — один из красивейших городов мира по своим архитектурным ансамблям, по четкости планировки. Он расположен в дельте Невы, широкой и всегда полноводной, в черте самого города впадающей в Финский залив. В Ленинграде 65 рек, протоков и каналов, общей протяженностью 165 километров. Вся эта своеобразная водная система, как паутина, делит город на сто островов.

Как нельзя представить столицу нашей Родины Москву без Кремля или, скажем, Горький без Оки и Волги, так не представишь Ленинграда без его мостов, которые входят в пейзаж города, придавая ему особую красоту и завершенность.

Мостов в Ленинграде много, около четырехсот. Вода в ленинградских реках и каналах всегда стоит очень высокая, и это, естественно, заставляло градостроителей строить набережные, одевая берега в гранит.

Набережные! Кто, бывая в Ленинграде, не восхищался чистотою их линий, филигранностью их решеток! Они давно стали излюбленным местом для встреч и прогулок.

Особенно красив Ленинград в белые ночи, когда на бледном небе четко вырисовываются ажурные пролеты мостов, крылья яхт, переплетения портальных кранов, дымки пароходов и устремленные ввысь тонкие мачты. А какая величественная картина, когда по ночам разводят мосты, поднимают вверх или отводят в сторону металлические конструкции, и тяжелые океанские красавцы входят в Неву...

Поднимаясь по Неве вверх от Финского залива, миновав Балтийский судостроительный завод и Воронихинский портик Горного института, мы видим силуэт моста лейтенанта Шмидта. Из-за мягких очертаний чугунных арок и монументальных фонарей возникает здание Академии художеств, проглядывает отрезок набережной с широкой гранитной лестницей, по обе стороны которой высятся сфинксы.

Каждый мост воплотил неподражаемый инженерный замысел, имеет свою славную историю, связанную с жизнью и борьбой великого города на Неве. Недалеко от моста лейтенанта Шмидта стоит с первого взгляда малозаметный гранитный обелиск. Но когда бросишь на него взгляд и прочтешь высеченные на граните слова, в памяти воскрешается целая эпоха. Именно у этого моста в октябре 1917 года стоял, нацелив жерла орудий на Зимний, крейсер «Аврора».

А вот Дворцовый мост, с которого открывается вид на широкие просторы Ленинграда с позолоченными шпилями Адмиралтейства и Петропавловской крепости, на стрелку Васильевского острова... Этот мост по приказу В. И. Ленина в октябре 1917 года взяла под свою охрану питерская Красная гвардия, чтобы враг не помешал решающему штурму Зимнего.

А если заглянуть дальше, в самую глубь истории Ленинграда, то найдешь оправдание и многим названиям:.. Певческий мост. По нему еще в петровские времена ходили первые певцы, которые положили начало старейшему русскому хору, певческой школе Академической капеллы.

Играют солнечные блики на водной глади Зимней канавки. Через нее перекинут Эрмитажный мост, названный по имени всемирноизвестного музея. В просвете видна Нева и живописный кусок Петроградской стороны. Эрмитажный мост можно увидеть не только в Ленинграде, но и в других городах... на сценах театров, где ставят оперу «Пиковая дама». Банковский, Египетский, Аничков, Литейный, Кировский, Поцелуев, Театральный... И каждый по-своему оригинален, каждый вызывает чувство восторга.

Ленинград — город мостов! Они стали его неотъемлемой частью. Ленинградцы — радушный и гостеприимный народ. Для всех друзей во всем мире, желающих добра и счастья людям на земле, в сердцах ленинградцев есть мост дружбы, который никогда не разводится...

М. ДУДИН,
К. ЧЕРЕВКОВ

МОСТЫ ЛЕНИНГРАДА

Фото И. Тункеля.

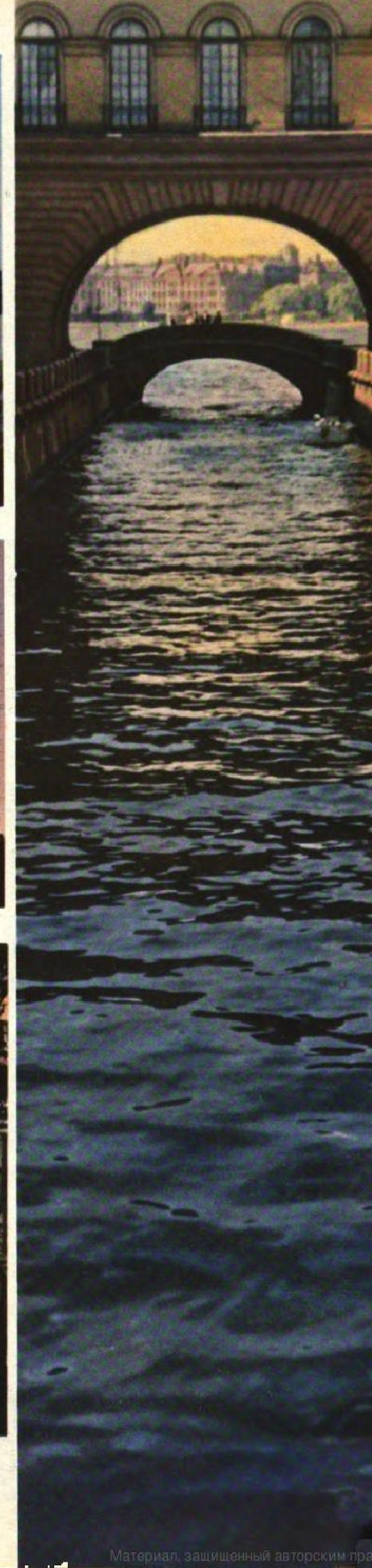
Обелиски Кировского моста.

Одна из скульптур П. К. Клодта на Аничковом мосту через Фонтанку.

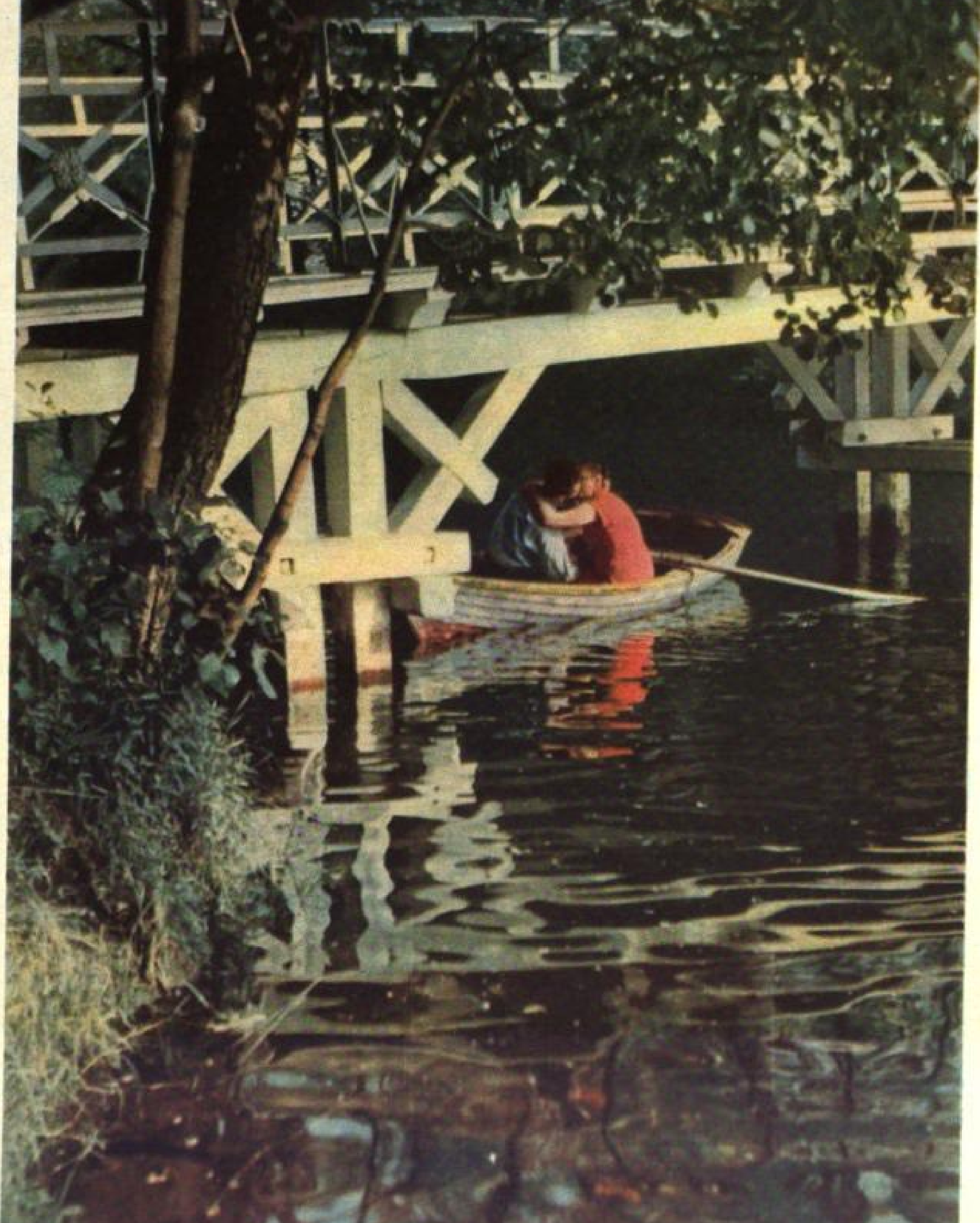

Банковский мостик через канал Грибоедова.

Эрмитажный мост через Зимнюю канавку. →

Дворцовый мост разведен. Путь кораблям открыт.

Художественная решетка Театрального моста.

Художественная решетка на мосту лейтенанта Шмидта.

←

У одного из мостиков в парке.

Корабль несет на скалу

В радиорубке парохода «Тунгус», плавучей базы Североатлантической сельдяной экспедиции, висит копия с картины Айвазовского. Она изображает штормовое море у каменистого, круто выступающего из воды берега...

Два парусника качаются на волнах близ гранитной стены безымянного мыса. На мачтах висят обрывки парусов. Наклон мачт говорит о стремительной, опасной качке. Корабли несет на скалу. Море беснуется, торопя гибель судов. Их неминуемо должно ударить о скалистый выступ. Надежд на спасение нет...

В Северной Атлантике. Шторм 9—10 баллов.
Фото Н. Сердюкова.

Мне вспомнилась эта трагическая картина в тот вечер, когда я встретился в беспокойной Северной Атлантике, за Полярным кругом, с Алексеем Алексеевичем Потаповичем, капитаном среднего рыболовного траулера «Мыс».

В шапке-ушанке, ватнике и болотных сапогах, рослый, плечистый человек, он был хозяином в этом грозном, беспокойном океане. Потапович пришел на рыбный промысел с транспортного флота и быстро завоевал славу передового капитана. Он ловит сельдь не просто, а с какой-то удалью. Потапович и его команда не ведают растерянности даже в самые грозные штормы. Вот какой случай произошел однажды в жизни рыболовного флота.

Темной ненастной ночью близ юго-западного берега Исландии на траулере 637 приключилось несчастье: заклинило гребной вал. Винт перестал вращаться. Судно потеряло ход. «Тунгус» успел взять траулер на буксир и поставил за своей кормой, на крепком конце. Это происходило близ острова Хеймей, самого большого из архипелага Вестманнаэйяр.

К вечеру ветер посвежел и продолжал усиливаться. На гребнях волн выросли белые пенные гривы. Ветер срывал пену и носил ее, сбивая в облака, стелившиеся над океаном. Казалось, океан закипал...

Судно, стоявшее за кормой «Тунгуса», бросало нещадно из стороны в сторону. Напрасно старались механики траулера,— заклинившийся вал не проворачивался. Рывки становились все резче.

И вот случилось неотвратимое: трос не выдержал очередного резкого рывка, вытянулся и лопнул. Траулер оторвался, и его понесло... Огромному пароходу «Тунгус» нельзя было следовать на помощь: он неповоротлив.

С бедствующего судна дали красную ракету, вторую, третью... Это были сигналы, зовущие на помощь. Красные ракеты резали ночную темноту дугообразными яркими линиями и гасли, как метеоры.

Весь промысловый флот штормовал в эти часы, подняв сети на борт. Судовые радиостанции, настроившись на аварийную шестисотметровую волну, слушали траулер 637, который гнало на скалу. Гибель его казалась неминуемой.

В эти решающие минуты на помощь товарищам вышел траулер «Мыс»: он устремился полным ходом вдогонку за гибнущим траулером.

Береговой маяк вспыхивал все ближе и ближе. Мутноватая луна чуть-чуть вылезла из-за туч и ненадолго осветила гребень утеса. До него оставалось всего метров триста. Уже слышался шум прибоя, гул дробившейся об утес волны.

— Рисковое дело! — невольно вырвалось у кого-то из моряков «Мыса».

— Да, рисковое! — отозвался Потапович.— Но завтра, быть может, они будут спасать нас... Морское товарищество... Или об этом только в романах пишут?..

Корма «Мыса» поровнялась с носом траулера 637.

— Подать бросательный! — приказал Потапович в мегафон.

— Подойдите немного ближе! Нам не дотянуться! — ответили с кормы.

Между тем траулеры, гонимые волной, приближались с каждой минутой к скале. Она отвесно вырастала перед моряками. Сейчас о скалу ударятся разом оба корабля. На этот крутостенный берег не выбраться никому. Никому не будет спасения — ни кораблям, ни людям.

— На корме! — вновь крикнул Потапович.

— Есть на корме! Бросательный подали! Закрепляют конец!..

— Поторопись! Нас самих несет на скалу!

До берега оставалось несколько десятков метров... Считанные минуты до гибели...

А может быть, все-таки повернуть «Мысу»? Рисковать же надо разумно, с расчетом...

Повернуть Потаповичу еще не поздно. Но разве он бросит товарищей?..

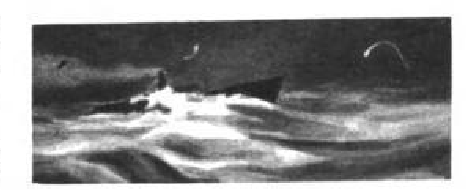
Капитан Потапович стоял на мостике с поднятым мегафоном.

— Буксир закреплен! Давайте ход! — послышалось с кормы.

Потапович тут же схватился за ручку машинного телеграфа. Стрелка со звоном повернулась на «средний ход».

Вновь выглянувшая из-за туч луна посеребрила океан и берег. Умытый прибоем, сверкал неприступный и грозный утес. Но теперь он уже не был страшен.

Макс ЗИНГЕР

Северная Атлантика.
Борт парохода «Тунгус».

«Огоньку» отвечают

«Дорогой, многоуважаемый...»

Под этим заголовком в № 24 «Огонька» был опубликован репортаж, посвященный недостаткам в нашей мебельной промышленности.

Среди откликов, полученных от читателей, обращает на себя внимание письмо пятнадцати женщин — работниц Киевской кондитерской фабрики имени Карла Маркса (Н. Пономаревой, Л. Лосинской, Т. Ильченко и других). Это письмо свидетельствует, с каким нетерпением ожидают советские люди массового производства мебели для небольших квартир.

Киевские работницы пишут:

«Тысячи людей ждут именно такой мебели и теперь будут надеяться на то, что скоро она появится в продаже.

У нас растут дети, и всем родителям хочется создать для них хорошие условия в быту, привить ребятам навыки аккуратности. «Детский уголок», сконструированный архитектурно-художественным бюро Министерства судостроительной промышленности, просто чудо. Видно, что его создали люди, любящие детей. Мы от души благодарим конструкторов и вместе с тем удивляемся тому, как могла экспертиза забраковать такие прекрасные образцы. Совершенно неубедительным представляется нам мнение экспертизы, будто бы такая комбинированная мебель не найдет покупателя. Видно, члены экспертизы никогда не бывали в семьях, живущих в одной комнате.

Нам кажется, что правильнее было бы не создавать подобную, никому не нужную экспертизу, а публиковать в печати описание новых образцов мебели и других предметов широкого потребления. Обязательно это вызовет отклики читателей. И достаточно будет ознакомиться с сотней — другой читательских писем, чтобы решить, насколько нужна потребителям та или иная новая вещь.

Работников мебельной промышленности мы просим скорее наладить массовое производство комбинированной мебели, и в первую очередь «детских уголков».

Откликнулось на выступление «Огонька» и руководство Главмебельпрома Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР. Главный инженер В. Шведов сообщает:

«Для обстановки малометражных квартир Центральное проектно-конструкторское бюро Главмебельпрома разработало пять видов набора мебели. Изделия каждого набора собираются из унифицированных деталей, что позволяет предприятиям организовать массовое производство мебели в широком ассортименте. В состав каждого набора входит 8—12 видов мебели.

Комбинированная мебель также будет представлена в этих наборах. Из унифицированных узлов и деталей будут изготавливаться диваны-кровати, кресла-кровати, платяные шкафы с отделениями для белья, книг и посуды, в комбинации с рабочими столами.

Первую серию новых наборов мебели начали изготовлять пять предприятий в Москве, Ленинграде и Саратове».

Это сообщение, бесспорно, будет воспринято с удовлетворением. Но весь вопрос в том, чтобы дело не ограничилось образцами, чтобы в магазинах появилось много и разной дешевой и удобной мебели.

Из почты «Огонька».

«О вкусах спорят»

Много откликов читателей вызвал репортаж «О вкусах спорят», опубликованный в «Огоньке» № 20. Высказывают взгляды самые разные, порою противоположные. Узкие или широкие брюки, плоские или подбитые ватой плечи, высокий или низкий каблук — все это служит предметом обсуждения. Таким образом, еще раз подтверждается, что о вкусах действительно спорят...

Все авторы писем приходят к одному и тому же выводу: предприятия, выпускающие промышленные товары широкого потребления, должны считаться с требованиями потребителей. Надо отказаться от единого, обязательного для всех стандарта, учитывая, что вкусы бывают разные и каждый покупатель имеет право получить такие товары широкого потребления, которые удовлетворяют его.

Наряду с общими высказываниями авторы писем в редакцию предъявляют много справедливых требований, с которыми должны считаться предприятия и торгующие организации.

Костюмер Я. Шевах считает, что надо возродить моду на русские сорочки со стоячим воротником и с вышивкой русских орнаментов.

«Часто можно наблюдать такую картину,— говорится в письме Кл. Сухоруких из Большаковской МТС Читинской области,— когда неходовые и негодные товары отправляют в деревенские магазины. И совершенно напрасно. Здесь они также лежат без движения. Нельзя забывать, что село теперь не такое, как раньше. Наши девушки, например, проявляют живой интерес к хорошим туфлям, изящно сшитым и недорогим платьям. Плохо то, что на месте их сшить нельзя, а выехать в город не у всех есть возможность».

«О вкусах-то спорят,— соглашается В. Свежеструйкин из города Сталинска, Кемеровской области,— но следует поговорить и о бесспорном. Почему невозможно достать ни в одном магазине в разгар лета матерчатые туфли разной цены и разных размеров?»

Тов. Лязовецкая из Одессы обращает внимание на «общественное зло» — толкучки, где можно приобрести и модельную обувь и хорошо сшитые платья, повидимому, попавшие сюда нелегальным путем, в то время как в магазине всего этого не найдешь.

«Почему швейные мастерские,— спрашивает учительница из Свердловска А. Бекреева,— не принимают заказов на хлопчатобумажные платья? Считается, что шить можно только из шелковых или других высококачественных тканей».

В письмах заключено много предложений. Надо выпускать куртки с размыкающейся застежкой «молния»; головные уборы с солнцезащитным козырьком; комбинезоны; цветные детские сандалии...

Предложений много, мнений еще больше... Но письма, полученные «Огоньком», составляют, конечно, лишь небольшую толику тех требований, которые предъявляют потребители. Надо прислушиваться к их голосу, считаться с их вкусами — таков основной вывод, который и производственные и торгующие организации должны учесть.

Спортсмены празднуют победу

Балом победителей в Кремле завершились крупнейшие в истории советского спорта соревнования — Спартакиада народов СССР. 12 дней кипела борьба на многочисленных стадионах, площадках, в залах. 9 244 лучших спортсмена страны мерились силами по двадцати одному виду спорта, 18 команд оспаривали почетные призы Совета Министров СССР. За время подготовки к Спартакиаде 17 миллионов человек соревновались за право выступить в Москве.

Первенство Спартакиады завоевала команда РСФСР (Москва). Второе место заняли спортсмены областей, краев и автономных республик Российской Федерации, а третье — команда РСФСР (Ленинград). Большого успеха добились команды Украины, Грузии и Эстонии, занявшие следующие три почетные места.

Особенно отличились штангисты и легкоатлеты: они установили по четыре мировых рекорда; один мировой рекорд улучшили пловцы. Кроме того, внесены две поправки и в таблицы европейских рекордов по плаванию и легкой атлетике. Установлен целый ряд всесоюзных рекордов. Но этими цифрами не исчерпывается успех Спартакиады. Твердо стала на ноги большая группа спортивной молодежи — 189 перворазрядников выполнили норму мастера спорта. Многие молодые спортсмены впервые завоевали первенство страны, победив своих прославленных соперников.

Сейчас участники Спартакиады народов СССР разъехались по домам, увозя с собой из Москвы не только незабываемые воспоминания и почетные призы, но и непреклонное желание совершенствовать свое мастерство, добиваться еще больших успехов.

Спартакиада, бесспорно, будет способствовать дальнейшему развитию массового спорта во всех союзных республиках.

Бал победителей Спартакиады в Кремле.

В. Реков победил сильнейшего борца мира Г. Картозия и впервые стал чемпионом страны в среднем весе.

Фото А. Бочинина, А. Новикова, Н. Ситникова и Г. Липскерова.

С. Ржищин установил мировой рекорд в беге на 3 000 метров с препятствиями — 8 минут 39,8 секунды.

Командные призы Спартакиады вручены победителям. Справа налево: первый приз, завоеванный спортсменами Москвы, держат В. Кузнецов и В. Муратов, второй приз в руках у представителей команды областей, краев и автономных республик РСФСР А. Воробьева и Б. Кулаева. Приз за третье место у ленинградских спортсменов М. Умарова и Ф. Богдановского.

В. Кузьменко впервые стала чемпионкой СССР по теннису в одиночном разряде.

Победу в велогонке на сто кругов одержал молодой спортсмен Б. Точилин.

Десятиборец В. Кузнецов завершил двухдневную борьбу новым европейским рекордом, набрав 7 728 очков.

Президент Международной федерации гиревого спорта и физической культуры Бруно Нюберг (Финляндия) поздравляет Ф. Богдановского с мировым рекордом.

Летняя эстрада

Артисты венгерской эстрады приветствуют зрителей-москвичей.
Фото Е. Умнова.

Г. ЯРОН,
народный артист РСФСР

Лето. По вечерам зрители заполняют эстрадные театры парков, вмещающие и 2 500, и 6 тысяч, и 10 тысяч, и даже 15 тысяч зрителей. Иногда дождь заставляет отменять концерты, на которые все билеты проданы неделю тому назад. Вероятно, давно пора подумать о постройке крыш эстрадных театров... Как это было бы хорошо! Представим себе: мы сидим, смотрим программу, начинается дождь, дежурный администратор нажимает кнопку — и над огромным залом возникает легкая, прозрачная крыша! Это, конечно, будет. Не такие чудеса у нас осиливают! А пока, когда идет дождь, наиболее нервные директора и администраторы грозят небу кулаками. Тучи от кулаков — увы! — не рассеиваются.

Но сборы в основном хорошие. Разговор о сборах когда-то считался дурным тоном, хотя они доказательство интереса зрителя.

На эстраде зритель хочет видеть отточенное, филигранное мастерство, веселый, музыкальный, яркий, художественный, остроумный отклик на современность, — будь то сцена или скетч, куплет или песенка, монолог или конферанс. За эти качества наши зрители долго и неизменно любят Л. Утесова, Н. Смирнова-Сокольского, А. Райкина, Ю. Тимошенко и Е. Березина, Л. Мирова и М. Новицкого, М. Миронову и А. Менакера, И. Набатова, А. Шурова и Н. Рыкунина, М. Гаркави и К. Шульженко, Тамару Церетелли, и представителей «оригинальных» жанров — великолепного фокусника Д. Читашвили и Таисию Савва, с таким вкусом и музыкальностью насвистывающую самые тонкие и сложные произведения, и многих других.

Что характерно для эстрады в это лето? В Москве и в крупнейших городах Союза выступают не только советские, но и зарубежные артисты, и выступают часто целыми коллективами: представления артистов Венгерского эстрадного театра, показавших программу под названием «Вечером в Будапеште», концерты польского «Голубого джаза». В Венгерском эстрадном театре — он гастролировал с большим успехом — в качестве конферансье выступал Иштван Казан. Москва его уже видела в спектаклях будапештской оперетты: в «Сильве» он играл роль «ведущего», комментирующего события на русском языке. Не так давно Иштван Казан окончил в Москве режиссерский факультет Государственного института театрального искусства. Так же, как и в «Сильве», он с большим и, я бы сказал, лукавым юмором, просто и легко ведет эстрадную программу; многие его остроты покрываются дружным смехом и аплодисментами.

«Только для друзей» — выступление Государственного эстрадного оркестра под художественным руководством Л. Утесова.
Фото А. Горнштейна.

Из номеров программы наибольший успех имеет «пародист» (как его объявляют) Альфонзо. Он уморительно пародирует итальянского оперного певца, очень смешно показывает, откуда произошли разные танцы (например, «румба» — это человек вышел из парикмахерской после стрижки, и его щекочут попавшие за воротник волосы). Альфонзо обладает не только мастерством, но и своей, легкой и непринужденной «подачей».

Исключительно четко, остроумно работает иллюзионист Родольфо. Задушевно поет чудесные венгерские песни, то лирические, то зажигательные чардаши Йолан Матэ. Ей аккомпанирует струнный ансамбль при участии темпераментной скрипачки Матилд Шованко. Играя на скрипке, она все время находится в движении, притопывает и подтанцовывает, порой утрачивая чувство меры.

По традиции, с новой программой приезжал в столицу Ленинградский театр миниатюр под руководством А. Райкина. Аркадий Райкин обладает непосредственным, ярким юмором, обаятельной мягкостью. У нас иногда смешивают мягкость с вялостью, сухость исполнения со сдержанностью. Мягкость Райкина исключительно темпераментна и действенна, она, как и юмор артиста, основное свойство его дарования.

Конферансье венгерской эстрады Иштван Казан.

Новая программа А. Райкина (по сценарию В. Лифшица «Времена года») поставлена Евгением Симоновым, добившимся отличного темпа в сменах сцен, слитности всего представления и общего ровного тона (оформил спектакль М. Виноградов). Композитору М. Блантеру развернуться было негде, но и здесь он написал музыку с запоминающейся маршеобразной веселой мелодией. Попытка объединить программу сюжетом, как и в большинстве случаев, не очень удачна. Да и требуется ли это на эстраде?

Среди большого количества миниатюр, какие включены в эту программу, естественно, одна лучше, другая хуже. Есть маловыразительные номера (например, куплеты манекенов или «Зимняя песенка»).

А. Райкин отлично владеет сценической техникой. Нужен большой и точный расчет сил, умение их распределить, чтобы ежедневно играть такую сложную роль, которую проводит Райкин, если сложить вместе все сцены, исполняемые им. Нам кажется, что такая «щедрость» излишня, она будет изнашивать силы исполнителей. Кроме того, чередование в программе сделало бы выступления актера еще более эффектными. В труппе много других способных актеров: Р. Рома, В. Деранков, Г. Новиков, М. Максимов, В. Горшенина.

После двухлетнего перерыва в Москве выступил Государственный эстрадный оркестр под художественным руководством Леонида Утесова. Его новая программа называется «Только для друзей». Ее поставил А. Конников. Оркестр Утесова отличается звучностью, четкостью и красивым тембром.

Я знаю Утесова с его почти самых первых шагов и всегда считал, что в нем живет серьезный дирижер: настолько он музыкален, настолько он ощущает всякую музыку, «пропитан» ею. Но, помимо музыкальности, есть еще одна сторона его дарования — юмор. В нем живет превосходный комедийный актер — это он доказал своими выступлениями в спектаклях.

Много было нынешним летом и других театрализованных программ, но... обо всем не напишешь. Что характерно для эстрады последнего времени? Это избыток джаза. Не «переджазили» ли мы в этом году?

Программа Л. Утесова — джаз, ну, ему и карты в руки; джаз Э. Рознера (прекрасного, кстати, музыканта); «Голубой джаз»; венгерская эстрада — джаз; Шуров и Рыкунин — это был музыкальный дуэт, ныне тоже джаз; Р. Романов теперь руководит женским джазом; множество трио и квартетов джазового характера. А вот постоянно действующего первоклассного симфонического оркестра явно не хватает летом в Москве. Переполненные зимой наши концертные залы показывают, какая у нас жажда серьезной музыки! Я убежден, что она не ослабевает в зависимости от времени года.

В течение многих лет каждая статья об эстраде всегда кончается пожеланием артистам в будущем иметь лучший и более разнообразный репертуар. В этом есть свой резон, и о нем я могу судить как непосредственный участник концертов. Артисты знают, насколько трудно найти хороший, злободневный, остроумный, веселый репертуар для эстрадного номера, а тем более для целой программы.

И все это действительно должно быть на эстраде! Поэтому я тоже заканчиваю разговор об эстраде пожеланием моим коллегам и себе хорошего репертуара.

«По поводу спектакля». Заслуженный артист РСФСР Аркадий Райкин.

ПИСАТЕЛЬ, БОРЕЦ, ГРАЖДАНИН...

Для тех, кто знал этого человека или, по крайней мере, его книги, трудно говорить о нем в прошедшем времени. Трудно представить, что он, говоривший всегда с такой страстью и каждым словом пленявший умы, что этот большой друг не будет теперь участником наших бесед, что перо выпало из рук писателя и режиссер навсегда покинул подмостки театра, которые так любил.

Словно целая эпоха немецкой литературы кончилась со смертью Бертольда Брехта, как раньше со смертью Томаса Манна. Когда великий человек искусства уходит из его рядов, остается большая пустота, и ее трудно заполнить.

Брехт был большим человеком. Его пьесы, стихи, его выступления по тому или иному поводу — все это отличалось подлинной простотой и законченностью формы — ничего лишнего, предельная сосредоточенность мысли. Читая Брехта, видя его пьесы, особенно если он сам их ставил, испытываешь необыкновенное интеллектуальное наслаждение и как бы обостряешь до предела собственное художественное восприятие. Он владел умением даже самые обыденные явления освещать каким-то новым светом, так, что ярко выступало вперед неизвестное, притаившееся свойство образа, он как бы вызывал образ к жизни, заставлял его искриться. Этим он показывал не только сложность и горечь действительности, но и красоту и внутреннее величие человека. Может быть, в этом причина того, что Брехт, обращаясь, казалось бы, больше к разуму, в то же время вызывал огромный эмоциональный отклик. Образ девушки, пробирающейся по горной грузинской тропе, сквозь снежную бурю, преследуемой вражескими всадниками, укрывающей от них ребенка чужой женщины,— это высшее выражение материнства. Или созданный Брехтом вслед за Горьким образ матери, мечущейся между любовью к сыну и чувством долга и солидарности... И какое множество — целая галактика — других незабываемых характеров и непреходящих идей заключено в творениях одного этого писателя...

Брехт был мужественным человеком. Мужество человека проявляется тогда, когда человеку приходится плыть против течения. И за небольшим исключением Брехт всегда поступал так, избегая шуметь об этом. Он имел смелость экспериментировать в своем искусстве, искать новые формы и новое обоснование для них, настаивать на своем, когда на него хмурились и глумились над ним, но он умел и поправлять себя. Правда, это случалось редко, ибо он обычно оказывался прав. Он имел мужество твердо отстаивать свои убеждения. Он открыто высказывался, когда многие лепетали или хранили молчание, он вынужден был не раз и не два спасаться бегством от гибели при нацистах, но никогда не переставал писать, говорить и бороться против них. Он ненавидел фашизм, угнетение и беззаконие и изобличал их там, где с ними сталкивался. В Соединенных Штатах он предстал перед одной из комиссий «по расследованию антиамериканской деятельности» и говорил правду в лицо этим мелким и глупым людям. Он вышел от них с высоко поднятой головой, победителем, восторжествовавшим над их модернизованной инквизицией. И никогда, даже в таких случаях, он не повышал голоса: он обладал удивительным чувством самоконтроля. Когда он бывал зол, он умел прятать эту злость в себе, но она пылала в его словах. Брехт умел убивать словом. Его слово было, как острие копья, как бич, рассекающий до кости. Его враги — это были враги рабочего класса, мира, гуманизма и демократии — знали это. И вышло так, что этот человек, простой, скромный, без претензий, стал в глазах многих героем; и своим творчеством и самим своим существованием оказал огромное влияние на целое поколение людей.

Брехт был гражданином.
Он считал искусство частью жизни, частью той борьбы, которая выпала на долю нам всем и в которой его доля была очень большой. В январе нынешнего года на съезде писателей Германской Демократической Республики он сказал: «В интересах всех немцев мы ведем борьбу за новый и лучший образ жизни, за новый и лучший образ мысли. Мы будем бороться за это везде и всеми имеющимися у нас средствами, в том числе на почве искусства — средствами искусства».

Здесь весь Брехт, гражданин и художник, борец и писатель. Все это в нем слито воедино. Он был не только гражданином Германской Демократической Республики и Германии в целом. Он выступал как представитель передового человечества, и всюду на земле, где только живут грамотные люди, к его голосу прислушивались с уважением и любовью.

Его призыв всегда был призывом к миру и разуму, против атомного безумия, против тех, кто перевооружает германский империализм и кто готовит человечеству новое всесожжение.

Брехт был другом.

Вы могли придти к нему, говорить с ним. У него всегда было для вас доброе слово, совет, помощь. В нашей первой немецкой социалистической республике разные искривления, и не только в области искусства, выпрямлены, многим людям была оказана поддержка благодаря Бертольду Брехту! Он умел в какой-то своей, ненавязчивой форме выступать всегда поборником здравого смысла. Этот здравый смысл Брехта имеет глубокие корни. Он коренился в народной мудрости, и сам Брехт звал писателей чаще приникать к этому источнику. Вот почему многое из написанного Брехтом звучит так, словно прямо идет из уст народа,— просто и тонко в одно и то же время. Вот почему также он всегда работал в народе, работал сообща. Тому свидетельством его замечательный театр в Восточном Берлине, в демократическом секторе германской столицы. Этот театр — создание Брехта и создание всех, кто работает в нем.

Брехт был... Нет, Брехт есть. Писатель—борец, гражданин, друг, член коллектива — все это качества, бессмертные по самому своему существу, а в том исключительном их сочетании, которое представлял человек Брехт, бессмертные вдвойне.

Поэтому мы можем с полным правом сказать: Брехт есть и останется навсегда.

Стефан ГЕЙМ

Берлин.

Райсобес в эти дни

В кабинете заведующей отделом социального обеспечения Е. С. Котовой идет очередное заседание комиссии по утверждению новых пенсий. В составе комиссии, кроме Котовой, заведующий райфинотделом, военный комиссар, представители профсоюзных организаций.

Аккуратными стопками сложены небольшие папки. Их больше тысячи...

Сразу же, как только был опубликован проект нового закона о пенсиях, в райсобесе начали пересматривать старые документы. На каждую папку наклеили бумажку. Сюда выписали сведения, которые при всех условиях не изменятся: имя, фамилия, возраст, стаж работы, причины перехода на пенсию. Теперь, чтобы рассчитать пенсию, не нужно копаться в ворохе бумаг: видно и так, какие потребуются дополнительные документы.

Эти же неизменные данные записали в новые пенсионные книжки. Значительная часть работы была кончена еще до утверждения закона на сессии Верховного Совета СССР.

В Ленинградском районе города Москвы свыше 25 тысяч пенсионеров. Многим из них пенсии были назначены еще в тридцатых и даже в двадцатых годах, исчислялись они по тогдашней заработной плате. Сейчас их пенсии значительно увеличатся.

Около тринадцати тысяч дел уже закончено и утверждено комиссией. Скоро по почте будет разослано уведомление: «Уважаемый товарищ! Комиссия по назначению пенсий просит Вас явиться за пенсионным удостоверением, согласно новому закону, имея при себе паспорт и старое пенсионное удостоверение».

Заготовлены в райсобесе и другие стандартные бланки. Ведь многим нужно представить справки о непрерывном стаже. Чтобы не было неразберихи и толкотни, всем им заранее сообщат, когда и куда нужно принести документы.

Отпечатана и своеобразная «памятка» пенсионерам: где и как будут получать деньги работающие и неработающие, какие и когда представлять справки.

Всем этим занимаются не только работники райсобеса. На помощь им пришли люди разных профессий — бухгалтеры, экономисты, счетоводы, инженеры, техники, рабочие,— те, которых выделили коллективы фабрик, заводов, общественные организации района.

Молоденькая укладчица с фабрики «Большевик» Рая Жамлиханова легко справляется с работой — пачка синеньких пенсионных книжек растет на глазах. Помогает райсобесовцам и Фаина Леонтьевна Игнатова, контролер завода «Изолятор», и бухгалтер райпищеторга Тамара Васильевна Токарева.

С новыми работниками в райсобесе провели восемь семинарских занятий. А чтобы разместить своих помощников — ведь их больше 40 человек,— исполком не поскупился на помещение: оборудовал пять светлых комнат, а уж заодно отремонтировал и старые. Уютно и чисто стало теперь здесь!

В райсобесе немало посетителей — до 500 человек ежедневно принимают инспекторы. Им помогают представители общественности. Среди них Федор Иванович Любимов, техник по безопасности одного из московских заводов. Каждого он внимательно выслушает, каждому объяснит. А если встречаются затруднения, выручит опытный консультант — работник райсобеса Анна Федоровна Горбачева.

Шкафы, забитые бумагами, то открываются, то закрываются, раздвигаются и задвигаются стеллажи с папками, скрипят перья, щелкают счеты, и, тем не менее, не создается впечатления канцелярии. За каждой бумажкой — человек с его заботами и радостями, которому новая пенсия обеспечит безбедную старость.

Т. ТРОИЦКАЯ

А. Ф. Горбачева (на переднем плане) и Ф. И. Любимов (сзади, слева) принимают посетителей.

Фото Р. Лихач.

На куполе Исаакиевского собора

Исаакиевский собор в Ленинграде, построенный в 1819—1858 годах,— замечательный памятник архитектуры. Сейчас здесь ведутся большие реставрационные работы.

Опытные мастера промывают и реставрируют бронзовые скульптуры и барельефы, украшающие портики фронтонов, очищают от вековой копоти и полируют мраморную облицовку, восстанавливают отдельные детали собора.

Особую сложность представляют осмотр и ремонт позолоченного купола и креста, установленного на высоте 102 метров. За работу верхолазов взялись Юрий Павлович Спегальский и Олег Павлович Тихонов.

Ю. П. Спегальский, кандидат архитектуры, давно занимается памятниками старины. Автор нескольких специальных печатных работ, он принимал участие в реставрации высотных частей соборов в Пскове, Новгороде, Ленинграде.

О. П. Тихонов работает вместе с Юрием Павловичем уже восемь лет. К работе верхолаза его привлек спортивный интерес. Олег окончил факультет физического воспитания педагогического института имени Герцена в Ленинграде и сейчас является тренером по горнолыжному спорту и альпинизму. Тихонов имеет первый спортивный разряд по альпинизму и неоднократно взбирался на вершины Кавказа.

Верхолазы обследовали скульптурные группы, украшающие фронтоны портиков, и установили, какому ремонту должны быть подвергнуты бронзовые скульптуры и облицовка собора.

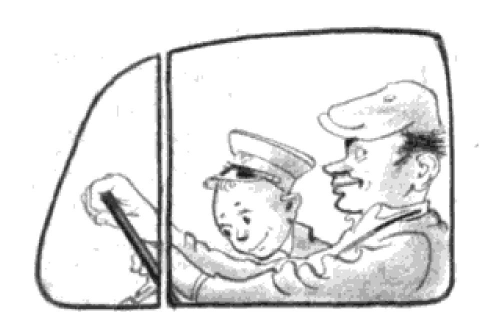
При обследовании главного купола собора было обнаружено, что на нем есть следы от пуль и осколков снарядов со времени Великой Отечественной войны.

Наибольшую трудность представлял подъем на крест центрального купола. Пришлось проявить много смелости и изобретательности, чтобы попасть туда и опустить вниз веревку.

Крест на центральном куполе не ремонтировался с момента постройки собора. Бронзовые позолоченные пластины, покрывающие железный каркас креста, также требуют ремонта. Сам крест, изготовленный из железа, сильно поржавел за многие десятилетия.

После ремонта замечательный памятник архитектуры снова будет открыт для посещения экскурсантов.

В. ГУЛИН

Мама начинает выздоравливать...

С. ШАТРОВ

Рисунки К. РОТОВА.

Никто не знает, сколько болезней у нашей мамы. Может быть, их десять тысяч. А может быть, два миллиона. Сосчитать их, говорит папа, труднее, чем звезды в небе.

Мама все время лечится, а болезней становится все больше. Это из-за медицины. Наша медицина ничего не знает. Она никак не может разобраться в маминых болезнях.

Папа достал маме номерок в поликлинику, где лечатся сам товарищ Шугайло и товарищ Мыстрецов. Но и там медицина не понравилась маме.

— Полы паркетные, — сказала она, — врачи анкетные. И все они слишком молодые...

Молодым врачам мама не верит. Она верит старым. Папа привел старого врача. Он был такой старый, что еле передвигал ноги. На нем был черный пиджак, и черные штаны, и черные ботинки, и черный бантик на белой рубахе, закапанной лекарствами. Он, наверно, полчаса шел из передней в комнату. Я боялся, что он умрет по дороге. Но он не умер, а попросил миску и полотенце.

Мама в это время лежала на диване в красивом сером шелковом платье и лакированных туфлях.

Доктор вымыл руки, вынул из чемоданчика термометр и часы, похожие на яйцо. Температура была нормальная. Он долго выслушивал и выстукивал маму. Он так устал, что начал кашлять и сопеть, пока сам не принял какое-то лекарство.

— Так вот что, душенька, — сказал он. — Вы здоровая женщина. Годны, так сказать, к строевой службе. Могу вас зачислить в пехоту...

Тут доктор засмеялся, а за ним папа, а за папой я.

— Ваша беда, — продолжал доктор, — ваш вес. Скиньте пуд, и все будет в порядке. Надо меньше кушать мучного и больше гулять!

Я очень обрадовался. Наша мама здорова! Я чуть не поцеловал доктора. Папа тоже обрадовался. Он дал доктору 50 рублей и сам надел ему на голову шляпу. Но мама почему-то расстроилась. Она сказала, что мы зря отдали деньги. Лучше бы на эти деньги нанять полотеров и натереть пол или купить мне вельветовую курточку. А мы отдали их доктору. А он совсем выжил из ума. Он не заметил болезней, которые все видят. Слава богу, они у мамы не первый год. О них знают все родственники и друзья. Теперь придется искать другого доктора.

В Москве мама так и не нашла хорошего доктора. Она нашла его на станции Кратово. Вот это был доктор! Он сразу обнаружил десять тысяч болезней и еще одну такую, о которой даже мама ничего не знала!

Новый доктор сказал, чтобы мама приехала к нему еще раз. Он сварит ей из травы лекарство. Целый бидон! Она выпьет бидон и в два счета станет на ноги!

— Пусть Миша подготовит машину в воскресенье, — сказала мама. — Мы поедем с ним в Кратово.

— Это еще не факт, оставят ли у меня «Победу», — ответил папа.

— Значит, в самом деле машины будут отбирать? — испугалась мама.

— Возможно, нашей конторе оставят одну дежурку.

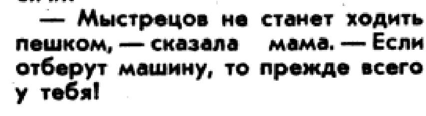
— По-твоему, ваш Шугайло будет разъезжать на дежурке, как какой-нибудь врач «Скорой помощи» или пожарный?

— Еще как будет!

— И у вашего Мыстрецова отберут «ЗИМ»?

— А что за цаца Мыстрецов? Таких Мыстрецовых в Москве тысячи!

— Мыстрецов не станет ходить пешком, — сказала мама. — Если отберут машину, то прежде всего у тебя!

Через несколько дней папа пришел и сказал, что положение осложняется. Скорее всего Мыстрецову не оставят «ЗИМа». Тут мама сказала, что Мыстрецов — здоровый мужик. Эму полезно ходить пешком. О Мыстрецове пусть волнуется его мадам, его ненаглядная Любочка. Мама же волнуется о себе. Вот ей надо ехать в Кратово за лекарством. Надо везти целый бидон. Как она поедет? На чем? Папа подумал об этом?

Папа ничего не ответил. Он включил телевизор. Он начал смотреть, как живут рыбы на дне моря. Они жили неплохо. Они плавали взад и вперед, выпучив глаза, пускали пузыри и гонялись друг за другом, как футболисты на зеленом поле. Я тоже начал смотреть на рыб, но папа дал мне подзатыльник. Он сказал, что я дикий лодырь. И мама сказала, что я совсем разленился. Вместо того, чтобы решать интересные арифметические задачки, я смотрю на каких-то паршивых рыб. В мои годы можно быть умнее.

Я взял портфель, сел за стол и вынул задачник. Папа закричал, что я неряха. Я превратил чудесный задачник в половую тряпку.

— А ты посмотри на его ногти, — сказала мама.

Папа посмотрел. Он начал так кричать, что в телевизоре запрыгало изображение. Но папа уже не смотрел на экран, а только орал, что я неряха и лентяй. В старое время со мной бы много не разговаривали. Мне бы всыпали в одно место, и дело с концом! Для таких типов, как я, это — лучшее лекарство. Потому что от этого проясняется в голове. Таков физический закон!

Под этот крик я сел готовить уроки.

Я дурак. Сколько раз я говорил себе, что, если папа приходит домой в плохом настроении, лучше сразу садиться за уроки! А я не сел. Я засмотрелся на рыб. Они так весело гонялись друг за другом, и диктор таким красивым голосом рассказывал про их жизнь, что я забыл про папину машину.

Целую неделю я хорошо готовил уроки и даже принес две пятерки. Меня даже никто не похвалил. Папа приходил сердитый. Машину у него отобрали. Он боялся, что из-за этого остановится вся работа. Но она не остановилась. Папа продолжал ездить на службу. Теперь он ездил в троллейбусе.

Мама тоже была недовольна. Она часто вздыхала и вспоминала про машину. Она даже не знала, на чем ей поехать в Кратово.

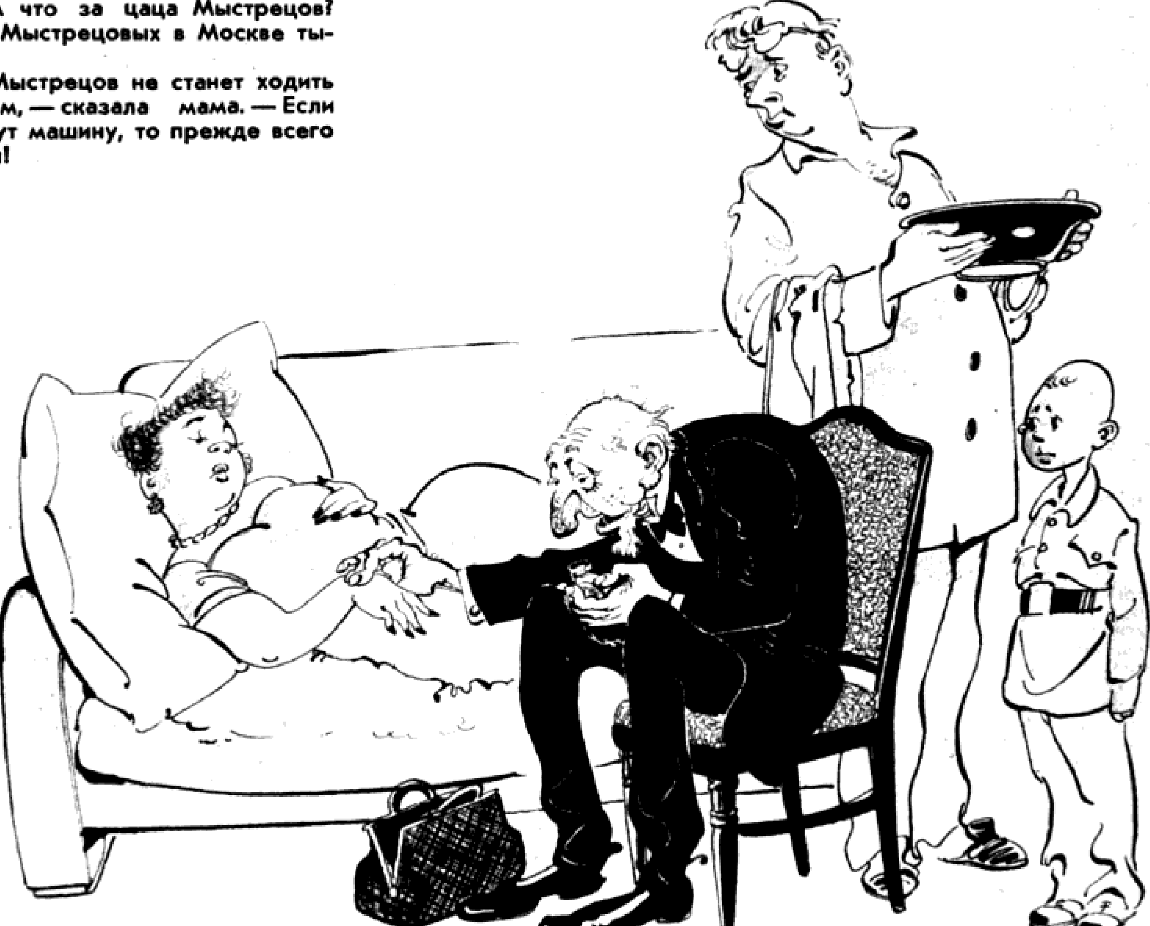
— Что ты вздыхаешь? — рассердился папа.

— Завтра воскресенье. Мне надо ехать к доктору.

— Ну и поезжай.

— А ты знаешь, что творится в выходной в поездах? Придется толкаться со своим бидоном, как молочнице!

— Что же ты хочешь! — еще больше рассердился папа. — Ты хочешь, чтобы я перестроил железнодорожный график? Снял с работы министра? Написал фельетон в «Вечерку»?

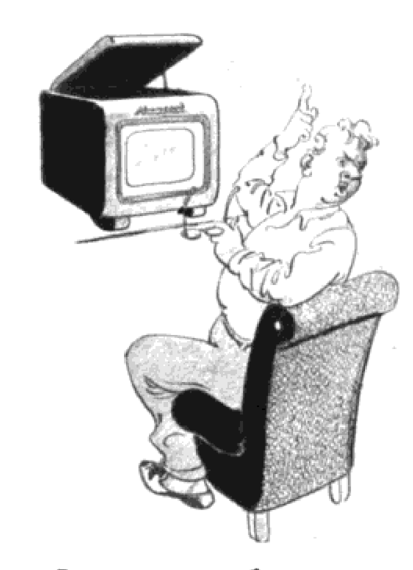

— Я ничего не хочу, — сказала мама и заплакала.

— Хорошо! — крикнул папа. — Бери такси. Оно доставит тебя и твой бидон франко-дом!

Мама оделась, взяла меня с собой, и мы пошли на Пушкинскую площадь за такси. Вдруг мы увидели папиного шофера — дядю Мишу. Он сидел в нашей машине. Теперь по бокам ее были нарисованы шашки.

— Боже мой, какое совпадение! — сказала мама. — Расскажешь — не поверят!

— В жизни всякое бывает, — ответил дядя Миша.

Мы сели и поехали. В кабине я увидел счетчик. Раньше его не было. Он тихонько щелкал, когда выскакивала новая цифра. Он щелкнул десять раз, а мы только выезжали из Москвы. Мама спросила, исправен ли счетчик. Дядя Миша ответил, что исправен. Потом она спрашивала об этом еще раз пять, и мы с дядей Мишей хором кричали:

— Исправный!

Мама сказала, что я слишком развеселился. Это может для меня плохо кончиться. Лучше бы мне смотреть на дорогу, на лес, на птичек. Мальчик должен быть любознательным, а не, как осел, все время смотреть на счетчик.

Я стал любознательным. Я начал смотреть по сторонам, а мама все-таки все время смотрела на счетчик. Мы приехали в Кратово, и выскочила цифра 97. Мама вздохнула и вышла из машины. Я с дядей Мишей остался в кабине. Мама вошла во двор, где жил доктор, но тут же вернулась.

— Скажите, Миша, — спросила она, — когда машина стоит, счетчик работает?

— Обязательно, — ответил Миша.

Мама повернулась и быстро пошла к крыльцу. Может быть, она даже побежала. Шляпка с пером подпрыгивала на ее голове. Изпод туфель вылетали камешки. Дядя Миша свистнул и сказал:

— Ого! Счетчик дает жизни!

На крыльце, куда взбежала мама, стояла большая очередь. У всех были бидоны и бутылки. Мама заняла очередь. Но она долго не стояла. Она пришла к нам и посмотрела на счетчик. Он хорошо работал. На нем уже было 100 рублей. Так мама ходила туда и обратно, пока ей не налили бидон.

Мы выехали на Раменское шоссе, и любимый мамин счетчик уже показывал 110 рублей. Тогда она попросила дядю Мишу отвезти ее на станцию. Ей захотелось ехать поездом.

— Дело хозяйское, — ответил дядя Миша.

На станции было много людей. Все стояли с цветами, с зелеными ветками, у некоторых были портфели, из которых виднелись бутылки. Они, наверно, тоже были у врача и взяли у него лекарство. Всюду играли баяны, дяди и тети пели и танцевали. Вдруг на платформу пришли студенты, и стало совсем тесно и весело. А за студентами пришел поезд. Все кинулись занимать места, и маму чуть не затолкали в вагон без билета.

Она еле вырвалась. Мы пошли обратно.

Миша стоял на том же месте. Мама молча села в машину. Когда мы подъезжали к Москве, счетчик показал еще 100 рублей. Мама посмотрела на него и только пожала плечами. Она отодвинулась в самый угол машины и больше уже никуда не смотрела и ни с кем не разговаривала.

— Что с вами, Ольга Ивановна? — спросил дядя Миша.

— Ничего. Меня немножко укачало.

— Странно. Раньше вас не укачивало. Вы любили дальние рейсы и много ездили. А теперь укачало. С чего бы это?

— Не хамите, Миша! — сказала мама.

Мы приехали домой довольно поздно. Дверь нам открыл папа.

— Расплатись за такси и принеси бидон! — попросила мама.

— Сколько намотало? — спросил папа.

— Всего 214 рублей.

Папа немного побледнел. Он взял деньги и пошел к дяде Мише. Мама легла на диван, и я снял с нее лакированные туфли.

— Это была кошмарная поездка! — сказала мама, когда папа вернулся.

— Маму укачало, — сказал я.

— Не говори глупостей! — крикнула мама.

— Ты не волнуйся, — сказал папа. — Черт с ними, с деньгами! Наживем. Бывают неприятности похуже. Главное — здоровье!

С этого дня мама никогда не ездит на машинах. Она ходит пешком на базар, в магазин, к доктору и в театр.

Мама сильно похудела. Она чувствует себя лучше. Она даже не выпила бидона, который ей дал врач. Полбидона она отдала этой Любочке, жене Мыстрецова. Пусть и ей поможет лекарство знаменитого доктора, как оно помогло нашей маме.

НАУЧНЫЙ *подход*

Осенью, когда по утрам на травы и поздние цветы уже падал иней, заехал я по пути к своему знакомому Ивану Гаврилычу, колхозному пчеловоду. Застал его за последними сборами — пора было пчел отправлять на зимовку. Я рассказал городские новости, Гаврилыч — колхозные и между делом поведал такую историю.

— Вишь, какое дело случилось тут. Нынешним летом сторожил я своих пчелок, никто мне не мешал. И так-то было хорошо, пока не повадился ходить в талы с баяном мальчишка один — Гришка, ну просто жизни мне не стало. Парень здоровый, как бык, только бы работать, а он какую дурь себе в голову вбил! «Я, — говорит, — ученый, десятилетку кончил, чего это черной работой буду заниматься?» А какой он к шутам ученый: поехал в институт экзамен сдавать, да и провалился. Решил после этого высшую науку на гармошке проходить. Вот так день дерет гармошку, другой, третий... Ну, житья мне не стало! Трутням, и то надоел. Как заиграет Гришка, так они вроде злее жужжать примутся...

Думаю, надо парня к делу приучить, а то на одном пиликанье далеко не уедет. Выбрал я как-то пораньше времечко, да и зашел к нему. Мать на работу убежала, один он в горнице.

Сначала я о том, о сем с ним побалакал. Как, мол, живете? Как здоровье матери? «Да ничего», — говорит. «А где же она?» «Работает». «А ты?» «Так я что?.. Я... занимаюсь. Не пришлось вот в высшее-то учебное заведение поступить, так учусь на баяне играть, буду зарабатывать на праздниках, на свадьбах, на том, на сем — нешто плохо?» «Неплохо, — говорю, — хорошее дело! Да вот у нас в колхозе неуправка на бахчах, рук не хватает». «Так-то оно так, — отвечает Гришка, — а только нас это не касается, мы положенные на семью трудодни сполна вырабатываем». Я говорю: «Как же это «мы» — ведь это ж мать! Она зарабатывает!» «Ну так что ж, — говорит, — она у меня передовая, орден имеет, чего ж вам? Она и на меня и на себя наработает... А дом кто караулить будет? Обед сготовит? Вот, значит, я ей иной раз яичницу состряпаю, почитаю чего-нибудь или расскажу, как с работы придет, ну, ей и хорошо, да и всем неплохо!» «Да, — говорю, — так-то оно так!..»

А сам поглядываю по сторонам, интересуюсь. Смотрю, на столике у него, как у девчонки какой: пудра, флакончики разные, потом бритва безопасная — привез из города фасонистую — и одеколон модный... забыл, не то «Ландыш серебристый», не то «Белая акация», шут его знает! От Гришки всегда им пахло.

Ну, таким манером мы еще поговорили. Потом я вроде невзначай и опрокинь пузырек с этим самым одеколоном. Гришка взвился, ровно кто его шилом ширнул: «Эк тебя, Гаврилыч, угораздило, да ему цены нет». Я это пардону прошу, а сам чистым платочком — оказался как раз у меня в кармане — лужицу промокаю.

Прошел день, другой, третий. Вдруг слышу разговор: пчелы Гришку заедают. Как у пасеки появится, так пчелы на него и насядут. Забился парень в дом и боится нос показывать. И верно, не слышно у меня музыки в талах! Что за оказия?!

Однако иду посмотреть, любопытство берет.

Прихожу. Гришка мой перевязанный весь вдоль и поперек! Как увидел меня, не дал и в калитку войти, кинулся. «Твои, — говорит, — пчелы меня изгрызли!» «А кто ж их знает, чьи? — отвечаю. — Может, мои, может статься, и Михайлы с соседней пасеки, паспорт они ведь тебе не казали? На носу у них метки моей нет!»

«Загрызут они меня. Ты их отвадь!»

«Как же это я их отважу?» — спрашиваю.

«А почему, Гаврилыч, тебя-то пчелы не кусают?»

«Верно, меня не кусают! Секрет тут простой, — говорю Гришке, — известно, что пчелы поту боятся. (Это, конечно, я для Гришки такое придумал.) Как пропотеешь, так ни одна пчела не подлетит». «Ну, — удивляется Гришка, — неужто?» «Ей-богу! Да чего там далеко пример искать: сам я иной раз в воскресенье, отмывшись с вечера от пота, разосплюсь до свету, не поработаю, глядишь, еще до чаю одна — другая жиганет. А как начну работать: новый улей построгаю, туда-сюда его переставлю, — взмокрею, а пчелок отважу. Вот, — говорю, — и ты попробуй так». «То есть как?» — не понимает Гришка. «Да так: надень старые брючишки, в которых допрежь в школу бегал, и пойди с матерью пораньше в поле. До свету, пока пчелки спят, поработай так, чтоб еще до солнышка вспотеть...» «Ну и что? Думаешь, не станут кусать?» «Не станут! Я только так и спасаюсь...»

Поговорили еще малость с Гришкой, и пошел я восвояси. А назавтра, еще чуть зорька занялась, смотрю, трусит мой Гришка рысцой мимо пасеки, чтоб, значит, успеть на работе пропотеть до солнышка.

Вечером захожу к Митрофановне, спрашиваю Гришку: «Ну как?» «Ничего, — говорит, — ни одна не укусила». «Во! Видишь, как!..»

Так, значит, день, другой, третий провел... И что ты думаешь, втянулся Гришка в работу!

Гаврилыч крутнул головой и засмеялся:

— Вот оно как по науке-то можно от лодырничания отвадить.

Мы, признаться, удивились:

— При чем же здесь наука?

— Как это «при чем»? Вы думаете, я пчелок вожу по старому обычаю? Нет, теперь, куда ни сунься, без науки толку не будет. Как, скажем, пчелку заставить меду больше собрать, да того, которого тебе желательно? Вот тут наука и подсказывает. Ты слыхал о рефлексах всяких? Что такое рефлекс? А это, значит, скажем, треснут тебя по лбу, ну, и ты норовишь сдачи дать. Еще подумать не успеешь, а рука сама подымается. Вот это и есть самый рефлекс — привычка. У пчелок тоже свои привычки есть — к запаху они привыкают хорошо.

Вот когда Гришка стал меня донимать, я и вспомнил: хорошим одеколоном он душится. Дай, думаю, пчелок к нему приучу, пусть они его малость побеспокоят. Запер одну семью и давай кормить сахарным сиропом с этим одеколоном. Они и привыкли. Только выпустили их, они сразу шасть в гришкину сторону. Он махать, а они его кусь да кусь, ну и вспух парень. Вот как! Ну, а когда он вымылся да надел старую одежу, тут уж рефлекс действовать не стал, хоть бы Гришка у самого улья сидел. Вот как, значит, пчелки помогли дурь выбить.

Одеколоном он опять душится, но уж теперь ништо — пчелки отвыкли! Да почему парню и не подушиться после работы, когда помоется да на гулянку пойдет? Поработал хорошо, а там играй вволю, одеколонься, пудрись — твое дело.

А. ЕГОРОВ

Ростов-на-Дону.

Бабушка Арина отлично ориентировалась в лесу... а вот здесь заблудилась.

Рис. Л. Самойлова (Рига).

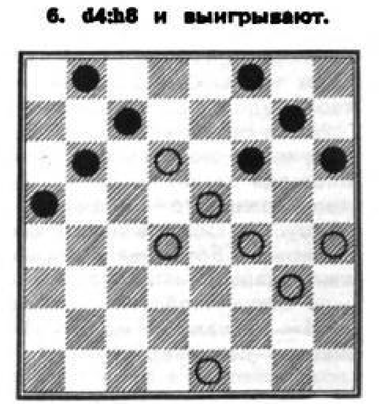
Шашки

Под редакцией мастера
Г. Я. Торчинского

КОНЦОВКА
И. Г. Мышляев

Несмотря на наличие у черных лишней шашки, белые выигрывают красивой и оригинальной комбинацией:

1. e1—d2! a5—b4
2. d2—c3!! b4:d2
3. h4—g5! f6:f2
4. f4—g5 h6:f4
5. e5:c3 c7:e5
6. d4:h8 и выигрывают.

Жемчужина тайги

Еще в древней Руси соболь ценился выше золота. Изумительно красивые собольи меха воспеты в былинах и песнях. Драгоценными шкурками соболя в старину расплачивались за товары, вносили дань, жаловали за высокую службу, оказывали помощь в войнах.

Русские люди, осваивая просторы Сибири, овладевали и ее несметными богатствами пушнины. При Иване Грозном только в царскую казну поступало ежегодно до двухсот тысяч собольих шкурок. Борис Годунов, отправляя посольство в Вену, приказал выдать одних лишь собольих шкурок свыше сорока тысяч штук. На реке Нижней Тунгуске еще в начале девятнадцатого века водилось так много соболя, что он нередко забегал в селения.

Самые лучшие в мире соболи — баргузинские, обитатели забайкальской горной тайги. Мех у них почти черный, шелковисто-мягкий, с блестящей остью, теплый, пышный, на щеках иногда седины, а на горле снизу яркооранжевое пятно, как яичный желток.

Соболь — очень смелый, сильный, осторожный и хитрый зверек. Он особенно любит густые кедровые леса. Питается этот таежный хищник не только мелкими животными, он не прочь полакомиться кедровыми орехами, грабя запасы их, заготовленные другими животными и птицами. Соболь ест охотно вкусные лесные ягоды, а при удаче наслаждается медом диких пчел.

Охота людей за великолепной собольей шкуркой заставила соболя уйти в почти недоступные горнотаежные районы Сибири. Однако теперь введена охрана редкого зверя. Созданы крупные государственные заповедники — Алтайский, Баргузинский, Саянский и многие другие. Соболь вновь стал размножаться, на него опять разрешена охота, например, в горнотаежных районах Иркутской области.

Теперь охотники снова берут «на мушку» диковинного юркого соболя — жемчужину сибирской тайги.

Н. ВЛАСОВ

ФИНСКИЕ ПОГОВОРКИ

Из слов моста не построишь — нужны бревна.

Кто всегда разряжен, тот никогда не наряден.

Когда же лентяю работать: зимою — стужа, весною — лужи, осенью — грязь, а летом — некогда!

Лентяй потеет при еде, а при работе мерзнет.

На суше умных много, когда на море беда.

Погоду хвали вечером, а сына, когда борода вырастет.

«Шума много, а шерсти мало!» — сказал черт, остригая кошку.

Доброе слово смазки не требует.

Друга обманешь однажды, себя — навечно.

Где мир да любовь, там все друзья.

Одним камнем муки не смелешь.

Плох тот кузнец, который искры боится.

Тот не заблудится, кто спрашивает.

Лучше день подумать, чем целую неделю впустую трудиться.

Самый глухой тот, кто слышать не хочет.

Пошли ребенка по делу, сам иди по следу.

Плох трусливый пастух, но еще хуже глупый судья.

Перевел Рой МЯКЕЛЯ.

В ДОЖДЬ

Зарисовка с натуры

Е. Райковского.

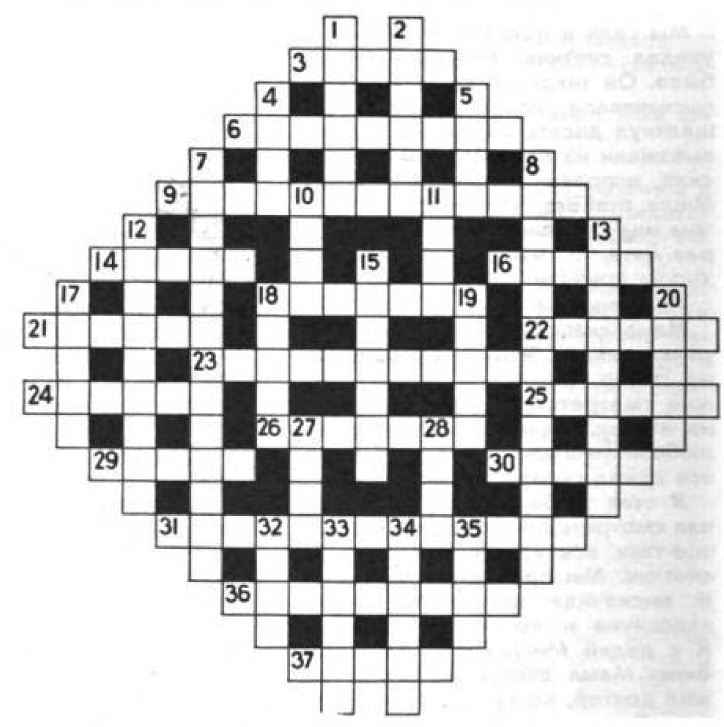
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Представитель народа одной из автономных республик. 6. Конечный итог. 9. Историческая область в Румынии. 14. Персонаж оперы Ж. Бизе «Искатели жемчуга». 16. Зверек с ценным мехом. 18. Искусство управления летательным аппаратом. 21. Город в Китае. 22. Вулканический остров в группе Малых Зондских островов. 23. Долг. 24. Свидетельство. 25. Химический элемент. 26. Река, впадающая в Берингово море. 29. Рассказ А. П. Чехова. 30. Областной центр БССР. 31. Наука. 36. Полуостров в Азии. 37. Руководитель крестьянской войны в XVII веке.

По вертикали:

1. Башкирский народный поэт. 2 Рыба. 4. Река в Европе. 5. Озеро в Архангельской области. 7. Отдел геометрии. 8. Спортсмен. 10. Курорт на Черном море. 11. Пометка на документе. 12. Профессия служащего. 13. Художник. 15. Опера А. Серова. 17. Непарнокопытное млекопитающее. 18. Русская народная песня. 19. Тонкое листовое железо. 20. Яркий метеор. 27. Герой романа Жюля Верна. 28. Денежная единица Ирана. 32. Народная карельская и финская эпическая песня. 33. Дерево африканских саванн. 34. Древнеримский поэт. 35. Замкнутая кривая.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 34

По горизонтали:

2. Кларнет. 4. Пуни. 5. Лира. 7. Боровиковский. 10. «Бирюк». 11. Флора. 13. Умбра. 15. Трал. 17. Рост. 19. Физалис. 20. Гонта. 21. Москвин. 22. Жила. 24. Агат. 26. «Лакме». 27. Нукус. 28. Опока. 31. Семипалатинск. 32. Опус. 33. Клен. 34. Триолет.

По вертикали:

1. Прожектор. 2. Каньон. 3. Триест. 4. Проект. 6. Азимут. 8. Прибаутка. 9. Абрикосов. 10. Барибал. 11. Флагман. 12. «Арзамас». 14. Аксиома. 16. Росси. 18. Семга. 22. Железо. 23. Скульптор. 25. Токсин. 29. Силуэт. 30. Гиалит.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин художников Закарпатской Украины и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 11125. Подп. к печ. 22/VIII 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 768. Заказ № 2178.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Дрогобычская область. Пейзаж.

Фото Н. Козловского.

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ И УМЕР ИВАН ФРАНКО. Город Львов.

Художник С. ГОДЫНА.

Цена номера 3 руб.